

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все примечания, комментарии и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

H. ant.

438

h

с. 176

458

МАКЕДОНСКАЯ ИГЕМОНИЯ

И

ЕЯ ПРИВЕРЖЕНЦЫ.

СОЧИНЕНИЕ

Николая Астафьева.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1856.

913. H. ant. 438^h

9/5/32
458

Tien 12

МАКЕДОНСКАЯ ИГЕМОНИЯ

И

ЕЯ ПРИВЕРЖЕНЦЫ.

СОЧИНЕНІЕ

Alexandrovia
Николая Астафьева

МАГІСТРА ВСЮЩЕЙ ИСТОРИИ

ПРЕДСТАВЛЕННОЕ ВЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ ИМПЕРАТОР-
СКАГО С. ПЕТЕРБУРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

PRO VENIA LEGENDI.

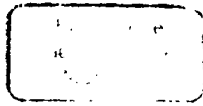
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ.

1856.

Fg/66/606

24-440

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

по опредѣленію историко-филологическаго факультета Императорскаго С. Петербургскаго Университета. 7 Апрѣля 1856.

Исправляющій должность Декана Докторъ Философін,
Орд. Проф. Всеоб. Исторіи *Мих. Кутарин*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
ВВЕДЕНІЕ.	
ГЛАВА I. Очеркъ религіознаго, общественнаго и политическаго состоянія Греціи и преимущественно Аѳинъ во время Филиппа II македонскаго.....	8
ГЛАВА II. Происхожденіе и сущность вліянія Персовъ на дѣла Греціи въ IV вѣкѣ до Р. X. и политика ихъ относительно царей македонскихъ Филиппа II и Александра В.....	38
ГЛАВА III. Происхожденіе и значеніе македонской партіи и сущность македонскаго господства въ Греціи.....	58

Извѣстно, что во второй половинѣ IV вѣка до Р. Х. Греція подпала владычеству царя македонскаго Филиппа II. Какъ возникло это владычество, что ему содѣйствовало и въ чемъ оно заключалось, — вопросы еще весьма мало или вовсе не изслѣдованные.

Обыкновенно говорятъ, что Филиппъ подкупилъ ораторовъ и другихъ лицъ, имѣвшихъ вліяніе на народъ, и, при содѣйствіи подобныхъ предателей, подчинилъ Грецію своей власти. Мнѣніе это основывается преимущественно на свидѣтельствѣ Димосеена, знаменитаго витія и государственнаго мужа, но — врага Филиппа и его приверженцевъ; этого обстоятельства никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду. Что же касается до самой сущности македонскаго господства въ Греціи, то этотъ предметъ почти не обращалъ на себя вниманія ученыхъ.

Разобрать причины, опредѣлить характеръ господства, пріобрѣтеннаго Филиппомъ надъ Греціею, и такъ какъ главною причиною этого господства было появленіе между Греками такъ называемой «македонской партіи», то разъяснить, изъ какихъ элементовъ состояла эта партія, и что заставляло ее содѣйствовать видамъ Филиппа на Грецію — корысть ли одна или другія какія побужденія. Такова задача предлагаемаго разсужденія. Результаты найденные нами большею частью новы, — суду ученыхъ рѣшить, находятъ ли они достаточное основаніе въ нашихъ изслѣдованіяхъ.

Эти результаты суть слѣдующіе: 1) Такъ называемая «македонская партія» была ничто иное какъ старая *партія олигарховъ*, которая при помощи Филиппа надѣялась возвратить себѣ прежнее значеніе и даже преобразовать правленіе въ свою пользу¹⁾; 2) Филиппъ II пріобрѣлъ надъ Греціею не монархическую власть (онъ ея и не искалъ), но простую *игемонию* подобную той, какою прежде пользовались Аѳины и Спарта, и которая была ему необходима для обеспечения успѣха давно задуманнаго имъ великаго предпріятія — завоеванія Персіи. Утвержденію въ Греціи македонскаго господства не мало содѣйствовало также и тогдашнее разстроенное состояніе этой страны, изнемогавшей и отъ междоусобицъ, почти непрерывныхъ, распрей и отъ необузданнаго, дикаго своеволія толпы, попиравшей всякіе законы справедливости до такой степени, что дѣлала невыносимымъ положеніе образованнаго и достаточнаго класса гражданъ т. е. олигарховъ — здѣсь, по нашему мнѣнію, заключалась первая побудительная причина заставившая ихъ обратиться къ царю македонскому, въ надеждѣ, при его содѣйствіи, исторгнуть власть изъ рукъ буйной и своевольной толпы.

Если македонская игемонія нашла себѣ приверженцевъ между самими Греками, то съ другой стороны поборникомъ ихъ свободы (безъ сомнѣнія не безкорыстнымъ) является народъ еще недавно и упорно враждовавшій съ ними — Персы! Явленіе неожиданное, но вполне понятное, если познакомиться ближе съ тогдашнимъ состояніемъ персидской монархіи и ея отношеніями къ Греціи въ IV вѣкѣ.

Соотвѣтственно основнымъ идеямъ нашего разсужденія въ *первой главѣ* его мы налагаемъ состояніе Греціи въ IV вѣкѣ, общественное и политическое, — такъ какъ здѣсь заключалась первоначальная причина происхожденія и македонской партіи и македонской игемоніи. Во *второй главѣ* мы говоримъ о тогдашнемъ состояніи Персіи; показываемъ, какъ возникло и

¹⁾ Во время Филиппа во всѣхъ греческихъ городахъ, за исключеніемъ только Спарты, правленіе было димократическое.

возрастало постепенно, въ IV вѣкѣ, вліяніе ея на дѣла Греціи, и какъ потомъ воспользовались имъ Персы для того, чтобы возбуждать и поддерживать въ этой странѣ противодѣйствіе планамъ Филиппа, когда ясно стало выказываться его намѣреніе пріобрѣсть игемонію надъ Греками, чтобы вслѣдъ за тѣмъ съ удвоенными силами предпринять завоеваніе Азіи. Если всѣ усилія персидскаго правительства, въ этомъ случаѣ, остались тщетными, то только потому, что между самими Греками образовалась сильная партія въ пользу македонской игемоніи. Характеристика этой партіи, исторія ея происхожденія и цѣль ея антинаціональной политики и опредѣленіе характера македонскаго господства въ Греціи составляетъ содержаніе *третьей и послѣдней главы*.

Таковъ планъ нашего труда; мы старались придать ему возможную полноту и ясность, и если не вездѣ въ томъ успѣли, то извиненіемъ нашимъ можетъ служить крайняя скудность источниковъ, — не потому чтобы четвертое столѣтіе не имѣло своихъ историковъ, напротивъ, ихъ было еще болѣе, нежели въ пятомъ вѣкѣ, и притомъ весьма замѣчательныхъ, но творенія ихъ, къ сожалѣнію, затеряны.

Для нашего предмета особенно невознаградима потеря сочиненія *Θεοπομπῆς «Φιλίππηα»*¹⁾, какъ по своему содержанію, прямо относившемуся къ изслѣдуемому нами времени, такъ и по высокому достоинству твореній этого писателя. По отзыву Діонисія Аликарнасскаго Θεοπομπῆς не довольствовался простымъ изложеніемъ фактовъ, но въ связи съ ними объяснялъ законы, формы правленія; съ особеннымъ, ему только свойственнымъ, искусствомъ умѣлъ онъ разоблачать тайныя побужденія политическихъ дѣятелей, раскрывать сокровенныя причины событій, недоступныя для другихъ, но ему хорошо

1) «Φιλίππηα», въ 38 книгахъ, заключали въ себѣ всю исторію Филиппа и его времени, отъ вступленія его на престолъ до его кончины. Θεοπομπῆς написалъ также исторію Греціи въ 12 книгахъ (Ἑλληνικαὶ ἱστορίαι), отъ сраженія при мысѣ Кинесий, которымъ оканчивается исторія Фукидида, до сраженія при Книдѣ, т. е. отъ олимп. 92, 2, до олимп. 96, 3. (411—394 г. до Р. X.). См. *Fragm. hist. graec.* v. I, стр. LXV. и сл. ed. Ambr. F. Didot.

извѣстныя по его тѣснымъ отношеніямъ къ первѣйшимъ государственнымъ мужамъ того времени ¹⁾.

Не менѣе чувствительна, для исторіи IV вѣка, утрата сочиненій современника и школьнаго товарища Ѳеопомпова *Ефора* ²⁾ и его продолжателей *Димфила* и *Дилла*, заключавшихъ, въ 56 книгахъ, исторію Греціи (*ἱστορίαι*) отъ переселенія Ираклидовъ въ Пелопоннись (ок. 1100 г.) до исхода III вѣка ³⁾.

Ѳеопомпъ и Ефоръ стояли въ главѣ цѣлой плеяды историковъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ, но ихъ творенія мы знаемъ почти по однимъ только заглавіямъ, по коимъ можно однакоже судить о необыкновенномъ обиліи и важности историческихъ трудовъ въ IV вѣкѣ. Для примѣра назовемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. *Дуриды*, составившій исторію Греціи и Македоніи (*Ἑλληνικὰ*, *Μακεδονικὰ* или просто *Ἱστορίαι*) отъ битвы при Левктрахъ (362 г.) до смерти Селевка Никатора (281 г. до Р. Х.). ⁴⁾ *Филисты* и *Тимэй*, оба написали исторію Сициліи (*Σικελικὰ*) съ древнѣйшихъ временъ; первый довелъ ее до 358 г., второй до 260 г. до Р. Х. ⁵⁾ *Димохаръ*, сынъ димосееновой сестры и самъ весьма замѣчательный ораторъ, описалъ современныя ему событія въ своихъ «*Ἱστορίαι*» ⁶⁾. Извѣстный ученикъ и другъ Аристотеля *Каллисѳенъ* написалъ также исторію Греціи отъ аяталкидина мира (387 г.) до разграбленія Дельфійскаго храма (356 г.). *Птолемэй*, *Аристовуль*, *Нерархъ* и многіе другіе историки царствованія Александра В. ⁷⁾.

Между историческими трудами этого времени мы встрѣчаемъ цѣлый циклъ особаго рода сочиненій, извѣстныхъ подъ именемъ *атѳическихъ книгъ* (*Ἀττικίδες*), подъ коими разумѣлись сборники критическихъ изслѣдованій всего достопамятнаго въ

¹⁾ Dion. Halicar. v. VI. p. 783—784 ed. Reisk., epist. ad Cn. Pomp. de praes. hist.

²⁾ Оба и въ одно время были учениками Исократы, по совѣту коего они и посвятили себя изученію исторіи: Ефоръ древнѣйшей, Ѳеопомпъ современной. См. Frang. hist. graec. I, LVIII, LIX.

³⁾ См. Frang. I, LIX—LXI и II, 360.

⁴⁾ См. Frang. II, 406.

⁵⁾ Ib. I, XLVIII, XLIX и сл.

⁶⁾ Ib. II, 443 и сл.

⁷⁾ См. Diod. XIV, 117. Frang. h. gr. II, 101 и Frang. scrip. de reb. Alex. M.

исторіи Аттики съ древнѣйшихъ до послѣднихъ временъ. Составители этихъ книгъ¹⁾, по видимому, поставили себѣ цѣлью уяснить и пополнить то, что у предшествовавшихъ имъ историковъ представлено кратко, темно или вовсе опущено. Такимъ образомъ, излагая ходъ минувшихъ событій кратко, но въ строгомъ хронологическомъ порядкѣ, они останавливались исключительно на фактахъ темныхъ, мало извѣстныхъ или весьма важныхъ, стараясь уяснить ихъ *критически*, при помощи историческихъ памятниковъ, документовъ, также сличеніемъ и разборомъ различныхъ мнѣній; подобнымъ же критическимъ изслѣдованіямъ подвергали они древнюю мифологію, происхождение и значеніе празднествъ и религіозныхъ обрядовъ, государственныя учрежденія, національную литературу, словомъ все достопримѣчательное, въ этомъ родѣ, въ исторіи Аттики²⁾ и оставленное безъ вниманія прежними историками; такъ что «атѣическія книги», во всѣхъ отношеніяхъ, составляли необходимое дополненіе къ твореніямъ прочихъ греческихъ историковъ V и IV вѣковъ.

Немногого сказаннаго нами достаточно, чтобы дать понятіе о многочисленности и высокомъ достоинствѣ историческихъ сочиненій IV вѣка; къ сожалѣнію ни одно изъ нихъ не дошло до насъ въ цѣлости³⁾: сохранились только весьма немногіе коротенькіе отрывки, разсѣянные въ твореніяхъ позднѣйшихъ писателей⁴⁾.

Эти-то немногіе фрагменты вмѣстѣ съ рѣчами современныхъ ораторовъ и твореніями позднѣйшихъ писателей Плутарха, Юстина и особенно Діодора — служили намъ главными источниками при составленіи нашего труда.

1) Вотъ ихъ имена: Климидъ, Фанодимъ, Димонъ, Андротіонъ, Филогоръ, Истръ, Андронъ, Меланій. См. Eragm. I, LXXXII и сл.

2) См. Eragm. I, LXXXV, LXXXVI.

3) За исключеніемъ развѣ ксенофоновой «исторіи Греціи», но она доведена только до мантивайской битвы (362 г.), и, болѣе философскаго нежели историческаго, сочиненія Аристотеля «політіа».

4) Эти отрывки, вмѣстѣ съ подобными же фрагментами множества другихъ писателей, недавно собраны и изданы подъ заглавіемъ: *Fragmenta historicorum Graecorum* ed. Ambr. Firmin. Didot Parisiis 1846—51. vol. IV

Рѣчи ораторовъ IV вѣка, особенно *Исократа*, *Димосгена* и *Эсхина* драгоценный источникъ для исторіи этого времени. Изобилуя историческими фактами, нерѣдко изложенными въ послѣдовательномъ порядкѣ, эти рѣчи представляютъ намъ, въ то же время, живую картину современнаго общества, его нравовъ, духа государственныхъ учрежденій, политики и борьбы партій. Здѣсь нерѣдко одна фраза, вырвавшаяся быть можетъ невольно, въ жару преній, какъ яркая искра проникаетъ въ глубь вашихъ утомительныхъ изысканій и — яснымъ дѣлаетъ для васъ то, что было дотолѣ темно, о чемъ вы только догадывались. Не безъ основанія упрекаютъ ораторовъ въ преувеличенійхъ, прикрасахъ и, мѣстами, даже въ искаженіи фактовъ, но — дѣло историка отдѣлать ложь отъ истины; и мы не видимъ, почему бы не вѣрить ораторамъ тамъ, гдѣ у нихъ не было повода исказить истину; гдѣ всѣ, къ какой бы партіи ни принадлежали, согласно свидѣлствуютъ; или наконецъ если извѣстія того или другаго изъ нихъ подтверждаются свидѣтельствомъ исторіи.

Не менѣе важнымъ источникомъ служилъ для насъ *Діодоръ Сицилійскій*, писатель I вѣка до Р. Х. Его «историческая библіотека» есть ничто иное, какъ сборникъ разнаго рода свѣдѣній, преимущественно историческихъ, расположенныхъ, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ и заимствованныхъ изъ сочиненій прежнихъ писателей¹⁾, не дошедшихъ до насъ, что придаетъ двойную цѣну «библіотекѣ» которая, въ нѣкоторомъ отношеніи замѣняетъ ихъ. Такимъ образомъ для исторіи Филиппова времени Діодоръ воспользовался трудами вышеупомянутыхъ историковъ IV вѣка *Θεοпомпа*, *Ефора*, *Діилла* и др., какъ онъ весьма ясно указываетъ на это²⁾. Діодоръ важенъ для насъ еще и потому, что изъ всѣхъ уцѣлѣвшихъ источниковъ изслѣдуемаго нами времени только у него сохранилась послѣдовательная исторія всего четвертаго столѣтія, — и то случайнымъ образомъ, потому что изъ 40 книгъ

¹⁾ См. *Diod. I, 1—6.*

²⁾ *Diod. XIV, 117; XVI, 3. 14.*

составлявшихъ его «историческую библіотеку» и заключающихъ въ себѣ всеобщую исторію съ древнѣйшихъ временъ до войны Ю. Цезаря въ Галліи (— 58 г. до Р. Х.), до насъ дошло только 15 книгъ ¹⁾.

Не мало болѣе или менѣе важныхъ свѣдѣній для нашего предмета нашли мы также у *Плутарха*, особенно въ его біографіяхъ Димосеена, Фокіона и Димитрія Поліоркита, частью у *Юстина*, *Ксенофонта*, *Флавія Филострата*, автора «біографій софистовъ» и въ сочиненіяхъ нѣкоторыхъ другихъ древнихъ писателей, имѣвшихъ какое-либо отношеніе къ нашему предмету, — мы приведемъ ихъ въ своемъ мѣстѣ.

¹⁾ Первые 5 и потомъ 11 — 20 книги. Одинадцатая начинается походомъ Ксеркса въ Грецію (480 г.), двадцатая оканчивается 302 годомъ. Отъ прочихъ сохранились только фрагменты.

ГЛАВА I.

ОЧЕРКЪ РЕЛИГИОЗНАГО, ОБЩЕСТВЕННАГО И ПОЛІТИЧЕСКАГО СОСТОЯНІЯ
ГРЕЦИИ, И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО АѢИНЪ, ВО ВРЕМЯ ФИЛИППА П
МАКЕДОНСКАГО.

Жизнь народа подобна жизни человѣка. Соотвѣтственно тремъ возрастамъ человѣческой жизни, младенчеству, молодости, лѣтамъ зрѣлаго мужества — въ жизни народа мы отличаемъ: періодъ *героическій*, вѣкъ полубаснословныхъ героевъ, укротителей враждебныхъ силъ природы и распространителей полезныхъ знаній; періодъ *поэтический*, вѣкъ юношескаго увлеченія и славныхъ подвиговъ; періодъ *философскій*, время полного развитія духовной жизни народа, за которымъ слѣдуетъ постепенное паденіе нравственное и политическое, — это старость народа, предшественница его смерти, нравственной и политической ¹⁾).

Примѣняя эти общіе законы народной жизни къ исторіи древней Греціи, мы найдемъ, что V столѣтіе или правильнѣе первая половина его, т. е. время славной борьбы съ Персами,

¹⁾ Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о народахъ историческихъ.

было истинно поэтическимъ періодомъ Грековъ, ознаменованномъ геройскими подвигами и дѣлами высокаго патриотизма: жизнь, имущество, душевныя убѣжденія — все приносилось въ жертву для славы и благоденствія отечества. Вторая половина пятого столѣтія и первая половина четвертаго — есть уже чисто философскій періодъ: менѣе энтузіазма, — болѣе разумной дѣятельности. Это вѣкъ Перикла, Фукидида, Аристофана, Сократа и «божественнаго» Платона.

Но уже въ послѣдніе годы пелопоннесской войны, — времени высшаго проявленія философскаго періода у Грековъ, — замѣчаются признаки преждевременной старости этого народа: порча нравовъ и постепенно возрастающее политическое ослабленіе. То и другое во время Филиппа II достигло почти крайнихъ своихъ предѣловъ, — вотъ одна изъ причинъ подготовившихъ ему господство въ Греціи; познакомимся же съ нею поближе.

Источникъ и опора народной нравственности безспорно есть религія, — въ эпоху Филиппа она была въ полномъ паденіи ¹⁾. Одни вовсе не вѣрили въ своихъ боговъ и даже всенародно смѣялись надъ ними: «*ποῦ δὲ αὖ φιλίππου*!» ²⁾ восклицаетъ насмѣшливо Димосеенъ, въ одной изъ своихъ рѣчей, понося одно изъ самыхъ знаменитыхъ учрежденій языческой религіи. Другіе сохранившіе еще свои религіозныя убѣжденія, вдаваясь въ противоположную крайность, искали спасенія въ суевѣріи и мистическихъ обрядахъ. Это послѣднее направле-

¹⁾ Isocrat. Areopag. § 29. 30; Panathen. § 123. 124. Diod. XV, 48. cp. Wachsmuth Hellenische Alterthumskunde, 2. Ausg. 1846, I, 269 ст. Hegmann Lehrbuch der griechischen Staatsalterthümer. 3. Aufl. 1841, II, § 12.

²⁾ Т. е. «дельфійскій оракулъ подкупленъ Филиппомъ» Aesch. c. Ctesiph. Reisk. ст. 520. Комедіи Аристофана еще прежде научили Афинянъ смѣяться надъ своими богами. Разграбленіе Дельфійскаго храма фокійскими вождями (356 г.) нанесло по видимому, послѣдній ударъ религіознымъ вѣрованіямъ Грековъ. Съ этого времени даже простой народъ потерялъ всякое уваженіе къ священнымъ предметамъ, какъ можно судить изъ извѣстнаго случая: Однажды между прочею добычею военною найдены были вещи принадлежавшія храму; военачальникъ не зналъ что съ ними дѣлать и спросилъ солдатъ, — тѣ отвѣчали ему, что онъ долженъ заботиться не о томъ, принадлежать ли эти вещи богамъ или нѣтъ, а о томъ, какъ уплатить жалованье войску.

ніе породило множество тайно-религіозныхъ обществъ (*Σέκται*), которыя верѣдно представляли только новые новоды къ распутству ¹⁾. Празднества, торжественныя процессіи сопровождаемыя пиршествами и увеселеніями разнаго рода — вотъ чего искалъ народъ въ своей религіи; не заботясь о внутреннемъ значеніи ея обрядовъ ²⁾.

Уже при одномъ столь глубокомъ упадкѣ религіи неизбѣжно должна была пострадать и нравственность.

Отличительною чертою тогдашнихъ нравовъ была какая-то безумная роскошь, со всѣми ея принадлежностями и послѣдствіями, тунеядствомъ, распутствомъ и утратою всякихъ благородныхъ чувствъ. «Не только богатые», говоритъ одинъ современный историкъ ³⁾, «но даже люди съ посредственнымъ состояніемъ, сляясь подражать первымъ, держать открытый столъ, дорогихъ поваровъ, многочисленную прислугу, проводя время въ обществѣ етаръ (*ἐταῖροι*) и веселыхъ собесѣдниковъ, въ попойкахъ и азартныхъ играхъ, — издерживая въ одинъ день на подобныя распутства болѣе, нежели прежде на жертвоприношенія во время празднествъ.» При такомъ мотовствѣ состояніе скоро исчезало, и чтобы имѣть средства продолжать прежній образъ жизни, не отступали ни передъ какими низостями; деньги сдѣлались всеобщимъ кумиромъ, предъ которымъ все преклонялось — честь, совѣсть, благо отечества, все приносилось ему въ жертву: обирали казну кто могъ ⁴⁾; за деньги лжесвидѣтельствовали въ судѣ ⁵⁾ и прощали смертельныя

¹⁾ Demosth. de fals. legat. § 281; de corona §§ 289. 290. Cp. у Pauly's Real. Encyclop. mysteria и Σέκται. Hermann Lehrb. II, §§. 12. 32. Wachsmuth-Hellen. Alterth. II, ст. 623.

²⁾ Herm. Lehrb. II, §§ 12. 29.

³⁾ Theopomp. fragm. 39, 54 въ Fragm. hist. gr. v. I, ст. 284; cp. ibid. fragm. 178. 238. 65. Agatharchides Cnidius, fr. 2. 9. ibid. v. III, ст. 192. Isocrat. Areopag. § 54. cp. Meier de bonis damnatorum ст. 177.

⁴⁾ Isocrat. Panathen. § 133; de pace § 124; areopag. § 24. Aeschin. c. Ctesiph. Reisk. ст. 393; de fals. legat. Reisk. ст. 325. Demosth. c. Aristocr. § 209. Lysias adv. Nicomach. § 25. Aristoph. vespac. v. 555.

⁵⁾ Fragm. hist. gr., Theopomp. fr. 297. Demosth. in Stephan. or. 1, § 5—7.

обида¹⁾; адвокат писалъ, по заказу, рѣчи для обѣихъ тяжущихся сторонъ²⁾; судьи торговали своею совѣстью³⁾; ораторы народные продавали свой талантъ тому, кто могъ его купить⁴⁾; полководцы проматывали деньги назначенныя для веденія войны и, чтобы пополнить ихъ, грабили купеческіе корабли или налагали произвольныя контрибуціи на беззащитные города⁵⁾; иные (*σοκράνται*) промышляли тѣмъ, что выманивали у богатыхъ гражданъ деньги, грозя обвинить ихъ въ небывалыхъ преступленіяхъ⁶⁾. И все это въ соединеніи съ самымъ необузданнымъ развратомъ! ⁷⁾

Въ особенности Аѳиняне отличались своею безнравственностью; даже мужи знаменитые, каковы полководецъ Харврія⁸⁾, димагогъ Еввулъ, ораторы Каллистратъ, Димосеенъ, Иперидъ, Димадъ и многіе другіе⁹⁾, не избѣжали губительнаго вліянія своего вѣка.

Но что же дѣлалъ народъ, видя такія преступныя или порочныя дѣйствія своихъ ораторовъ, полководцевъ? Народъ — смотрѣлъ на это сквозь пальцы, потому что самъ, въ своей сферѣ, поступалъ точно такъ же. — Аѳинскій полководецъ Харитъ, отправляясь на войну, взялъ съ собою цѣлую

¹⁾ Одинъ знаменитый ораторъ, получивъ публично пощечину, помирился съ своимъ противникомъ за 3,000 драхмъ (ок. 650 р. с.) см. *Plut. Demosth.* 12. *Demosth. c. Midiam*, ст. 267 и сл. ed. Didot. *vitae X orat. Demost.* § 9.

²⁾ *Plut. Demosth.* 15. *Aeschin. de fals. leg.*, *Reis.*, ст. 328. Рѣчи Димосеена за Форміона и противъ Стефана.

³⁾ См. *Hermann Lehrb.* I, § 163. 8.

⁴⁾ *Aesch. c. Ctesiph. Reis.* 394, 250 — 253. *Demosth. pro Rhodior. libertat.* §. 32. *Plut. Demosth.* 13. 23. 25; *Phocion* 14. 21. *Theopom. fr.* 338. Какъ увидимъ въ послѣдствіи и персидскій и македонскій цари имѣли въ Аѳинахъ извѣстное число преданныхъ имъ ораторовъ, которые, за деньги, дѣйствовали въ ихъ пользу.

⁵⁾ *Theop. fr.* 238. *Aesch. de fals. leg. Reis.* 248—251.

⁶⁾ *Hermann Lehrb.* § 163. 10. *Xenoph. Memor. Socr.* II, 9. 1. *Lysias pro sacr. olea* § 39.

⁷⁾ См. *Isocr. Panath.* § 122.

⁸⁾ *Χάρειος*, — окончанія греческихъ именъ *ας*, *ας* мы передаемъ русскими окончаніями *а*, *ія*, по примѣру именъ: Лука, Ома, Козьма, Никита, Еадра; Неома, Захарія, Илія, Неоія, и т. п. Въ чтеніи мы слѣдуемъ роуллинову произношенію.

⁹⁾ *Theop. fr.* 117. 95. *Idomeneus La. pr. fr.* 12. 13 — въ II v. *Fr. H. Gr.* — *Hermippus fr.* 59. — *ib.* въ III v. — *Plut. Phoc.* I, 30.

тоду етаръ разнаго рода и истратилъ на нихъ часть денегъ назначенныхъ на жалованье войску, а другую оставилъ въ Аѣинахъ для раздачи ораторамъ, чтобы тѣ не переставали превозносить его военные подвиги. Аѣиняне, зная все это, нисколько не гнѣвались на своего полководца, «даже еще любили его болѣе другихъ», говоритъ Теофрастъ ¹⁾, «потому что и сами такъ же жили, молодые проводили время у Флейтистокъ (ἐν τοῖς αὐλητρίδοις) и етаръ, а которые постарше играли въ кости (κύβοι), расточая свое состояніе въ тому подобныхъ занятіяхъ. Весь же народъ болѣе думалъ объ общественныхъ пиршествахъ и раздачахъ мяса, нежели о государственномъ управленіи.»

Обеспеченный государствомъ въ своихъ нуждахъ и даже удовольствіяхъ ²⁾, народъ аѣинскій мало заботился о томъ, какъ шли дѣла республики: предоставивъ заведованіе ими своимъ ораторамъ, стратигамъ, таміямъ ³⁾, онъ снисходительнымъ окомъ смотрѣлъ на ихъ лихоимство, преступныя дѣйствія, требуя только отъ нихъ, въ замѣнъ своего потворства, пиршествъ и увеселеній. Тѣ, зная слабую сторону своихъ соотечественниковъ, не щадили своихъ или чужихъ денегъ, чтобы понравиться имъ; за то и народъ особенно любилъ такихъ людей: имъ преимущественно поручалъ первые государственныя посты и позволялъ дѣлать что хотѣли ⁴⁾. Ктѣ чаще всѣхъ

¹⁾ Theop. fr. 238; op. Aesch. de fals. leg. Reis. 248 — 251. Isocr. Areop. § 48. Demosth. Philip. I, § 46.

²⁾ Кромѣ того, что государство содержало тѣхъ, которые, вслѣдствіе тѣлесныхъ недостатковъ или слабосилія (ἀδυνατία), не могли работать и сами снискивать себѣ пропитаніе, но еще всѣмъ вообще желавшимъ отводились земли въ колоніяхъ (κλήρουχαι), раздавались по временамъ хлѣбъ, мясо, давалась извѣстная плата за присутствіе въ еклісін (μισθὸς ἐκκλησιαστικὸς), въ судахъ, какъ присяжныхъ (μ. δικαστικὸς), въ вулн (μ. βουλευτικὸς) тѣмъ изъ нихъ, которые были членами ея; а во время театральныхъ представленій нужныя деньги, чтобы заплатить за мѣсто въ театрѣ (τὸ θέατρον) см. Boeckh Staatsh. d. Ath. I. 232, 235, 243, 249, 250, 260, 457.

³⁾ Таміи «Ταμίαι» были начальники разныхъ частей финансового управленія, главою ихъ былъ Ταμίας τῆς κοινῆς προσόδου, званіе соотвѣтствовавшее теперешнему министру финансовъ. Стратиги «στратηγοί» т. е. военачальники, коихъ ежегодно избиралось 10; они заведовали разными частями военнаго управленія и предварительствовали войскомъ.

⁴⁾ См. Demosth. Olynth. III, § 30—32; ib. Philip IV, § 44. Aesch. de fals. leg. Reis. 249. 252. 254.

предводительствовалъ войскомъ — тотъ самый Харитъ, который такъ безцеремонно распоряжался государственною казною, и въ крайней неспособности котораго сознавались даже его собственные друзья ¹⁾, но зато никто не сыпалъ такъ деньгами, какъ онъ. Однажды, возвратясь изъ неудачной экспедиціи, онъ далъ городу, на площади, обѣдъ въ 60 талантовъ ²⁾, подаренныхъ ему грабителями Дельфійскаго храма, и народъ, въ восторгѣ, награждаетъ его золотымъ вѣнкомъ! ³⁾ Такъ всѣхъ долже финансами управлялъ Ликургъ, въ одинъ разъ раздавшій народу 160 талантовъ — конфискованное имущество одного богатаго гражданина ⁴⁾. Не было димагога могущественнѣе Еввула, который подобно Ликургу, значительно умноживъ доходы аѳинскіе, весь излишекъ ихъ раздавалъ народу въ видѣ «еорика» (ἑωρικόν) т. е. на пищу во время празднествъ и театральныя представленія ⁵⁾.

Этихъ примѣровъ, взятыхъ на удачу, достаточно, чтобы познакомить насъ съ духомъ тогдашнихъ общественныхъ нравовъ.

Если стоило только бросать деньги народу, чтобы приобрести его расположеніе и достигнуть всевозможныхъ почестей, то съ другой стороны одни заслуги, какъ бы они ни были велики, если не соединялись съ расточительностью, мало цѣнились толпою, избалованною щедростью своихъ правителей. Самымъ убѣдительнымъ примѣромъ тому служить зна-

¹⁾ См. Aesch. de fal. leg. 251. Demosth. ad Philip. epist. §§ 20. 21. — Димосеенъ былъ пріятель Харита (см. его epistola III, § 7); въ прежнихъ рѣчахъ онъ старался только извинять своего друга, а теперь уже порицаетъ его. Ср. Barthélemy Voy. d'Anach. v. V ст. 149.

²⁾ Около 75,000 р. с. (талантъ заключалъ въ себѣ около 1265 р. с.), но надобно еще принять въ соображеніе, что въ то время цѣнность денегъ была втрое выше нынѣшняго. Дельфійскій храмъ разграбленъ былъ «орѣйскими вождями» (Филомеломъ преимущественно) въ извѣстной священной войнѣ.

³⁾ Düris fr. 5 (II v. Fr. H. G.) Barthél. V. d'Anach. V, 124.

⁴⁾ Plut. vitae X or. Lysurgus § 34. Будучи таміею Ликургъ составилъ однажды слѣдующій законъ, чтобы польстить народу: «граждане не должны ѣздить въ елевсинскихъ колесницахъ, чтобы богатые не оскорбляли своимъ превосходствомъ бѣдныхъ» см. ibid. § 14.

⁵⁾ Hagnocrat. п. с. Εὐβούλος. Theop. fr. 95. 96. Ср. Boeckh Staatsh. I, 235 и сл. 242. Schaefer Eubulos ст. 10 и сл. въ Philologus 1850, 1 Heft.

менитый Фокіонъ, лучший аѳинскій полководецъ своего времени и единственный достойный соперникъ Филиппа на военномъ поприщѣ. Въ ряду великихъ мужей древней Греціи Фокіонъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и по своимъ необыкновеннымъ талантамъ полководца, оратора и политика¹⁾ и по высокому нравственному характеру — явленію рѣдкому въ этомъ развращенномъ вѣкѣ и тѣмъ болѣе достойному удивленія. Его благородное, безпримѣрное въ то время, безкорыстіе²⁾, неизмѣнная правдивость, дивная твердость духа въ трудныхъ случаяхъ³⁾, глубокій, проницательный умъ, самый образъ жизни спартански простой — внушали невольное уваженіе самимъ врагамъ⁴⁾; но его не любили, и только въ крайности прибѣгали къ шлобю его талантовъ, — когда нужно было исправить ошибки неспособныхъ вождей или мудрымъ совѣтомъ вывести государство изъ затруднительнаго положенія⁵⁾; соотечественники не любили этого великаго мужа, достойнаго лучшихъ временъ Греціи, уже и потому, что признавали свое ничтожество предъ нимъ, свое безсиліе спасти себя въ минуту опасности, безъ его помощи. Толпѣ, привыкшей къ лести димагоговъ, ненавистны были и его непреклонная правдивость, и это ведичавое, нѣсколько презрительное спокойствіе, съ какимъ онъ внималъ ея буйнымъ крикамъ, брани и угрозамъ противъ себя. «Народъ, въ бѣшенствѣ, когда нибудь разтерзаетъ тебя!» замѣтилъ ему однажды Димосеенъ⁶⁾. И

¹⁾ См. Plut. Phocion c. 5. 6. 7. 8. 11. 13. 14.

²⁾ Ibid. 18. 21. 30. Однажды Александръ В. прислалъ ему въ даръ 100 талантовъ. «Почему» спросилъ Фокіонъ, тѣхъ, которые предлагали ему деньги, «между множествомъ Аѳинянъ Александръ именно мнѣ даетъ столь значительную сумму?» — «Штоку» отвѣчали посланные, «что только тебя онъ считаетъ истинно достойнымъ мужемъ (καλὸν καὶ ἀγαθόν)!» — «Такъ пусть же позволить мнѣ остаться такимъ до гроба!» — Въ другой разъ столь же шестиво извѣстный Арпалъ предлагалъ ему 700 тал. (ок. 900,000 р. с.).

³⁾ «Вы можете заставить меня дѣлать то, чего я не хочу, но никогда не можете вы меня принудить говорить противно моему убѣжденію!» воскликнулъ онъ однажды, обращаясь къ аѳинянамъ, которые не хотѣли его слушать и криками заглушали его рѣчь. см. Plutar. Phoc. 9; также 34. 36.

⁴⁾ Ib. 4. 5. 12. 16. 18. 19. 20. 10. 17. 26.

⁵⁾ Ibid. 14. 17. 26. ср. 8. 24.

⁶⁾ Ibid. 9. ср. 8.

слова эти сбылись, но не заставили Фокіона уклониться ни на шагъ отъ однажды принятаго имъ образа дѣйствій.

Несмотря на явную несправедливость къ нему согражданъ, оскорбленія и клеветы своихъ враговъ, — онъ ни къ кому не питалъ ненависти, пламенно любилъ свое отечество, всѣми силами души желалъ ему добра, чувствовалъ себя способнымъ оказать ему существенную пользу — и видѣлъ свое безсиліе предъ слѣпымъ упрямствомъ несмысленной толпы! Но никогда, несмотря на тиѣтность своихъ усилій, не отступалъ онъ предъ долгомъ совѣсти, хотя и зналъ впередъ, что его правдивыхъ совѣтовъ никто не слушалъ, что они только раздражали противъ него народъ¹⁾.

Какъ жилъ, такъ и умеръ этотъ великій мужъ, до послѣдняго часа оставшись вѣренъ самому себѣ. Осужденный на смерть своими согражданами и готовясь принять ядъ, онъ, подобно Сократу, спокойно бесѣдовалъ съ своими друзьями, утѣшая ихъ. Все величіе его прекрасной души и ничѣмъ непоколебимаго патріотизма выразилось въ отвѣтъ одному изъ окружавшихъ его. «Что поручишь сказать своему сыну?» спросилъ тотъ. — «Скажи, чтобы онъ не злопамятствовалъ на Аѣния за несправедливый поступокъ ихъ съ его отцемъ!»²⁾.

Таковъ былъ Фокіонъ, — но современники не признали его, потому что неспособны были его оцѣнить. «Его смерть», замѣчаетъ Плутархъ, «привела Грекамъ на память подобную же смерть Сократа, — то же было преступленіе и тѣ же бѣдственныя слѣдствія для Аѣнии»³⁾!.

Въ народѣ, не имѣвшемъ ни религіи, ни нравственности, могли ли еще существовать какія нибудь гражданскія добродѣтели? Сравните Аѣния V и IV вѣковъ⁴⁾, — какая рѣзкая

¹⁾ Ibid. 10. 8. 9. 16. 17. 24.

²⁾ «λέγω μὴ μνησικαχεῖν Ἀθηναίοις!» Plut. Phoc. 36.

³⁾ Ibid. 38.

⁴⁾ Если мы говоримъ Аѣніе V и IV вѣковъ, то не должно понимать наши слова буквально, т. е. что Аѣніе 401 г. напр. совершенно не похожи были на Аѣніанъ 399 г. Нравственный переворотъ подобный разсматриваемому нами не могъ совершиться въ народѣ мгновенно: онъ происходилъ постепенно и начался вмѣстѣ съ пелопоннесскою войною. Словомъ когда мы говоримъ: Аѣніе V

противоположность! Одни ничего не жалѣли для своего роднаго города: его могущество, счастье, слава было цѣлью всѣхъ ихъ стремленій, цѣлой ихъ жизни!¹⁾ Когда государство, для своихъ нуждъ, требовало повинностей (λειτουργίαι)²⁾ соразмѣрно съ поземельными доходами каждаго, — граждане-патріоты умышленно преувеличивали свое состояніе, чтобы имѣть право сдѣлать значительнѣйшее пожертвованіе своему отечеству³⁾: строили храмы, обогащая ихъ усердными приношеніями, воздвигали великолѣпныя общественныя зданія, а сами жили въ самыхъ скромныхъ домикахъ⁴⁾; держали дорогихъ коней, но не для собственнаго употребленія, а для того, чтобы послать ихъ на олимпійскія игры, потому что слава олимпійскаго побѣдителя распространялась и на его отечественный городъ⁵⁾. Распорядители театральныхъ зрѣлищъ, правднествъ, торжественныхъ процессій и другихъ подобныхъ повинностей (λειτουργίαι) богатыхъ гражданъ истрачивали на нихъ гораздо болѣе того, къ чему обязывало ихъ государство, чтобы только придать имъ какъ можно болѣе пышности и блеску⁶⁾. Вотъ какими дѣлами современники Мильтіада и Перикла старались возвеличить свой родной городъ и заслу-

вка мы разумѣемъ Афинянъ преимущественно до смерти Перикла; говорить напр. XVII столѣтіе или вѣкъ Людовика XIV, хотя правленіе этого государя занимаетъ только вторую половину XVII ст. и начало слѣдующаго (1643—1715).

¹⁾ Одинъ гражданинъ, напримѣръ, пожертвовалъ государству четверо болѣе того, что оно отъ него требовало, добровольно принимая на себя различныя обязанности сопряженныя съ большими издержками см. *Lusias asserptorum munerum defensio* § I и сл. ср. Boeckh I, 491, 492.

²⁾ До пелопоннесской войны государство требовало отъ гражданъ только такъ называемыхъ «литургій» (λειτουργίαι — Leistungen, prestations, повинности литурою) т. е. непосредственныхъ пожертвованій на извѣстные предметы, которыя возобновлялись періодически. Правильная подать на недвижимое имущество (εἰσφορά), въ первый разъ наложена была въ 424 г., по случаю осады г. Митилины; позже, въ архонтство Навсинника (374 г.) она распространена была и на движимость.

³⁾ См. *Isocrat. de permutat.* § 159. Boeckh I 483; II, 45. 39.

⁴⁾ *Demosth. Olynth. III*, § 25. 26; *de repub. ordin.* § 28. 29.

⁵⁾ *Plut. Alcib. 11.* Boeckh I, 80. Barthélemy *Voy. d'Anach. v. III*, 417. 441 — 444.

⁶⁾ См. Boeckh I, гл. 21—23 особенно стр. 483, 491; *Voy. d'Anach. II*, с. 24.

жить любовь народную¹⁾. На военное ремесло смотрѣли они какъ на драгоцѣннѣйшее право своего званія²⁾ и, въ случаѣ нужды, всѣ до послѣдняго выходили въ поле³⁾. Которые же были побогаче, соревновали другъ передъ другомъ въ пожертвованіяхъ на военныя издержки: стратеги отъ себя увеличивали жалованье ратникамъ, триерархи за высшую плату противъ казенной нанимали лучшихъ матросовъ на свои корабли, которымъ они старались придать красивый видъ и легкость на ходу⁴⁾; а нѣкоторые выходили въ сраженіе на собственныхъ трирахъ, построивъ и вооруживъ ихъ на своей счетъ, изъ одного патріотизма⁵⁾. Засѣданія ихъ «вули» и «екклісія»⁶⁾ происходили чинно, безъ шума. По принесеніи очистительной жертвы (*καθαρσίον*) и краткаго воззванія къ богамъ, глашатай (*κήρυξ*) спрашивалъ громкимъ голосомъ: «кто изъ гражданъ, старѣе пятидесяти лѣтъ, желаетъ говорить народу?» Украшенные сѣдинами и опытною ораторы всходили на трибуну и, принявъ скромную позу, произносили спокойную и разумную рѣчь,—присутствующіе внимали имъ съ почтеніемъ. Послѣ старшихъ позволялось и молодымъ людямъ подавать свое мнѣніе, но не прежде⁷⁾.

Что же дѣлали другіе, потомки этихъ достойныхъ гражданъ? Прямо противоположное. Не жалѣя денегъ на украше-

1) См. Boeckh I, 483. 492.

2) См. Arist. Polit. III, §. 3; ср. Thuc. VIII, 97. Pauly — Real. Encyclop. п. с. *κατάλογος*. Boeckh I, гл. 21. Главная сухопутная сила Аѳинянъ заключалась въ тяжелой пѣхотѣ (*ὀπλίται*), состоявшей изъ коренныхъ гражданъ; иностранцы и рабы принимались въ нее только въ видѣ исключенія, — ихъ обыкновенно употребляли гребцами на судахъ или составляли изъ нихъ отряды легкой пѣхоты (*ψιλοὶ*).

3) См. Boeckh. I, 276 и сл. ср. Isocrat. de pace § 47.

4) Thuc. VI, 31. *Триерархами* назывались богатые граждане, которые, по назначенію правительства, оснащивали и сваряжали военные корабли (*триеры* «*τρίηρεις*») и сами ими командовали. *Триера* было судно имѣвшее три ряда веселъ, всего около 130—140; весь же экипажъ состоялъ изъ 200 человѣкъ.

5) Herod. VIII, 17.

6) *Вули* (*βουλὴ*) — совѣтъ состоявшій изъ 500 членовъ (*βουλευταὶ*) не моложе 30 лѣтъ и перемѣнявшихся ежегодно. *Екклісія* (*ἐκκλησία*) — собраніе гражданъ, не точно называемое «народнымъ собраніемъ».

7) Aesch. c. Timarch. Reis. 48 — 53; c. Ctesiph. 383. Voy. d'Anach. II, 238. 245. ср. Isocr. Areopag. §. 48. 49.

ніе своихъ жилищъ, на столъ, на мотовство, они не только что и не думали о добровольныхъ пожертвованіяхъ на государственныя нужды, но еще старались скрыть свое имущество, чтобы увернуться какъ нибудь отъ законныхъ литургій и не упускали случая нажиться на счетъ казны¹⁾. «Предки наши», говоритъ Димосеенъ, «управляли республикою съ рѣдкимъ безкорыстіемъ и, воздвигая храмы, портики, верфи и другія общественныя зданія, служащія теперь украшеніемъ городу, сами жили въ скромныхъ домикахъ. Кто видѣлъ изъ васъ дома Мильтіада, Аристиды, Кимона,Themistocle, знаетъ, что они не отличались отъ сосѣднихъ. Теперь же о подобныхъ общественныхъ постройкахъ мы и не думаемъ, много что починаемъ свои дороги, фонтаны, да крыши; а кто разъ занималъ государственную должность, тотъ, посмотрите, уже строитъ себѣ дворецъ повеликолѣпнѣе инаго публичнаго зданія или покупаетъ помѣстіе, какое прежде ему и во снѣ не снилось!»²⁾

Пала и прежняя воинская доблесть Аѳинянъ: война сдѣлалась для нихъ бременемъ; только въ крайности и всегда неохотно брались они за оружіе³⁾.

Народъ проводилъ время въ праздности и бездѣйствіи. Съ ранняго утра онъ толпился уже на рыночной площади, рассказывая городскія сплетни, разспрашивая и толкуя о политическихъ новостяхъ, но еще чаще о театральныхъ пьесахъ и актерахъ⁴⁾. Наступалъ часъ итти на «екклісію», но никто и не думалъ о томъ; наконецъ пританы⁵⁾ приказывали оцѣпить

¹⁾ Isocr. de permut. § 159. 160; Areop. 35; Panath. 120. Plut. Phocion c. 23; Demos. Olynth. II, § 13. 24; de classih. 15; ср. Aesch. Ctesiph. p. 507. Boeckh II, 45.

²⁾ Dem. Olynth. III, § 26. 29; ср. de repub. ordin. 29. 30. Boeckh I, 69. 70.

³⁾ Dem. Olynth. II, 34; in Philip I. § 43—47; Olynth. I 14. 15. Isocr. de pace § 47. 48. — Justin. hist. Phil. VI, 9.

⁴⁾ Dem. in Philip. I, § 10. 11. 48; ad Philip. epist. 17. — Justin. VI, 9. Aristoph. Acharn. v. 20.

⁵⁾ Изъ числа членовъ «пятисотеннаго совѣта» (βουλῆ) назначались поочередно 50 человекъ, на 35—38 дней, для заведованія текущими дѣлами, эти лица назывались пританами (πριτάνεις); они собирались ежедневно въ «пританіи» (πριτανείον), обширномъ зданіи, гдѣ они имѣли и казенный столъ, вмѣстѣ съ лицами награжденными этимъ отличіемъ за услуги оказанныя ими отечеству. Глав-

площадь «красною бичевою»¹⁾ и охваченных такимъ образомъ гражданъ отводили (αὐτοῦς συνήλαυνον) въ Пникъ²⁾; шумно и безпорядочно входили они туда, толкая другъ друга и стараясь занять переднія мѣста³⁾. Открывалось засѣданіе. Пренебрегая мудрыми, но приходившими въ забвеніе, постановленіями Солона касательно благочинія публичныхъ прений⁴⁾, молодые ораторы въ безпорядкѣ устремлялись на трибуну, оттѣсня стариковъ и стараясь предупредить другъ друга⁵⁾. Съ неприличными тѣлодвиженіями⁶⁾, изо всей силы напрягая легкія, чтобы заглушить шумъ и возраженія своихъ противниковъ, говорили они или, лучше сказать, кричали свою рѣчь собранію⁷⁾, пересыпая ее плоскими шутками⁸⁾, площадною бранью⁹⁾ или низко лѣстя толпѣ, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе слушателей и заслужить ихъ одобреніе¹⁰⁾! Граждане приходили сюда какъ на какое нибудь зрѣлище¹¹⁾, чтобы послушать грязныхъ анекдотовъ¹²⁾, позабавиться шутками,

ною обязанностью притановъ было созывать вули и екклісію и смотрѣть за порядкомъ въ городѣ.

¹⁾ Эта бичевка (σχοινίον) окрашена была киноварью (μίλτος) и тѣ, на коиъ она оставляла слѣды краски, наказывались штрафомъ; и потому граждане старались всячески увернуться отъ нея, то отскакивая въ сторону, то ловко перепрыгивая черезъ нее. см. Scholia ad Arist. Acharn. v. 22.

²⁾ Пникъ (πνύξ-υκός) — одно изъ мѣстъ, гдѣ чаще всего происходили екклісіи. Это было полусферическое пространство, на холмѣ, обнесенное стѣною изъ огромныхъ квадратныхъ камней; у южной ея части находилась высокая трибуна для оратора, съ которой открывался видъ на море. По срединѣ Пника и вдоль стѣны расположены были скамьи для народа. См. Schömann de comit. Ath. 52 и сл.

³⁾ Aristoph. Acharn. v. 21—27 и Schol. ad v. 22.

⁴⁾ Aesch. c. Timar. Reis. 49—51, 59—63; ib. c. Ctesiph. 383—386; cp. ib. de fal. leg. 210, 229; c. Ctesiph. 461.

⁵⁾ Aesch. c. Ctesiph. 386; cp. ib. 383. 461. Demosth. de corona § 170; ib. Philip. § 1.

⁶⁾ Aesch. c. Timar. R. 52. 53; ib. c. Ctesiph. 557. Plut. Nicias 8.

⁷⁾ Demosth. de fal. leg. § 23. 206; cp. Aesch. c. Ctesiph. R. 590. Aristoph. Vespae v. 596.

⁸⁾ Aesch. f. legat. R. 232; cp. ib. 282; ib. c. Ctesiph. 555. Dem. f. legat. § 46.

⁹⁾ Dem. f. legat. § 95. Aesch. f. legat. 318. 224.

¹⁰⁾ Dem. Olynth. III, § 21—24; ib. de rep. ordin. § 19; ib. Philip. III, § 63. 64; Philip. IV, § 41. cp. Arist. Vespae v. 595—600.

¹¹⁾ Thuc. III, 38.

¹²⁾ См. Dem. f. legat. § 196—198; ib. de corona § 129. 130. 259—262.

остротами и перебранкой своих ораторов¹⁾ или их непостижимыми выходками²⁾.

Предметъ засѣданія былъ для нихъ дѣломъ второстепеннымъ; они охотно издавали декреты, но исполнять ихъ никто и не думалъ³⁾. Они соглашались, на примѣръ, съ Димосееномъ, что необходимо послать войско, чтобы остановить возраставшіе успѣхи Филиппа⁴⁾, — но для войны нужны деньги, а въ казнѣ ихъ не было: весь излишекъ доходовъ, шедшій прежде на военныя издержки, теперь раздавался народу⁵⁾. И вотъ Димосеенъ силится расшевелить уснувшій патріотизмъ своихъ согражданъ⁶⁾, убѣждая богатыхъ развязать свой кошелекъ⁷⁾, а простой народъ отказаться отъ «еорика», — осторожно впрочемъ, обвиняками и съ оговорками⁸⁾, потому что смертная казнь грозила тому, кто осмѣлился бы прямо сдѣлать предложеніе объ отмѣненіи «еорика»⁹⁾! Но всѣ его убѣжденія большею частью оставались втуне¹⁰⁾. Иногда видъ явной опасности пробуждалъ Аѳинянъ отъ усыпленія; они на время приходили въ движеніе, громко кричали о патріотизмѣ, о доблестяхъ

1) Thuc. III, 38. § 6. Dem. Philip. III, § 54: «вы смѣтаетесь, когда ораторы повосають кого бранными словами». ib. f. legat. § 23: «когда я хотѣлъ говорить, Филократъ и Эскинъ, обступивъ меня, кричали, перебывали меня, издѣвались надо мной, вы же (аѳиняне) смѣялись!» Aesch. c. Ctes. R. 554. 590. Dem. cor. § 138.

2) Однажды одинъ довольно извѣстный ораторъ, подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, сбросивъ съ себя одежду, вскочилъ на трибуну голый какъ атлетъ и въ такомъ видѣ произнесъ свою рѣчь, къ потѣхѣ толпы. см. Aesch. c. Timarch. R. 53.

3) Dem. Philip. I, § 20; Olynth. III, § 14. — Ср. Aesch. f. legat. R. 221; c. Ctesiph. 642.

4) Dem. Olynth. III, § 10; Philip. IV, § 75.

5) Dem. Philip. I, § 23; Olynth. III, § 31, c. Aristocr. § 209. — Liban. argum. ad Olynth. I, § 2. Harpocrat. п. с. Ζεωρικὰ. — ср. Theopomp. fr. 93. 96. — Dem. Olynth. III, § 11. — Boeckh I, 194.

6) Всѣ его рѣчи противъ Филиппа имѣютъ эту цѣль; напоминая аѳинянамъ о доблестяхъ ихъ предковъ, указывая на дѣятельность Филиппа, онъ старается пробудить своихъ соотечественниковъ отъ ихъ нравственнаго усыпленія, см. особенно: Philip. I, §§ 16—22. 43. 45; Olynth. II, § 3. 4. 22—26; Olynth. III, 3—6 29—33; Olynth. I, 6—15.

7) Dem. Olynth. II, § 13. 27. 31; Olynth. III, 33; Olynth. I, 6.

8) Dem. Olynth. I, 19. 20; Olynth. III, 10—13. 34. 35.

9) Lyban. argum. ad Dem. Olynth. I, § 2. — ср. Dem. Olynth. III, § 12. — Boeckh I, 194.

10) Dem. Olynth. II, § 24; Philip. IV, 28; de classib. 15.

своихъ предковъ и снаряжали армию — изъ наемниковъ ¹⁾! Еслибы еще имъ правильно уплачивалось жалованье, но и этого не было ²⁾. Народъ только издавалъ декретъ, приказывалъ набрать наемниковъ, а изъ какихъ средствъ, — это уже было дѣло полководцевъ и тамій: они должны были набирать и содержать ихъ какъ знали сами, лишь бы не трогали его любезнаго ееорика ³⁾. Наемные солдаты, не получая жалованья, своевольничали, не слушались своихъ начальниковъ и грабили друга и недруга ⁴⁾. Полководцы же, подъ тѣмъ предлогомъ, что войско ихъ не слушалось, что надобно было содержать его какъ нибудь ⁵⁾, налагали контрибуціи на союзные города ⁶⁾, нанимались служить персидскимъ сатрапамъ ⁷⁾ и въ то же время проматывали, съ друзьями, огромныя суммы, собранныя таміями съ великимъ трудомъ и присланныя имъ на военныя издержки ⁸⁾; отправлялись съ войскомъ не туда, куда посылало ихъ правительство, а куда сами хотѣли, гдѣ было больше добычи ⁹⁾, такъ что афиняне цѣлые мѣсяцы иногда оставались безъ вѣстей изъ армии, не знали даже, гдѣ она находится, — но, сознавая тутъ и собственную вину отчасти, они добродушно отправляли гонцевъ отыскивать свой флотъ повсюду и напомнить полководцамъ о возложенномъ на нихъ порученіи ¹⁰⁾. Тщетно представлялъ имъ Димосеенъ, что отъ наемнаго войска больше вреда нежели пользы, что ихъ флотъ сдѣлался посмѣшищемъ непріятеля и страшенъ только ихъ союзникамъ, которыхъ онъ грабитъ ¹¹⁾, что надобно самимъ

1) Aesch. f. legat. R. 253. 303. 334. — Dem. Philip. I, § 24; Olynth. III, 33—35; Olynth. I, 2; cp. Liban. arg. ad olynth. I, 3.

2) Dem. Philip. I, 24. 25; de Cherson. 21. 26.

3) Dem. Olynth. III, § 19. 30. 31.

4) Dem. Philip. I, § 24. 25; Olynth. II, 28. — Aesch. de f. leg. R. 250.

5) Dem. Philip. I, § 25; Philip. IV, 22.

6) Aesch. f. leg. 250. — Dem. de Cherson. § 24.

7) Dem. Philip. I, § 24. — Diod. XVI, 22.

8) Aesch. f. leg. 249. — Dem. Olynth. III, 28. — Theop. fr. 238.

9) Dem. Olynth. II, § 28; Philip. IV, 22. 15. — Aesch. f. leg. 251.

10) Aesch. f. leg. 251. 252.

11) Dem. Philip. I, § 43; cp. de rep. ordin. 6. — Aesch. f. leg. 250.

отправляться на войну¹⁾, чтобы наблюдать за дѣйствіями своихъ полководцевъ²⁾... Беззаботные аеиняне оставались глухи на всѣ его краснорѣчивыя убѣжденія. Имъ казалось удобнѣе и пріятнѣе веселиться дома, на счетъ казны и частныхъ лицъ, нежели подвергаться лишеніямъ и трудностямъ дальняго похода³⁾.

Безпрестанно твердя своимъ соотечественникамъ, что «должно итти на войну», «надобно самимъ сражаться» и при помощи очевидной необходимости, Димосеенъ успѣвалъ иногда въ своей цѣли: аеиняне рѣшались наконецъ сами выступить въ походъ. Но тутъ начинались новыя замедленія и проволочки. Сначала назначали, такъ называемыхъ, «тріарховъ» (τρίῳρχοι) т. е. выбирали извѣстное число самыхъ богатыхъ гражданъ, которые должны были, на свой счетъ, оснастить военныя суда и содержать ихъ въ исправности въ теченіе года⁴⁾. Выбранные въ тріарархи имѣли право отклонить отъ себя эту повинность, указавъ на другихъ гражданъ болѣе богатыхъ, по ихъ мнѣнію, нежели они, и въ доказательство предложивъ обмѣняться съ ними имѣніями⁵⁾. Тѣ не хотѣли ни принять на себя убыточной повинности, ни имѣніемъ мѣняться. Начинались процессы; а корабли между тѣмъ стояли неоснащенными⁶⁾. Наконецъ это дѣло улаживалось; тогда пріискивали средства, откуда добыть денегъ для войска, потому что военная касса постоянно была пуста⁷⁾, и сколько источники доходовъ на народныя увеселенія опредѣлены были точно и

¹⁾ Dem. Philip. I, § 16. 19; Olynth. II, 27. 31; Olyn. I, 6; de rep. ordin. 5.

²⁾ Dem. Phil. I; § 23. 33. 47. de rep. ord. 6.

³⁾ Dem. Olyn. I, 20; Philip. III, 73; Olyn. III, 31; de Cherson. 24; de ordin. rep. 15; Olyn. II, 24. Philip. IV, 29. — Isocrat. de pace § 44 — 47. — Liban. arg. ad Olyn. I, § 2.

⁴⁾ Повинность тріарарха продолжалась годъ; слѣдующій годъ онъ былъ свободенъ отъ нея, послѣ чего опять подлежалъ ей. Воескh. II, 82.

⁵⁾ Право это называлось «ἀντιδοσις» т. е. право обмѣна.

⁶⁾ Dem. Phil. I, § 36; Воескh. II, 91. 123. 124. Прежде избѣгали послѣдняго неудобства тѣмъ, что назначали тріарарховъ заранее, а не тогда когда нужно было отправляться въ походъ. Воескh. II, 80. 81.

⁷⁾ Dem. с. Aristocr. § 209: не было денегъ даже и на одинъ день для военныхъ издержекъ.

строга, — столько же все было невѣрно, неопредѣленно, непостоянно въ доходахъ на военныя издержки ¹⁾).

«Затѣмъ», говоритъ Димосеенъ ²⁾, «опредѣлялось снарядить вольноотпущенниковъ (τοὺς χωρὶς οἰκοῦντας) ³⁾ и иностранцевъ (τοὺς μετοίκους) ⁴⁾; потомъ сами рѣшаемся сѣсть на корабли, потомъ... каждый старается отдѣлаться отъ похода, выставивъ вмѣсто себя другаго матроса ⁵⁾! А между тѣмъ, пока мы медлимъ, непріятель овладѣлъ уже тѣмъ мѣстомъ, для защиты коего предпринималась экспедиція»...

«Ничего вы не дѣлаете во время», говоритъ онъ дальше ⁶⁾ аѣниинамъ, «и защищаетесь отъ Филиппа, какъ тѣ варвары, которые дерутся на нашихъ играхъ: ударятъ ли ихъ въ грудь — они хватаются за грудь, ударятъ ли ихъ въ другое мѣсто — они и тамъ хватаются рукой; а нѣтъ того, чтобы высмотрѣть и предупредить ударъ. Такъ и вы. Узнаете ли, что Филиппъ уже въ Херсоннискъ — вы опредѣляете послать туда войско, что онъ уже въ Термопилахъ — и вы шлете войско къ Термопиламъ, пойдетъ ли онъ въ другую сторону — и вы за нимъ, — предупредить же его и не умѣете и не хотите... Помните, года три-четыре тому назадъ (въ 353 г.), васъ извѣстили, что Филиппъ осадилъ крѣпость Ирэю ⁷⁾ во Фракіи. Это было въ Мэмактиріонѣ ⁸⁾. Послѣ долгихъ и шумныхъ пре-

¹⁾ Dem. Phil. I, § 36; ср. Воескh. I. 194.

²⁾ Phil. I, § 36.

³⁾ οἱ χωρὶς οἰκοῦντες — родъ фермеровъ изъ вольноотпущенниковъ и частью изъ рабовъ. см. Воескh. I, 281.

⁴⁾ см. Hegmann Lehrb. I, § 115. — Въ Аѣннахъ жило множество иностранцевъ, которые, въ случаѣ войны, обязаны были нести военную службу. — см. ib.

⁵⁾ Ср. Thuc. VII, 13.

⁶⁾ Philip. I, § 40. 41.

⁷⁾ Ἰράϊον τεῖχος — крѣпость во Фракіи близъ г. Меоны, принадлежавшая Аѣниинамъ.

⁸⁾ Μακμακτηρίων — пятый аттический мѣсяцъ, соотвѣствующій 2-й половинѣ Ноября и 1-й половинѣ Декабря. Аттический годъ начинался около половины Юля, эпохи олимпійскихъ игръ, и состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ; вотъ ихъ названія по порядку: 1) Екатомвзонъ, 2) Метагитнионъ, 3) Воидадрионъ, 4) Пнанепсионъ, 5) Мэмактиріонъ, 6) Посидеонъ, 7) Гамиліонъ, 8) Анеестиріонъ, 9) Елафиволіонъ, 10) Мунихонъ, 11) Фаргиліонъ, 12) Скирофоріонъ. Каждый изъ нихъ соотвѣствуетъ двумъ (не всегда равнымъ) половинамъ нашего мѣсяца: Екатомвзонъ 2-й

ній вы опредѣлили вывести сорокъ триръ, посадивъ на нихъ гражданъ моложе 45-ти лѣтъ, и взнести шестьдесятъ талантовъ подати. Оканчивается годъ, проходятъ Екатормвонъ, Метатитнионъ, Вондроміонъ слѣдующаго года ¹⁾, и едва въ этомъ послѣднемъ мѣсяцѣ отправляете вы наконецъ Харидима съ *десятью порожними* кораблями и *пятью* талантами денегъ: потому что въ это время разнесся слухъ о болѣзни и даже смерти Филиппа, и вы отмѣнили экспедицію, а между тѣмъ тутъ-то и надобно было бы ее отправить, и если бы мы дѣйствовали рѣшительнѣе тогда, Филиппъ не беспокоилъ бы насъ теперь» ²⁾.

При своемъ праздномъ и изнѣженномъ образѣ жизни, неудивительно, что Аѳиняне утратили и прежнее свое мужество въ бояхъ, свою смѣлость и предприимчивость ³⁾. Прежде, напримѣръ, только граждане имѣли *право* ⁴⁾ составлять тяжело-вооруженный отрядъ на корабляхъ (*ἐπιβάται*), а грести заставляли иностранцевъ и рабовъ, — «теперь же», говоритъ Исократъ ⁵⁾, «мы дѣлаемъ на оборотъ, сами служимъ гребцами, а оружіе отдаемъ наемникамъ, и когда тѣ высаживаются на неприятельскую землю, мы, прежніе повелители Греціи, слѣдуемъ за ними съ подушками въ рукахъ (*ὕπνῳ εἰσὶν ἔχοντες* ⁶⁾)!»

До какой степени упалъ прежній воинскій духъ Аѳинянъ, можно видѣть и изъ слѣдующаго примѣра. По заключеніи Филократова мира ⁷⁾ и предъ своимъ вступленіемъ въ Елладу, для

половинѣ Іюля и 1-й пол. Августа и т. д. Такимъ образомъ и годъ аттический или олимпіадный заключается въ двухъ нашихъ годахъ.

¹⁾ т. е. Іюль, Августъ и Сентябрь. См. предъид. прим.

²⁾ Dem. Olynth. III, § 4. 5. — При осадѣ г. Меоны (352 г.) стрѣла попала Филиппу въ правый глазъ, что едва не стоило ему жизни. Вѣроятно на этотъ случай намекаетъ Демосѳенъ, говоря что разнесся слухъ о болѣзни и даже смерти Филиппа.

³⁾ Theop. fr. 96. — Justin. VI, 9: «Atheniensium virtus intercudit». — ср. Dem. Olynth. III, 30. 36.

⁴⁾ См. Boeckh I, 277. 301.

⁵⁾ Isocr. de pace. § 48.

⁶⁾ ὕπνῳ εἰσὶν — родъ подушки, на которой сидѣлъ гребецъ.

⁷⁾ Миръ заключенный между Аѳинянами и Филиппомъ въ 346 г., спустя годъ послѣ взятія послѣднимъ г. Оливны; *филократовымъ* онъ названъ по имени

наказанія Фокэйцевъ, Филиппъ предлагалъ Аѳинянамъ соединиться съ нимъ для защиты «праваго дѣла» т. е. Дельфійскаго храма¹⁾; но ораторы убѣдили гражданъ остаться дома, «изъ опасенія, чтобы Филиппъ не захватилъ ихъ въ плѣнъ въ видѣ заложниковъ»²⁾! И это говорили Аѳиняне! Аѳиняне, чьихъ предки, нѣкогда, въ числѣ только нѣсколькихъ сотъ человѣкъ, овладѣвъ, на непріятельскомъ берегу, полуразвалившеюся крѣпосцей, съ успѣхомъ держались въ ней противъ цѣлой пелопоннесской арміи³⁾!

Одинъ только доблестный Фокіонъ умѣлъ еще дышать мужествомъ въ сердца своихъ изнѣженныхъ соотечественниковъ и водить ихъ къ побѣдамъ, — но это были послѣдніе проблески ихъ прежняго геройскаго духа.

Сами Аѳиняне сознавали свое паденіе и не отрицали, что ихъ предки были лучше ихъ. «Когда государство было въ болѣе цвѣтущемъ положеніи», спрашиваетъ своихъ согражданъ одинъ ораторъ, «теперь или при нашихъ праотцахъ? — Всѣхъ отвѣтитъ: при нашихъ предкахъ. — Теперь или тогда люди были лучше? — Кто не согласится, что древніе мужи своими доблестями далеко превосходили теперешнихъ гражданъ»⁴⁾!

Что же было причиною такого общаго и глубокаго упадка нравовъ? — Одну причину мы уже назвали — паденіе религіи; другая, не менѣе важная, заключалась въ тогдашнемъ государственномъ устройствѣ.

Правленіе Аѳинъ въ разсматриваемую нами эпоху, по справедливости, можно назвать *охлакратіей*, господствомъ толпы.

одного изъ пословъ аѳинскихъ, отправленныхъ къ Филиппу для веденія переговоровъ.

¹⁾ Извѣстно, что Фокэйцы, во время священной войны, разграбили Дельфійскій храмъ. Амфитіоновъ судилище просило Филиппа наказать святотатцевъ.

²⁾ Aesch. f. leg. 305.

³⁾ Мы разумѣемъ здѣсь одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ пелопоннесской войны — геройскую защиту аѳинскаго полководца Димосеена (426 г.) въ мессинской крѣпости Пилъ (гдѣ вынѣ Наваринъ) противъ соединенныхъ усилій флота и войска Пелопоннисцевъ. См. Thuc. IV, 2—13.

⁴⁾ Aesch. c. Ctes. 567. — ср. Isocr. Panath. § 120; Areopag. § 13. — Dem. Olyn. III, 24—28. — Herm. Lehrs. I, § 171.

Оно началось съ пелопоннесскою войной и въ IV столѣтіи достигло крайняго своего развитія¹⁾. Своеволіе толпы превышало всякое вѣроятіе! Не только всѣ, такъ называемыя, «литургіи» (повинности) лежали исключительно на достаточномъ классѣ гражданъ²⁾, не только весь излишекъ государственныхъ доходовъ въ мирное время, который сохранялся прежде на случай войны, уходилъ теперь на раздачу народу хлѣба, мяса и на общественныя увеселенія; но когда наконецъ и этихъ средствъ не доставало для удовлетворенія ненасытной толпы, то, просто, отбирали имѣнія у богатыхъ, подъ самыми ничтожными предлогами, а иногда и безъ всякой причины³⁾. Существовалъ особый классъ людей, такъ называемые «сикофанты», которыхъ занятіе состояло въ томъ, что они слѣдили за всѣми поступками своихъ согражданъ и, коль скоро кто нибудь изъ нихъ нарушалъ тотъ или другой законъ, тотчасъ дѣлали на него доносъ⁴⁾. Начинался процессъ, и если подсудимый оказывался виновнымъ, — имѣніе его, въ большей части случаевъ, отбиралось въ казну⁵⁾. Но нерѣдко подобные доносы не имѣли ни малѣйшаго основанія и дѣлались только въ угоду народу, чтобы чаще давать ему случай конфисковать, въ свою пользу, чужое имущество; потому что народъ, которому эти имѣнія въ послѣдствіи раздавались въ видѣ эккліастика, оеорика и т. д., будучи, вмѣстѣ, и судьей въ подобныхъ дѣлахъ⁶⁾, т. е. судьей въ собственномъ дѣлѣ, весьма естественно

¹⁾ Ср. Isocr. Areop. 50.

²⁾ Herm. Lehrb. § 160. 161.

³⁾ Arist. Polit. VII, 1. 12; VIII, 4. 3. — Xenoph. Sympos. IV. 30. — Dem. Philip. IV, § 45.

⁴⁾ Herm. Lehrb. I, § 132. 163.

⁵⁾ А именно въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) за умышленное убійство, 2) за ограбленіе храма, 3) за измѣну, 4) за стремленіе къ тираніи, 5) если кто женить афинянина на иностранкѣ, выдать ее за гражданку, 6) если иностранецъ женится на афинянкѣ, и во многихъ другихъ случаяхъ, — они подробно изложены въ соч. Meiera Hist. Juris Attic. de bon. dam. lib. prior. — Конфискація имущества неразлучна была при наказаніяхъ: атиміею, изгнаніемъ, продажою въ рабство и смертною казнью. См. Boeckh. Staat. I, 423. 424.

⁶⁾ Судебный приговоръ произносился такъ называемыми *κλίσταις* (κλίσται), присяжными, въ число коихъ каждый афинянинъ поступалъ по исполненіи ему 30-ти лѣтъ, такъ что всѣхъ κλίσταвъ считалось около 6,000. Рано утромъ,

рѣшалъ ихъ такъ, какъ ему было выгодно т. е. чаще осуждалъ, нежели оправдывалъ ¹⁾. Для поощренія же доносовъ обвинителямъ отдавалась часть конфискованнаго имущества ²⁾. И эти вопіющія несправедливости дѣлались открыто, явно, съ самымъ безстыднымъ эгоизмомъ! Невинность подсудимаго была иногда очевидна, не было ни малѣйшаго повода осудить его, — «но», говорили тогда судьямъ обвинители, «если вы не признаете его виновнымъ, то откуда же брать и денегъ для раздачи вамъ» ³⁾? И несчастный, котораго все преступленіе заключалось только въ томъ, что онъ былъ богатъ, лишался своего состоянія ⁴⁾!

Весьма живо характеризуетъ Ксенофонтъ современное ему аѳинское общество въ одной изъ своихъ застольныхъ бесѣдъ (συμπόσιον): «Пока я былъ богатъ», говоритъ одинъ изъ собесѣдниковъ ⁵⁾, «прежде всего боялся я, чтобы кто не от-

собравшись въ центральномъ судилищѣ «Иліѣѣ» (ήλιεία), откуда произошло и названіе ихъ, они раздѣлялись на партіи въ нѣсколько сотъ человекъ (обыкновенно 500) и распределялись, по жребію, по различнымъ судамъ, число конкъ въ точности неизвѣстно. См. Herm. Lehrb. I, § 134. — Aristoph. Vespae v. 90—94.

¹⁾ Lysias c. Nicomach. § 22: «ἡ βουλή.. ὅταν εἰς ἀπορίαν καταστῇ ἀναγκάζεται εἰσαγγελίας δέχεσθαι καὶ δημεύειν τὰ τῶν πολιτῶν». — Isocr. de pace. § 130: «πολλὴν χάριν ἔχοντας (народъ) ταῖς εἰσαγγελίαις καὶ ταῖς γραφαῖς καὶ ταῖς ἀλλαις συκοφανταῖς». — ср. § 131. 133. 129. — Theophr. Char. XXIX, 3. (ар. Herm. Lehrb. I, p. 360): «διὰ τοὺς συκοφάντας οὐκ οἰκητέον ἐστὶν ἐν τῇ πόλει. . ἐν τοῖς δικαστηρίοις δεῖν πάσχομεν ὑπὸ τῶν δικαζόντων». — Dem. Phil. IV, § 43—45. — Xen. Sympos. IV, 30. — ср. Herm. Lehrb. § 163.

²⁾ См. Boeckh I, 424. 426. — Meier de bon. dam. p. 206. — Herm. Lehrb. I, § 136. — ср. Lysias de public. bon. fratris Nicias § 16. 17. — Правда, несправедливо обвиненнымъ давалось право жаловаться на своихъ обвинителей и начинать съ ними процессъ, но народъ, громко порицая незаконныя дѣйствія своихъ сикофантовъ, тайнѣ, при собираніи голосовъ, оправдывалъ ихъ. См. Demosth. Philip. IV, § 44. — Meier de bon. damn. 208. 209. — Herm. Lehrb. I, § 136.

³⁾ Lysias c. Epicrat. § 1: «πολλάκις ἤκούσατε τούτων λεγόντων, ὅποτε βούλονται τινα ἀδίκως ἀπολέσαι, ὅτι, εἰ μὴ καταψηφισέσθε ὡς αὐτοὶ κελεύουσιν, ἐπιλείψει ὑμᾶς ἡ μεσοφορὰ». — Мы уже замѣтили выше, что осужденный въ какомъ нибудь уголовномъ дѣлѣ почти всегда лишался своего имущества, которое отбиралось въ казну.

⁴⁾ Isocr. de permut. § 160. — ср. Meier de bon. dam. 172.

⁵⁾ Xen. Sympos. § 30—32. — ср. Xen. Resp. Ath. I, § 1: «τοὺς πονηροὺς ἔμεινον πράττειν ἢ τοὺς χρηστοὺς». § 2. 5—8. Arist. Polit. III, 5. 4; VII, 1. 6. 9. Isocr. Ageor. § 20. 21; de pace § 128. 129. 131; Panath. § 130. — Aristoph. Vesp. v. 548—600.

нялъ у меня имущества и не причинилъ бы какого зла мнѣ самому. Затѣмъ я унижался предъ сикофантами, зная, что они болѣе могли мнѣ сдѣлать вреда, нежели я имъ. Государство безпрестанно требовало отъ меня денегъ, а отлучиться изъ города я не могъ никуда. Теперь же, когда у меня отняли состояніе, я совершенно счастливъ! сладко сплю растянувшись; сограждане уважаютъ меня; уже не мнѣ — а я грожу другимъ и, какъ совершенно свободный человѣкъ, остаюсь дома или иду, куда хочу; богатые даютъ мнѣ дорогу и уступаютъ мѣсто. Прежде я былъ рабъ, — теперь я властелинъ; прежде я тратился на государство, — теперь оно содержитъ меня»...

Такъ какъ обвиненія сикофантовъ падали преимущественно на достаточныхъ гражданъ¹⁾, и никакія заслуги²⁾, ни самое строгое исполненіе законовъ и удаленіе отъ общественныхъ дѣлъ³⁾ не защищали ихъ отъ доносовъ, то неудивительно, что богатые не только не преувеличивали своихъ доходовъ, какъ прежде, но напротивъ того, старались скрыть и то что имѣли отъ зоркаго глаза сикофантовъ, чтобы вмѣстѣ съ состояніемъ не лишиться и «гражданской чести» (τιμή)⁴⁾, свободы или самой жизни, потому что для конфискаціи имущества необходимъ былъ какой нибудь предлогъ, какое нибудь преступленіе, дѣйствительное или вымышленное⁵⁾; и только подкупность⁶⁾ этого рода людей нѣсколько спасала еще достаточ-

1) Ср. Herm. Lehrb. I, § 163.

2) Знаменитый администраторъ финансовъ Ликургъ принужденъ былъ заплатить сикофантамъ цѣлый талантъ (ок. 1265 р. с.), чтобы только заставить ихъ молчать, потому что они хотѣли обвинить его супругу въ нарушеніи закона противъ роскоши, имъ же самимъ составленнаго. См. Plut. vit. X. orat. Lycurg. § 14. 15.

3) Aristoph. Equit. v. 261—265. — Ср. Herm. Lehrb. I, § 163.

4) Τιμή — гражданская честь, если можно такъ выразиться т. е. пользованіе всѣми правами гражданина. Лишеніе этой чести называлось «ἀτιμία» (атимія), которая бывала полная или частная, т. е. сопровождалась лишеніемъ всѣхъ или только нѣкоторыхъ правъ гражданина. См. Andoc. de myster. § 73—76. — Meier de bon. dam. 101 и сл.

5) Diod. XV, 40. — Isocr. Areop. § 33; de permut. 160. — Aristoph. Vesp. v. 564. — Boeck I, 423.

6) Xenoph. Memor. Socrat. II, 9. 1: «νῦν γὰρ, ἔφη (Критонъ ученикъ Сократа) ἐμέ τινες εἰς δίχας ἄγουσιν οὐχ ὅτι ἀδικοῦνται ὑπ' ἐμοῦ, ἀλλ' ὅτι νομίζουσιν ἧδιον

ныхъ гражданъ отъ конечнаго раззоренія. «Я помню», говоритъ Исократъ, «что въ то время, когда я былъ еще мальчикомъ¹⁾, званіе богатаго было столь безопасно и почетно, что всѣ почти преувеличивали свое состояніе, чтобы только слыть богатыми людьми. Теперь же мы ищемъ оправдываться въ нашемъ богатствѣ, какъ бы въ величайшемъ изъ преступленій, и рады, если намъ оставляютъ жизнь. Потому что гораздо опаснѣе слыть теперь богатымъ, нежели совершить явное преступленіе. Преступникъ можетъ еще надѣяться на снисхожденіе судей: нерѣдко они его или вовсе оправдываютъ или опредѣляютъ ему только легкое наказаніе, — богатый же въ конецъ погибаетъ; такъ что гораздо болѣе нашлось бы теперь богатыхъ лишенныхъ своего имущества, нежели наказанныхъ преступниковъ»²⁾.

Люди съ состояніемъ тѣмъ менѣе побуждаемы были жертвовать имъ отечеству, что оно не шло на истинныя его нужды, но на прихоти народа или для удовлетворенія ненасытнаго корыстолюбія димаговъ и ораторовъ, которые, возвысившись нерѣдко изъ самаго низкаго званія, тѣмъ жаднѣе были къ деньгамъ и нагло грабили государственную казну³⁾.

Приученный своими димагогами къ праздности и нѣгѣ, думая только о своихъ удовольствіяхъ, а не о благѣ отечества, народъ аѳинскій мало по малу утратилъ свою прежнюю энер-

ἄν με ἀργύριον τελέσαι ἢ πράγματα ἔχειν». — *Lysias pro sacra olea* § 39: «οὐχ ὡς ἀδικοῦντα ἐλπίζων (Никомахъ обвинитель Лисіа) ἀποδείξειν, ἀλλ' ὡς ἀργύριον παρ' ἐμοῦ ληψέσθαι προσδοκῶν». — Ср. *Dem. c. Aristog.* I, 41. — *Herm. Lehrs.* I, § 163.

¹⁾ Исократъ родился въ 436 г. до Р. Х.; рѣчь его — «περὶ ἀντιδόσεως», изъ коей мы приводимъ слова оратора, написана въ 353 г.

²⁾ *Isocr. de permut.* § 159. 160. — Несмотря на явную опасность прослыть богатымъ, мы видѣли, что роскошь была отличительною чертою тогдашнихъ нравовъ! — Это можетъ объясниться частью вліяніемъ духа времени, силою привычки, частью и существенно, неодолимою потребностью человѣческой природы — потребностью дѣятельности, какой бы то ни было: видя политическое поприще для себя закрытымъ, высшее сословіе искало пищи для своей дѣятельности въ чувственныхъ удовольствіяхъ и свѣтскихъ развлеченіяхъ, — самая опасность удвоивала цѣну наслажденія.

³⁾ *Dem. Phil.* IV, § 44. — *Isocr. de permut.* § 317. — *Aesch. f. leg.* 234. — *Aristoph. Vesp.* v. 556. 666 — 693. — *Lysias de pub. bon. fr. Nic.* 17. 20. — Ср. *Boeckh* I, 423. 426.

гю и предприимчивость, тотъ юношескій пылъ «νεανικὸν φρόνημα» по выраженію современника ¹⁾, который произвелъ столько великихъ дѣлъ, утратилъ и всякое чувство справедливости и собственного достоинства ²⁾.

Въ исторіи Аѳинъ выразилась исторія всей древней Греціи, — тѣ же явленія повторялись повсюду, проистекая изъ одного общаго источника — глубокой безнравственности и тиранніи толпы; такимъ образомъ, все что мы сказали о гражданскомъ и частномъ бытѣ Аѳинянъ въ IV вѣкѣ должно отнести и къ прочимъ греческимъ государствамъ ³⁾.

Взглянемъ теперь на политическое состояніе Греціи. Мы увидимъ, что и здѣсь паденіе было не менѣе общее и рѣшительное—чего впрочемъ и слѣдовало ожидать, потому что политическая жизнь народа находится въ непосредственной связи съ его внутреннею, духовною жизнью.

Хотя Греція усѣяна была множествомъ независимыхъ городовъ-государствъ (πόλεις), но не всѣ они принимали равное участіе въ судьбѣ своего общаго отечества; три только: Аѳины, Спарта и Фивы играли, попеременно, главную роль въ исторіи Греціи; прочіе же города не имѣли почти никакого самостоятельнаго значенія и, волею неволею, слѣдовали политикѣ того

¹⁾ Demosth. Olynth. III, § 32: «ἔστι δ' οὐδέποτε, οἶμαι, μέγα καὶ νεανικὸν φρόνημα λαβεῖν μικρὰ καὶ φαῦλα πρᾶτοντας».

²⁾ Theopom. Phil. fr. 96: «Εὐβουλος . . ἀργυρίον τε συχρὸν πορίζων τοῖς Ἀθηναίοις διένειμε διὰ καὶ τὴν πόλιν ἐπὶ τῆς τοῦτου πολιτείας, ἀναδροτάτην καὶ βαθυμοτάτην συνέβη γενέσθαι». — Ср. ibid. fr. 238: — Justin. VI. 9. — Isocrat. de pace § 48. — Dem. Philip. I, § 17; Olynth. II, 3; Olyn. III, 30—32.

Мы видѣли уже, что нравственное растлѣніе проникло во всѣ слои общества, — и «высшее» тогдашнее сословіе, въ своей сферѣ дѣятельности, равно было преступно и ничтожно. Ср. Dem. cor. § 45.

³⁾ Dem. Phil. III, § 63. 64: «Почему и Олинціане и Эвертіане и Оритане болѣе любятъ приверженцевъ Филиппа, нежели своихъ собственныхъ? Причина та же какъ и у васъ, аѳиняне; — истинные патриоты не всегда могутъ вамъ говорить пріятное для васъ, несмотря на все свое желаніе. Тѣ же, лстя вамъ, въ то же время услуживаютъ и Филиппу. Одни требуютъ отъ васъ податей — другіе говорятъ, что ихъ не нужно; тѣ побуждаютъ васъ къ войнѣ—эти совѣтуютъ оставаться дома, и все остальное точно такъ же какъ и у насъ. — Ср. Dem. cor. § 45. — Arist. Polit. VII, 1. 12. — Diod. XV, 40. 58. 59. — Xen. Hist. Graec. V, 2. 8—10. — Theop. fr. 39. 54. 63. 95. — Meier de bon. dam. 176. 220. — Wachsmuth Hell. Altert. I, § 74. — Herm. Lehrs. I, § 67—69.

или другого изъ поименованныхъ государствъ ¹⁾; такъ что, говоря объ исторіи Греціи, обыкновенно разумѣютъ исторію Аѣинъ, Спарты или Фивъ.

Со времени персидскихъ войнъ не было въ Греціи государства могущественнѣе Аѣинъ: ихъ владѣнія простирались отъ Понта до Сардиніи, тысяча городовъ платили имъ дань (φόροι), въ казнѣ лежало 6,000 талантовъ (ок. 7.590,000 р. с.) запаснаго капитала, а ежегодные доходы составляли почти 2,000 тал. (ок. 2.530,000 р. с.), — суммы огромныя по тому времени и для маленькой республики, — всего этого лишила ихъ пелопоннесская война ²⁾! Попытки Конона и Фрасивула возобновить прежній «союзъ» (συνμαχία) съ городами М. Азіи, Фракіи и островами Эгейскаго моря уничтожены были анталькидидинымъ договоромъ (387 г.) ³⁾. Въ послѣдствіи, когда греки увидѣли, что спартанское господство (ἡγεμονία) было еще тягостнѣе аѣинскаго, то, по предложенію Аѣинянъ, многіе изъ ихъ прежнихъ «симмаховъ» (συνμαχοι) рѣшились опять вступить съ ними въ союзъ, но съ условіемъ сохраненія полной независимости (αὐτονομία) и на совершенно равныхъ правахъ. Такимъ образомъ Аѣиняне, благодаря особенно стараніямъ своего знаменитаго полководца Тимофея, еще разъ пріобрѣли игемонію надъ 75 городами ⁴⁾, — но не на долго. Прежнія утѣшенія возобновились, союзники возстали и, несмотря на воинскіе таланты своихъ полководцевъ Хавріи, Ификрата, Тимофея, Аѣиняне не въ состояніи были привести симмаховъ въ прежнюю зависимость. Эта война, происходившая отъ 358 до 355 года, сверхъ того стоила Аѣинянамъ сотни кораблей и огромныхъ издержекъ ⁵⁾. До какой степени пало ихъ могущество видно изъ того, что они не могли даже возвратитъ себѣ г. Оропа, отнятаго у нихъ

¹⁾ Cp. Isocr. Phil. § 30. 31.

²⁾ Aristoph. Vesp. 660. 700. 709. — Thuc. II, 13. — Cp. Boeckh. I, 465. 466. — Herm. Lehrb. I, § 170.

³⁾ Diod. XIV, 84. 94. 110.

⁴⁾ Aesch. f. leg. 247. — Diod. XV, 1. 2. 5. 28—30. 36. 47. — Isocr. de pace § 67. 68.

⁵⁾ Diod. XVI, 7. 11. 12. — Aesch. f. leg. 247. — Isocr. de pace § 46. — Boeckh I, 433.

Оиванцами, во время ихъ невзгоды, и своего древняго и драгоценнѣйшаго владѣнія ос. Еввіи (Εὐβοία), отложившагося отъ нихъ, ни защитить отъ морскихъ разбойниковъ тѣ немногія владѣнія¹⁾, которыя еще оставались у нихъ²⁾; самая Аттика подвергалась нападеніямъ этихъ пиратовъ³⁾. Со всѣхъ сторонъ Аѣины окружены были врагами, — Мегарянами, Оиванцами, Еввійцами, не говоря уже о Филиппѣ и Спартанцахъ; а изъ ихъ прежнихъ многочисленныхъ «союзниковъ» у нихъ осталось только нѣсколько ничтожныхъ острововъ на Эгейскомъ морѣ, которыхъ вся дань едва составляла 45—60 талантовъ⁴⁾.

Положеніе *Спарты* было не лучше. Счастливое окончаніе пелопоннесской войны доставило Спартанцамъ первенство (ἡγεμονίαν) на сушѣ и на морѣ⁵⁾; но они недолго удержали его: стремясь поработить своихъ «союзниковъ», они произвели между ними почти всеобщее возстаніе. Началась трудная и неровная борьба, въ которой Спартанцы неоднократно терпѣли пораженія, лишились флота и наконецъ принуждены были заключить съ Персами, державшими сторону «союзниковъ», извѣстный анталкидинъ договоръ (συμβήταις), по которому всѣ города Греціи объявлены были независимыми другъ отъ друга (αὐτόνομοι), и такимъ образомъ Спартанцы, чтобы прекратить войну, отказались отъ игемоніи надъ ними и de jure, не будучи въ состояніи сохранить ее силою оружія⁶⁾. Первымъ слѣдствіемъ этого договора было то, что народная партія въ Пелопоннисѣ, освободившись отъ ига Спартанцевъ, повсюду стала изгонять олигарховъ, которымъ тѣ покровительствовали, и измѣнять образъ правленія. Такъ что пелопоннесскіе города, бывшіе прежде постоянными союзниками Спарты, теперь сдѣлались ея врагами⁷⁾. Только необходимость заставила спартан-

¹⁾ О-ва Лимнъ, Имвръ, Смиръ всегда составляли собственность Аѣинъ.

²⁾ Diod. XIV, 17; XIII, 47; XV, 76. — Thuc. VIII, 96. — Dem. Phil. II, § 30; f. legat. 22. — Isocr. Phil. 53. — Cp. Boeckh. I, 454.

³⁾ Dem. de corona § 230.

⁴⁾ Dem. corona, 234. — Aesch. f. leg. 250. — Cp. Boeckh. I, 454.

⁵⁾ Diod. XIV, 10. 23.

⁶⁾ Diod. XIV, 81—83. 97. 110.

⁷⁾ Diod. XV, 40.

дешъ заключить такой невыгодный для себя трактатъ, и потому, какъ скоро опасность миновалась, они пытались возстановить свою прежнюю ижемонію; съ этою цѣлью стали вездѣ поддерживать своихъ приверженцевъ и, при помощи ихъ, подчиняли себѣ сначала небольшіе, а потомъ и большіе города. Такимъ образомъ они овладѣли еиванскою крѣпостью Кадмію; это повлекло ихъ въ такъ называемую еиванскую войну (378—362 г.), которая потрясла до основанія могущество Спарты, лишила ее древней и лучшей ¹⁾ части ея владѣній — Мессиніи и еще болѣе утвердила неприязненность къ ней пелопоннесскихъ городовъ, которые теперь недоувѣрчиво слѣдили за каждымъ шагомъ Спартанцевъ и, при малѣйшемъ обнаруженіи какихъ либо завоевательныхъ намѣреній, немедленно извѣщали о томъ непримиримыхъ враговъ Спарты. Еиванцевъ и просили ихъ помощи; — тѣ не упускали случая унижить своихъ соперниковъ ²⁾.

Фивы, первенствующій городъ одной изъ самыхъ значительныхъ областей Греціи — Віотіи, постоянно стремились къ одной цѣли: утвердить свое господство надъ прочими городами области. Нѣсколько разъ Фиванцы то теряли, то опять пріобрѣтали это господство; въ послѣдній разъ они лишились его въ слѣдствіе анталкидина договора, — одно время даже ихъ собственный городъ былъ во власти Спартанцевъ; но потомъ, возстановивъ свою независимость, снова подчинили себѣ Віотію силою оружія, причемъ нѣкоторые города были разрушены ³⁾. Господство, утвержденное подобными насильственными мѣрами, не могло быть прочно: Віотійцы ненавидѣли Фиванцевъ ⁴⁾ и ждали только случая отложиться отъ нихъ;

¹⁾ Plut., Agesil. 34.

²⁾ Diod. XV, 1. 5. 19. 20. 25. 40. 62. 63. 66. 68. 82. 94; XVI. 39. — Isocr. Phil. § 47—50. 74.

³⁾ Diod. XIV. 110; XV. 33. 46. 50. 79. — Isocr. Philip. § 53. 54; de pace 17. — ср. Fluthe-Gesch. Maceдонiens I, ст. 98 и сл.

⁴⁾ Когда Фивы были взяты Александромъ В. и преданы разграбленію и поношу, те віотійцы, бывшіе въ его войскахъ, выказали особенную жестокость къ побѣжденнымъ, безжалостно умерщвляя всѣхъ, безъ различія пола и возраста.

тѣмъ болѣе, что они могли надѣяться на помощь Спартанцевъ и Аѳинянъ, которые постоянно побуждали ихъ свергнуть тяготѣвшее надъ ними иго. Слава пріобрѣтенная Ѡиванцами на поляхъ левктрійскихъ (371 г.) внушила Епаминонду мысль доставить своему отечеству игомонію на сушѣ и на морѣ¹⁾; но Аѳиняне не позволили привести ее въ исполненіе: видя слабость Спарты и быстро возрастающее могущество Ѡиванцевъ, они оставили своихъ недавнихъ союзниковъ и перешли на сторону Спартанцевъ, — которыхъ отъ души ненавидѣли, но они не хотѣли, чтобы Ѡиванцы на развалинахъ спартанской игомоніи основали свою собственную. Смерть Епаминонда въ мантинійскомъ сраженіи (362 г.) положила конецъ его честолюбивымъ замысламъ, и Ѡиванцы должны были ограничиться однимъ, довольно невѣрнымъ, господствомъ надъ віотійскими городами²⁾.

Эти три государства питали другъ къ другу непримиримую ненависть. Аѳиняне не могли и слышать равнодушно объ Оропѣ, отнятомъ у нихъ Ѡиванцами, тѣмъ болѣе, что чувствовали свое безсиліе возвратить его обратно. Спартанцы имѣли еще болѣе причинъ ненавидѣть Ѡиванцевъ, и вмѣстѣ съ Аѳинянами, не забывая впрочемъ своей старой вражды за игомонію, побуждали къ возстанію віотійскіе города. Ѡиванцы платили имъ тѣмъ же, — поддерживая то Пелопоннисцевъ противъ Спартанцевъ, то непокорныхъ Еввійцевъ противъ Аѳинянъ³⁾.

Прочіе города Греціи оставались спокойными зрителями этой вражды трехъ главныхъ республикъ, не приставаая ни

(Diod. XVII, 13. — Agrian. I, с. 2). Въ послѣдствіи, когда, при извѣстіи о смерти Александра В., Греки возстали, то Віотійцы отказались участвовать въ союзѣ, — изъ опасенія, чтобы не были возобновлены разрушенные Ѡивы. (Diod. XVIII, 11).

¹⁾ Тотчасъ послѣ сраженія при Левктрахъ симмахами Ѡиванцевъ сдѣлались Фокійцы, Локрійцы, Этолійцы, не считая Віотійцевъ (Diod. XV, 57). Епаминондъ хотѣлъ завести и флотъ, котораго дотошъ не было у Ѡиванцевъ; на первый разъ определено было построить адругъ 100 триръ на такомъ же количествѣ верфей (Diod. XV, 78. 79.).

²⁾ Diod. XV, 1. 38. 50. 53. 56. 57. 63. 78. 87. 88; XVIII, 11. — Aesch. f. leg. 277. 278.

³⁾ Diod. XV, 38. 45. 46. 51. 63. 67; XVI, 7. 27. — Aesch. f. leg. 277. — Isocr. de pace § 17; — Phil. 30. 50. — Dem. cor. 18; pro Megapol. 4. 5. Andoc. de pace 13.

къ чьей сторонѣ и не принимая почти никакого участія въ въ общихъ судьбахъ Греціи. Изъ долговременнаго, тяжкаго опыта узнали они, что подъ «игемонією» скрывалось самое гнетущее господство, — и уже ничто, даже явная опасность ихъ общаго отечества, не могло склонить ихъ составить союзъ вокругъ одной изъ помянутыхъ республикъ, до такой степени боялись они возобновленія старой игемоніи; да къ тому же были уже и утомлены непрерывными войнами¹⁾.

Была еще одна страна, весьма значительная, но которая долго жила жизнью совершенно отдѣльною отъ остальной Греціи, — это *Θεσσαλί*. Только по окончаніи пелопоннесской войны выходитъ она изъ своего бездѣйственнаго состоянія и притомъ съ явнымъ намѣреніемъ подчинить себѣ всю Грецію. *Θεσσαλί*скіе города издавна составляли между собою союзъ, глава котораго назывался «Тагомъ» (*Ταγὸς*)²⁾; впрочемъ они были независимы другъ отъ друга и управлялись аристократическими фамиліями, между коими первое мѣсто занимали ларисскіе Алевады, — достоинство Тага было почти наследственнымъ въ ихъ родѣ. Но въ концѣ пелопоннесской войны они встрѣтили себѣ опасныхъ соперниковъ въ другой могущественной фамиліи, управлявшей г. Ферами, которая долго и упорно стремилась утвердить свою власть во всей *Θεσσαλί*. Одинъ изъ этихъ такъ называемыхъ «ферэйскихъ тиранновъ» по имени Ясонъ, подчинивъ себѣ всю *Θεσσαλί*ю и видя истощеніе главныхъ греческихъ государствъ въ слѣдствіе междоусобныхъ войнъ, предпринялъ было доставить своему отечеству игемонію надъ всею Грецією, даже вступить въ борьбу съ Персією, но скоропостижная смерть помѣшала исполненію его обширныхъ плановъ. Преемники Ясона упорно слѣдовали его политикѣ касательно *θεσσαλί*скихъ городовъ, стараясь удержать надъ ними верховную власть. Правившія ими фами-

¹⁾ Diod. XV, 38. — Aesch. f. leg. 257. 258. — Xenoph. Hellen. VII, 5, 1—3. Ср. Flathe G. Mac. I. 81. 82.

²⁾ «Тагъ» былъ то же, что въ послѣдствіи «стратигъ» въ ахэйскомъ союзѣ. — Званіе это было избирательное.

ли обращались сначала къ Александру, царю Македоніи¹⁾, потомъ къ Фиванцамъ, во время ихъ могущества, наконецъ къ Филиппу II македонскому, который и положилъ предѣлъ честолюбивымъ замысламъ «Ферейскихъ тиранновъ», подчинивъ своей власти Фессалию²⁾.

Особенною чертою этого времени было появленіе въ Греціи необыкновеннаго множества «бродягъ» (πλῆθος). Это были граждане покинувшіе свой отечественный городъ или въ слѣдствіе внутреннихъ распрій или потому, что, во время междоусобицъ войнъ, ихъ родной городъ былъ разрушенъ, а поля опустошены; такъ что не находя средствъ къ пропитанію дома, они отправлялись отыскивать его въ другихъ мѣстахъ и мало по малу привыкали къ бродячей жизни. Эти бездомные люди ходили многочисленными вооруженными партіями и жили на счетъ мирныхъ гражданъ, или же нанимались служить которой либо изъ воюющихъ сторонъ. Число ихъ было такъ велико, что, во время послѣднихъ войнъ Грековъ, они нерѣдко составляли арміи въ 20,000 чел.³⁾ Исократъ въ рѣчи къ Филиппу⁴⁾, побуждая его предпринять походъ противъ Персовъ, совѣтуетъ ему употребить въ дѣло эту бездомную вольницу, «ибо состояніе Греціи теперь таково», прибавляетъ онъ, «что легче набрать отличное и многочисленное войско изъ наемниковъ нежели изъ гражданъ». — Афиняне, въ своихъ войнахъ, почти постоянно употребляли однихъ наемниковъ; въ извѣстной священной войнѣ (356 — 346 г.) они же дали возможность фокѣйскимъ вождямъ такъ долго держаться противъ Фиванцевъ и самаго Филиппа. Эти толпы бродягъ, грабя друга и недруга и умножаясь съ каждымъ годомъ, сдѣлались сущою язвой Греціи⁵⁾.

¹⁾ Этотъ Александръ былъ старшій братъ Филиппа II.

²⁾ Diod. XV, 60. 61. 67. 71; XVI, 14. 35. 37. — Isocr. Phil. § 119. — Xenoph. Hell. VI, 1, 4. 7. — Ср. Kortüm z. Gesch. Hell. Staatsv. 77 и сл. — Flathe 90 и сл.

³⁾ Diod. XV. 32. 41. — Isocr. de pace § 24; Philip. 120. 121. — Ср. Wachsmuth-Hell. Alterth. I, ст. 269—274.

⁴⁾ Philip. § 96.

⁵⁾ Isocr. Phil. § 121: «число этихъ бродягъ такъ быстро возрастаетъ, что скоро ихъ надобно будетъ опасаться не менѣе самихъ варваровъ.»

Такимъ образомъ Греція въ IV-мъ вѣкѣ представляла легкую добычу для предприимчиваго завоевателя, и если Филиппу II македонскому и его преемнику стоило не мало усилій и времени приобрѣсть и упрочить въ ней свое господство, то причина тому заключалась, какъ мы увидимъ, въ политикѣ персидскаго правительства, которое, изъ своихъ расчетовъ, возбуждало и поддерживало въ Грекахъ сопротивленіе честолюбивымъ планамъ царей македонскихъ; и когда, несмотря на то, Греція подпала наконецъ ихъ владычеству, то всѣми силами помогало ей свергнуть съ себя это иго. — Греки дѣйствующіе подъ вліяніемъ нѣкогда ненавидимыхъ и презираемыхъ ими «варваровъ», — явленіе столь же замѣчательное, сколько и непонятное на первый взглядъ и, сколько намъ извѣстно, не обратившее еще на себя вниманія ученыхъ.

Чтеніе греческихъ историковъ и ораторовъ подало намъ мысль о постепенномъ вторженіи, такъ сказать, персидскаго вліянія въ политическую жизнь Грековъ IV вѣка, а тщательное изученіе источниковъ этого времени окончательно убѣдило насъ въ существованіи этого замѣчательнаго явленія.

Откуда возникло это вліяніе, въ чѣмъ оно заключалось и что побуждало Персовъ дѣйствовать за-одно съ Греками противъ Македонянъ? — вотъ вопросы, разрѣшеніемъ коихъ мы займемся въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУЩНОСТЬ ВЛІЯНІЯ ПЕРСОВЪ НА ДѢЛА ГРЕЦІИ ВЪ IV
ВѢКѢ И ПОЛИТИКА ИХЪ ОТНОСИТЕЛЬНО ЦАРЕЙ МАКЕДОНСКИХЪ ФИЛИППА
II И АЛЕКСАНДРА В.

Прежде всего необходимо познакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Персіи, — тогда яснѣе будетъ для насъ и политика ея правительства въ отношеніе Грековъ и Македонянъ.

Громадная персидская монархія образовалась изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, соединенныхъ вмѣстѣ силою оружія. Отъ Инда до Средиземнаго моря, отъ р. Окса и Каспійскаго моря до предѣловъ Аравіи и Эіюпіи все повиновалось царю персидскому.

Но уже въ самой огромности этой насильственно составленной монархіи заключался первый зародышъ ея паденія. Между ея частями не было почти никакой связи. Одни Мидяне слились съ своими побѣдителями¹⁾, прочіе же народы были только порабощены и удержали свои національности; весьма естественно,

¹⁾ Потому то греческіе писатели называютъ Персовъ Мидянами также.

что, несмотря на продолжительное рабство, чувство свободы не могло у них угаснуть совершенно, — нерѣдко оно проявлялось въ возстаніяхъ, и даже съ большою энергіею, какъ на примѣръ у Египтянъ ¹⁾).

При такой разнородности ²⁾ и разъединенности составныхъ ея частей, имперія могла держаться только твердымъ правленіемъ, искуснымъ внутреннимъ устройствомъ. И дѣйствительно, величайшій изъ монарховъ персидскихъ Дарій Истаспъ (522 — 486 г.) далъ своей имперіи весьма мудрое и твердое устройство: онъ раздѣлилъ ее на 20 сатрапій, назначилъ правильную подать ³⁾ и въ каждой поставилъ сатрапа съ властью гражданскою, — военную же поручилъ особымъ лицамъ ⁴⁾. При такомъ раздѣленіи власти сатрапы не могли быть опасны для правительства. Но при слабыхъ и безпечныхъ ⁵⁾ преемникахъ Дарія эти разумныя учрежденія стали приходить въ упадокъ. Мало по малу сатрапамъ предоставлена была и военная власть въ ихъ провинціяхъ и нерѣдко, въ слѣдствіе родственныхъ отношеній или по придворнымъ интригамъ, одному лицу поручалось управленіе нѣсколькими сатрапіями ⁶⁾. Тогда эти правители слѣбались почти независимыми владѣтелями и ихъ возстанія слѣдовали одно за другимъ ⁷⁾. Имперія держалась только тѣмъ, что между сатрапами не было искренняго согласія: они не довѣряли, завидовали взаимно и, въ ми-

¹⁾ Безпрестанно возставая противъ Персовъ и жестоко наказываемые за это, Египтяне встрѣтили Александра В. какъ своего избавителя (Diod. XVII, 49).

Когда Эвагора, царь кипрскій, возсталъ противъ Артаксеркса II Мнимона (386 г.), то получилъ помощь отъ царей Египта, Карія «и многихъ другихъ тайныхъ или явныхъ враговъ царя персидскаго» (Diod. XV. 2—4).

²⁾ Въ арміи Ксеркса, во время похода его на Грецію, Иродотъ насчитываетъ до 86 различныхъ націй (VII, 59 — 100).

³⁾ Она простиралась до 15000 талант. (ок. 19.000.000 р. с.). см. Herod. III, 93.

⁴⁾ См. Herod. III, 89—97. — Heeren — Ideen etc. кн. I, отд. 2, гл. 1.

⁵⁾ Diod. XVI, 40. — Demosth. pro Rhod. libert. § 23. — Heeren — Ideen I. c.

⁶⁾ Diod. XIV. 12. 26. 80; XVI, 50. — Heeren I. c.

⁷⁾ Diod. XIV. 9. 18. 41. 90. Все царствованіе Артаксеркса II Мнимона было только непрерывнымъ рядомъ войнъ съ мятежными сатрапами. См. Diod. XV. 2—4. 8—10. 18; XVI 22. 34. 40—52. — Исст. Paneg. 160—162.

нута опасности, выдавали другъ друга¹⁾. Правительство персидское губило ихъ не столько силою, сколько тайнымъ убійствомъ, обманомъ и коварствомъ: не соблюдало договоровъ, подкупало ихъ наемниковъ и приближенныхъ или, обѣщая сосѣднему сатрапу провинцію возстающаго, побуждало его тѣмъ вооружиться противъ бунтовщика для завоеванія обѣщанной сатрапіи²⁾.

Между царемъ и его сатрапами существовала постоянная вражда, тайная или явная, и, въ случаѣ войны, царь не могъ полагаться на ихъ вѣрность. Если опасность грозила только престолу, если они не лишались своихъ областей и старый порядокъ управленія не уничтожался, то нельзя было ожидать отъ сатраповъ дѣятельнаго сопротивленія непріятелю, — многіе изъ нихъ стали бы даже дѣйствовать съ нимъ заодно³⁾.

Важною ошибкою персидскихъ завоевателей было еще то, что многимъ побѣжденнымъ народамъ они оставили ихъ прежнихъ царей, обязавъ ихъ только податью. Въ такомъ положеніи находились Каппадокія, Пафлагонія, Карія, Армения, Финикія, Кипръ. Въ этихъ областяхъ или сами туземные цари были сатрапами или, рядомъ съ ними, находились персидскіе сатрапы, которые наблюдали только за исправною выдачею подати. Цари эти стремились къ независимости и ждали только случая, — какой нибудь внѣшней помощи, чтобы освободиться отъ персидскаго ига⁴⁾.

Еще менѣе можно было надѣяться на вѣрность греческихъ малоазійскихъ колоній⁵⁾.

¹⁾ Diod. XIV. 33; XV, 8. 91. 92; XVI, 43. 45. — Isocr. Panegy. § 152.

²⁾ Diod. XV. 91. 92. 18; XVI. 45. 52. — Cp. Xen. Anab. VIII, 8. — Isocr. Paneg. 153. 154.

³⁾ Isocr. Panegy. § 152. 153; ad Philip. 103. — Demosth. de classib. § 4. — Diod. XVII, 21. 69. 71. 73. 74; XIV, 27. 79. — Arrian. de exped. Alexan. I, 17; III, 1. 16. 21—23. — Xen. Hell. III, 1. 9; IV, 1. 37. — Plut. Agesil. 12.

⁴⁾ Когда Александръ В. вторгнулся въ Персію, то они встрѣтили его какъ избавителя отъ персидскаго ига, не предвѣя въ немъ основателя новой могущественнѣйшей имперіи. См. Arrian. I, 23; II, 4. 13. 15; III. 16. — Dem. Rhod. § 11—13. — Isocr. ad Philip. § 139. — Diod. XV. 2. 4. 18. 90. 92; XVI, 40. 41; XVII, 24. 40. — Xen. Hell. IV. 1, 2. 41.

⁵⁾ Cp. Diod. XVII, 24. — Xen. Hell. III, 1. 16; 2. 1.

Наконецъ самое войско, при всей его многочисленности, не могло служить царямъ персидскимъ надежнымъ оплотомъ противъ вѣшняго врага. Набранное изъ людей разноплеменныхъ¹⁾, дурно вооруженныхъ и, болѣею частью, вовсе незнакомыхъ съ военнымъ ремесломъ, оно страшно было только для мятежныхъ сатраповъ, коихъ военныя силы, состоя изъ тѣхъ же элементовъ, численностью далеко уступали царскимъ. Достаточно было небольшого отряда греческихъ оплитовъ, чтобы разсѣять нестройныя полчища персовъ. Цари персидскіе знали это по опыту, и потому старались наберечь въ свою армію какъ можно болѣе греческихъ наемниковъ, — безъ нихъ персы не осмѣливались выступить въ походъ²⁾.

При такомъ шаткомъ и безсильномъ состояніи персидской монархіи всякое вѣшнее нападеніе, особенно врага предприимчиваго, какимъ были Греки и въ послѣдствіи Македоняне, было опасно для ея существованія — уже и потому только, что могло послужить сигналомъ къ возстанію всѣхъ недовольныхъ. Отразить подобное нападеніе вооруженною рукою правительство персидское не могло надѣяться: походы Ксенофонта и Агесилая показали вполнѣ его безсиліе въ этомъ отношеніи. Единственнымъ средствомъ спасти имперію отъ гибели было — сдѣлать невозможнымъ повтореніе подобныхъ предпріятій, занимая и ослабляя своихъ противниковъ искусно возбужденными внутренними междоусобіями. Въ отношеніи Грековъ эта политика увѣчалась полнымъ успѣхомъ.

И такъ посмотримъ, какимъ образомъ Персы успѣли постепенно поработить своему вліянію Грекомъ, — до такой степени, что этотъ народъ, гордившійся своимъ превосходствомъ надъ «варварами»³⁾, сдѣлался, какъ мы увидимъ, ихъ покорнымъ орудіемъ, страшась одной мысли заслужить гибель «великаго Царя»! Здѣсь откроются предъ нами факты и новыя любопытныя.

¹⁾ См. стр. 39, прим. 2.

²⁾ Isocr. Paneg. § 166. — Xen. Cyrop. VIII, с. 8. § 19—26. — Diod. XV. 38. — Plut. Agesil. 16. — Xen. Anab. I, 10. — Plut. Artax. 7 и сл. — Diod. XIV, 23. 79. 80. — Isocr. Paneg. 150. 174. — Dem. de class. § 9.

³⁾ Такъ называли греки всѣхъ не-грековъ, и преимущественно персовъ.

Извѣстно, какъ ничтожное обстоятельство — сожженіе г. Сардъ послужило поводомъ къ продолжительнымъ войнамъ между двумя народами, дотолѣ почти незнавшими другъ друга. Начавъ войну въ надеждѣ легкаго завоеванія, Дарій Истаспъ погубилъ двѣ арміи безъ всякой пользы для себя. Его преемникъ, раздраженный неожиданнымъ сопротивленіемъ столь малочисленнаго народа, двинулъ на Грецію всѣ силы своей имперіи, — его встрѣтили новыя пораженія. Скоро увидѣлъ Ксерксъ, что эта борьба ему не по силамъ и что въ его полчищахъ «болѣе людей нежели воиновъ»¹⁾; но уже было поздно, — упоенные славою своихъ недавнихъ побѣдъ надъ «варварами», Греки сами стали дѣйствовать наступательно.

Цари персидскіе, угрожаемые въ собственныхъ владѣніяхъ, обратились тогда къ обыкновенной своей политикѣ, которую съ успѣхомъ употребляли противъ мятежныхъ сатраповъ: они старались найти себѣ союзниковъ противъ Грековъ — между Греками же. — Такъ уже послѣ саламинской битвы (480 г.), Мардоній пытался, хотя и безуспѣшно, заключить союзъ съ Аѳинянами, зная, что они въ ссорѣ съ Спартою²⁾. По смерти Ксеркса, когда возстали Египтяне (462 г.), и Аѳиняне подали имъ помощь, Артаксерксъ старался золотомъ склонить Спартанцевъ объявить Аѳинянамъ войну, но такъ же безуспѣшно³⁾.

Начиная пелопоннискую войну, Спартанцы сами отправили посольство къ царю персидскому просить его союза⁴⁾. Въ теченіи этой войны сатрапы охотно и безъ различія принимали всѣхъ угнетенныхъ грековъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали, и отводили имъ мѣста для поселенія⁵⁾.

Но все это были отдѣльные факты безъ послѣдствій. Только подъ конецъ пелопоннискской войны, именно послѣ неудачнаго похода Аѳинянъ въ Сицилію (415—413 г.), когда

¹⁾ Herod. VII. 210.

²⁾ Herod. VIII. 136. — Diod. XI. 28.

³⁾ Diod. XI. 74.

⁴⁾ Diod. XII. 41.

⁵⁾ Diod. XII. 73; XIII. 104.

обѣ соперницы Аѳины и Спарта, равно истощенныя продолжительною борьбою, обратились къ сатрапу М. Азіи Тиссаферну, прося помощи, — тогда только политикѣ персидской открылось обширное поприще.

По словамъ Фукидида ¹⁾, Алкивиадъ научилъ Тиссаферна и царя персидскаго поддерживать войну между Греками, не позволять ни одной республикѣ усиливаться на счетъ другихъ и сдѣлаться такимъ образомъ опасною для Персіи, но помогая слабѣйшему противъ сильнѣйшаго, держать воюющія стороны въ равновѣсіи и заставляя Грековъ безплодно истощать свои силы въ междоусобной брани; — не персамъ было учиться подобной политикѣ: Алкивиадъ только утвердилъ знаменитаго сатрапа и царя персидскаго въ ихъ собственныхъ мысляхъ на этотъ счетъ ²⁾.

Съ той минуты какъ Греки, забывъ свою родовую ненависть къ «варварамъ», стали дружить съ ними, искать ихъ союза и тѣмъ сами давать имъ поводъ вмѣшиваться въ ихъ домашнія распри, — хитрая политика Персовъ охватила своими сѣтями Грецію, и вліяніе ихъ на дѣла этой страны, возрастая съ каждымъ годомъ, не прекращалось болѣе до самаго конца существованія ихъ имперіи.

Греки, въ своихъ почти непрерывныхъ междоусобіяхъ, не имѣли недостатка въ ратникахъ, но постоянно нуждались въ деньгахъ, — Персія, напротивъ того, славилась своимъ богатствомъ: въ дворцахъ и замкахъ Вавилона, Сусъ, Персеполя, Екватанъ хранились несмѣтныя сокровища ³⁾, которыя въ рукахъ правительства сдѣлались всесильнымъ орудіемъ его

¹⁾ Thuc. VIII, 46.

²⁾ Ср. Thuc. ibid. — Plut. Alcib. 23. — Diod. XIII. 37. — Isocr. Panegyrg. 134. — Dem. de class. § 93 и сл. — Plut. Agesil. 15.

³⁾ Онѣ накопились постепенно со времени Кира, и когда достались въ руки завоевателя Персіи, Александра В., то простирались до суммы неутраченной, для того времени, — 200,000 талантовъ! (т. е. около 253 мил. р. с., считая аттичскій талантъ въ 1263 р. с. или 1375 прусскихъ талеровъ. См. Boeckh. I, гл. 4) см. Diod. XVII. 66. 71. 80. — Agriap. Exp. Alex. III, 16. 18. 19. Мы видѣли, что подать съ сатрапій, установленная Даріемъ Истаспомъ, составляла около 15,000 тал. — О великихъ богатствахъ персидскаго царя см. также Demosth. ad Philippi epist. § 6.

политики. Нужно ли было поддержать городъ, ослабѣвшій въ борьбѣ съ торжествующимъ противникомъ, возжечь междоусобицу войну въ Греціи ит. избавиться отъ слишкомъ предпримчиваго врага, — и, при помощи одного только золота, Персы достигали желаемого результата!

Такимъ образомъ Спартанцы получаютъ отъ нихъ, въ равное время, болѣе 5,000 талантовъ для веденія войны съ Афинянами¹⁾.

Когда Агесилай, воюя въ М. Азіи, и хорошо ознакомившись съ жалкимъ состояніемъ персидской монархіи, готовился было проникнуть во внутреннія ея области и, быть можетъ, положить конецъ существованію самой имперіи; — сатрапы М. Азіи Тиравастъ, не успѣвъ самого Агесилая склонить золотомъ къ миру²⁾, посылаетъ въ Грецію довѣренное лице (родійца Тимократа) съ 50 талантами, поручивъ ему подкупить въ главныхъ греческихъ городахъ лицъ пользовавшихся наибольшимъ вліяніемъ на народъ³⁾, съ тѣмъ чтобы они вооружили своихъ согражданъ противъ Спартанцевъ. — Порученіе выполнено было съ успѣхомъ: Фиванцы, Коринфяне и Аргійцы составили грозный союзъ противъ Спарты; къ нимъ присоединились вскорѣ и Афиняне, въ надеждѣ снова пріобрѣсть потерянную игемонію. Союзники одерживаютъ побѣду при Аліартѣ и готовятся перенести войну въ самый Лакедэмонъ. Спартанцы, въ страхѣ, вызываютъ своего царя изъ Азіи. Съ горькимъ сожалѣніемъ принужденъ былъ Агесилай отказаться отъ плодовъ своихъ побѣдъ, отъ славныхъ плановъ и надеждъ, чтобы спѣшить на защиту угрожаемаго отечества. — «Тма (μύριοι) царскихъ стрѣлковъ изгоняютъ меня изъ Азіи!» воскликнулъ онъ съ горькою усмѣшкою, намѣкая на изобра-

¹⁾ Isocr. de pace § 97. — ср. Xen. Hell. VI, 3. 12. — Во время священной войны они прислали Фиванцамъ 300 тал. см. Diod. XVI. 40.

²⁾ Plat. Agesil. 10.

³⁾ Плутархъ (Agesil. 18.) говоритъ, что подкуплены были ораторы. ср. Xen. Hell. III. с. 5. § 1. 2; IV, с. 4. § 2. 3. — Вотъ имена ихъ: Авдронидъ, Исинія и Галксидоръ — въ Фивахъ, Тимолай и Полианъ — въ Коринѣ, Килонъ и его друзья — въ Аргѣ. см. Xen. Hell. III, 5. 1.

женіе «стрѣлокъ» (τοξότης) на персидскихъ монетахъ¹⁾. — Персія была спасена²⁾.

Никогда еще дѣйствія персидской политики не увеличивались болѣе полнымъ торжествомъ: греки возстали на гресовъ за Персовъ; — и, между тѣмъ какъ они губили свои силы въ междоусобной брани, Персы, оставаясь сами почти спокойными зрителями этой борьбы, пожали всѣ плоды ея въ известномъ анталькидиномъ договорѣ! Коронійская побѣда Агесилая мало поправила дѣла Спартанцевъ, потому что въ томъ же году (394) флотъ ихъ былъ совершенно уничтоженъ при Книдѣ; въ то же время Персы усиливаютъ ихъ вѣчныхъ соперниковъ Ассинянъ, помогая имъ возобновить стѣны разрушенныя Александромъ³⁾ и снова приобрѣсть игемонію надъ ое. Лесвомъ (Λέσβος), Коемъ (Κῶς), Хиомъ (Χίος), городами Византіею, Ефесомъ, Ериерами и многими другими⁴⁾.

Такъ какъ главными виновниками всѣхъ этихъ событій были Персы, то къ нимъ и обратились Спартанцы, чтобы избавиться отъ грозившей имъ гибели. Отправленный ими въ М. Азію навархъ Анталкида, явившись къ военачальнику персидскихъ войскъ Таривазу, объявилъ ему, что «онъ, отъ имени своего правительства, пришелъ просить мира на тѣхъ условіяхъ, какихъ самъ Царь домогался (εἰρήνης . . ταύτης διαπραξαμένης ἐπεθύμει), — именно что Спартанцы соглашаются не оспаривать у него господства надъ малоазійскими греками и признать взаимную другъ отъ друга независимость (αὐτονομίαν) всѣхъ греческихъ острововъ и прочихъ (т. е. кромѣ малоазійскихъ) городовъ твердой земли»⁵⁾. Эти условія были

¹⁾ Plut. Agesil. 15. Эти монеты (золотыя) назывались «дариками» (δариχοί) по имени Дарія Истаспа, который первый сталъ ихъ чеканить; на нихъ изображенъ былъ воинъ съ лукомъ и стрѣлами — любимое оружіе Персовъ; дарикъ рѣнялся 20 греческимъ драхмамъ (ок. 4 р. с.)

²⁾ Xen. Hell. III, 3. § 1—3; IV, 1 § 41; 4. § 1; 2. § 1—3, 41 и сл.; 3. § 19—21. Diod. XIV 80; XV 31. — Isocr. Phil. § 86 и сл. — Dem. de class. § 5. — «Если бы Спартанцы не вызвали Агесилая изъ Персін, то онъ привелъ бы ее на край гибели», замѣчаетъ Діодоръ (XV, 31).

³⁾ Въ 404 г. по взятіи Ассія.

⁴⁾ Diod. XIV 83—85. Xen. Hell. IV, 8. § 8—10. 27. — Plut. Agesil. 23.

⁵⁾ Xen. Hell. IV, 8. § 12—14.

приняты немедленно; при заключеніи мира Артаксерксъ II прибавилъ къ нимъ, отъ себя, еще слѣдующее: «еслибы кто не захотѣлъ покориться условіямъ этого договора, то я, царь персидскій, въ союзѣ съ принявшими ихъ, пойду на тѣхъ войною сухимъ путемъ и моремъ, моими кораблями и сокровищами¹⁾»).

Этотъ трактатъ явно направленъ былъ противъ Оиванцевъ, господствовавшихъ надъ вѣотійскими городами, Аргійцевъ, не задолго передъ тѣмъ овладѣвшихъ г. Коринѳомъ и Аѳинянь, которые снова было приобрѣли (при содѣйствіи самихъ Персовъ) игемонію надъ многими приморскими городами, — но никто изъ нихъ не отважился вступить въ борьбу съ Спартанцами и Персами, чтобы отстоять свои владѣнія; и всѣ Греки, волею неволею, приняли мирныя условія, предписанныя имъ Артаксерксомъ²⁾).

Анталкидинъ договоръ былъ вѣнцемъ искусной и дальновидной политики Персовъ: онъ предалъ ихъ власти малоазійскихъ грековъ, обезсилитъ самую Грецію, раздробитъ ее на множество независимыхъ городовъ-государствъ и, въ то же время, далъ имъ право вооруженною рукою вмѣшиваться въ дѣла Греціи и постоянно поддерживать ее въ этомъ состояніи разъединенія и безсилія³⁾).

Спартанцы заключили анталкидинъ миръ вынужденные къ тому крайностью, — чтобы прекратить неравную для себя борьбу и ослабить своихъ противниковъ Аѳинянь, Аргійцевъ, Оиванцевъ; но уничтожая ихъ могущество, они вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожали и свое собственное: они не только лишились игемоніи надъ Пелопоннисомъ, но, исполняя въ строгости условія договора, должны были бы отказаться также отъ господства надъ Мессинією, даже надъ лаконійскими городами; — на послѣднее они никакъ не могли согласиться, — болѣе, не хотѣли отказаться и отъ своей игемоніи! Хотя въ первое время

¹⁾ Xen. Hell. IV, 8. § 15. 16; ср. V с. 1. § 31. — Diod. XIV. 10. Анталкидинъ договоръ заключенъ былъ въ 387 г.

²⁾ Xen. Hell. IV, 8 15; V, 1. § 32—35. — Diod. XIV, 110. Plut. Ages. 23.

³⁾ ср. Xen. Hell. VI, 3. 12.

они и принуждены были возвратить независимость Пелопоннису, но потомъ, при помощи преданной имъ партіи, снова стали утверждать свою власть сначала въ слабыхъ городахъ, а тамъ и въ болѣе сильныхъ; такъ что не прошло и двухъ лѣтъ со времени заключенія анталкидина договора, какъ онъ уже былъ нарушенъ самими Спартанцами ¹⁾. Ихъ царь Агесилай, хитрый и честолюбивый, задумалъ доставить своему отечеству игемонію надъ всею Греціею при помощи этого самого договора, прямо направленнаго противъ подобнаго господства! Его средство было просто, но вѣрно: Спартанцамъ стоило только заставлять прочихъ подчиняться условіямъ трактата, не выполняя ихъ самимъ ²⁾. Такимъ образомъ они разрушили могущественную Мантинію въ Аркадіи, уничтожили игемоническій союзъ на халкидскомъ полуостровѣ, овладѣвъ, послѣ упорной войны, его главнымъ городомъ Олинѳомъ; измѣною заняли кр. Кадмію и подчинили себѣ Фиванцевъ; сдѣлали даже попытку, хотя и безуспѣшную, завладѣть Пирѣемъ, чтобы точно такъ же подчинить себѣ и Аѳинянъ ³⁾.

Подобныя насильственные дѣйствія произвели всеобщую реакцію. Сначала возстали Фиванцы и прочіе віотійцы, заключивъ между собою тѣсный союзъ; потомъ Аѳиняне, которые своею умѣренностью и справедливостью пріобрѣли снова расположеніе грековъ и вскорѣ стали въ главѣ союза семидесяти городовъ. Спартанцы, съ своей стороны, дали болѣе правильное устройство своему союзу и, оставя прежнюю строгость и суровость, старались привязать къ себѣ симмаховъ ласкою и снисходительностью. Жестокая междоусобная война, извѣстная подъ именемъ «фиванской» (378 — 362 г.), взволновала всю Грецію ⁴⁾.

Артаксерксъ II съ опасеніемъ слѣдилъ за образованіемъ въ Греціи новыхъ игемоническихъ союзовъ, нѣсколько разъ

¹⁾ Diod. XV. 3.

²⁾ Diod. XV, 19. — ср. Xen. Hell. V. 4. 1; VI, 3. 7—9.

³⁾ Diod. XV, 5. 12. 20 — 23. 29. — Xen. Hell. V, с. 2. 3; с. 4. § 20 — 24. — Plat. Ages 24.

⁴⁾ Diod. XV, 25. 27—31. Xen. Hell. V. с. 4. § 2 и сл.

оправдывалъ онъ посольства, напоминая Грекамъ объ анталькидическихъ трактатѣ и убѣждая ихъ помѣриться на условіяхъ этого договора. Слова царя персидскаго имѣли для Грековъ такой вѣсъ, что всѣ соглашались на его предложенія, кромѣ Фиванцевъ, которые никакъ не хотѣли отказаться отъ господства надъ віотійскими городами. Воодушевленные славой своихъ побѣдъ надъ непобѣдимыми дотолѣ Спартакцами, и возбуждаемые Епаминондомъ, они стремились даже къ игемоніи надъ всею Греціею ¹⁾).

Послѣ левктрійской битвы и восстановленія независимости Мессиніи, когда Спарта стояла на краю гибели, а могущество Фиванцевъ, напротивъ того, приняло грозный видъ, Артаксерксъ, чрезъ своего посла Филиска, снова убѣждаетъ Грековъ заключить общій миръ на прежнихъ условіяхъ; и когда опять всѣ согласились, кромѣ Фиванцевъ, Филискъ, возвращаясь въ Персію, оставилъ Спартакцамъ 2,000 наемниковъ, взятыхъ имъ съ собою изъ Азіи ²⁾). Здѣсь политика персидская помогаетъ Спартакцамъ, которые не за долго передъ тѣмъ хотѣли разрушить персидскую имперію, и, два года спустя послѣ анталькидина мира, вступили уже въ сношенія съ мятежными сатрапами ³⁾; — точно такъ же какъ единственное исключеніе изъ условій этого мира она сдѣлала въ пользу той республики, которая, бывъ обязана Персамъ восстановленіемъ своего могущества, заплатила имъ за это неблагодарностью, — мы разумѣемъ Аѣны, которымъ Артаксерксъ позволилъ удерживать въ своей власти острова Скиръ, Имврѣ и Лимнѣ, чтобы оставить въ Греціи хотя одно государство, которое въ состояніи было бы противодѣйствовать Спартѣ ⁴⁾). Когда же со смертію Епаминонда пало и могущество Фивъ, а дѣла Спарты опять поправились, — тотъ же политическій расчетъ, требовавшій держать въ равновѣсіи главныя греческія республики и не позволять ни одной изъ нихъ возвыситься на счетъ дру-

¹⁾ Diod. XV, 38. 50. 70. 76. 78. 79.

²⁾ Diod. XV, 70.

³⁾ Diod. XV, 9.

⁴⁾ Diod. XIV, 99. — Xen. Hell. IV, 8. 30; V, 4. 31.

рихъ, заставилъ Артаксеркса настоять на томъ, чтобы Мессенія, эта лучшая часть спартанскихъ владѣній, сохранила свою независимость, приобретенную ею во время оиванской войны ¹⁾. А когда, немного спустя, Аѳиняне вовлечены были въ войну съ своими «союзниками» (συνάμματοι), Персы естественно приняли сторону послѣднихъ, и много способствовали паденію ижемоніи Аѳинъ и восстановленію независимости ихъ симмаховъ ²⁾.

Съ той минуты какъ Персы опутали Грецію сѣтями своей политики, вліяніе ихъ на эту страну возрастало съ каждымъ годомъ и достигло наконецъ размѣровъ близкихъ къ господству. Мы видѣли, какъ Артаксерксъ прекращалъ междоусобныя войны Грековъ и предписывалъ имъ мирныя условія. Въ воображеніи Грековъ Персидская имперія представлялась грознымъ колоссомъ, съ которымъ всякая борьба казалась невозможною ³⁾. Навлечь на себя гнѣвъ повелителя Персіи считалось столь опаснымъ, что Греки соглашались на всѣ пожертвованія въ угоду Царю. По его слову мирились и воевали, отказывались отъ своихъ приобретений или слали ему отборное вспомогательное войско и своихъ лучшихъ вождей для усмиренія возстанія въ его собственныхъ владѣніяхъ ⁴⁾. Слѣдующій случай, между прочимъ, показываетъ, до какой степени Греки боялись войны съ царемъ персидскимъ. Во время союзнической войны (358 — 356 г.) аѳинскій полководецъ Харитъ, нуждаясь въ деньгахъ для уплаты жалованья войску, предложилъ свои услуги, за извѣстную сумму, мятежному сатрапу Артавасу; — Аѳиняне сначала одобрили этотъ поступокъ; но когда царь персидскій изъявилъ имъ свое неудовольствіе, и вслѣдъ за тѣмъ разнесся слухъ, что онъ обѣщалъ прислать ихъ врагамъ 300 военныхъ кораблей, — то они,

¹⁾ Diod. XV, 89: 90. Xen. Hell. VI, 3. 12.

²⁾ Diod. XVI, 7. 21. 22.

³⁾ Isocr. Phil. § 139: «πολλοὶ τῶν Ἑλλήνων τῇ βασιλείῳ δυνάμει ἄμαχον νομίζουσιν». — Ср. Dem. Rhod. § 24.

⁴⁾ Diod. XV, 29. — Isocr. Panegyг. § 134. 135. Diod. XVI, 44.

въ страхѣ, поспѣшили заключить миръ съ своими «симмахами», оставя всѣ притязанія на ихъ независимость ¹⁾).

Современный ораторъ аѳинскій Исократъ очень живо представляетъ то состояніе униженія, въ какое низошла Греція въ отношеніе къ Персіи. «Послѣ нашего пораженія въ Еллис-понтѣ ²⁾, когда игемонія перешла въ руки другихъ ³⁾, варвары ⁴⁾ и на морѣ стали господствовать, и многіе острова подчинили своей власти, и весь Пелопоннись опустошили, опыляя его на корабляхъ ⁵⁾. Сравните мирные договоры, которые мы ⁶⁾ заключали и тѣ (т. е. анталкидинъ договоръ), которые теперь совершаются. Мы положили предѣлы господству Царя, — теперь онъ управляетъ Греціею; въ собственныхъ нашихъ городахъ мы только его намѣстники. Что еще намъ осталось? Развѣ не онъ властенъ въ мирѣ или войнѣ и во всѣхъ нашихъ дѣлахъ? Развѣ не къ нему отправляемся мы, какъ къ своему господину, съ обвиненіями другъ на друга? Развѣ не его, словно плѣнники какіе, называемъ мы великимъ Царемъ? Въ нашихъ междоусобныхъ войнахъ развѣ не на него полагаемъ всю надежду на спасеніе, — на того, который, еслибы могъ, охотно уничтожилъ бы всѣхъ насъ ⁷⁾?...»

Положимъ, что Исократъ, рисуя эту печальную картину униженія Греціи, увлекся нѣсколько своею ненавистью къ Персамъ ⁸⁾, желаніемъ внушить ее своимъ соотечественникамъ и наконецъ, болѣе или менѣе свойственнымъ почти каждому оратору, преувеличеніемъ, — но въ сущности нельзя отвергать его свидѣтельства; тѣмъ болѣе, что оно подтверждается, хотя въ выраженіяхъ не столь рѣзкихъ, другимъ совре-

¹⁾ Diод. XVI, 22.

²⁾ Эгпотапская битва 405 г.

³⁾ Т. е. Спартанцевъ.

⁴⁾ Т. е. Персы.

⁵⁾ Исократъ разумѣетъ здѣсь, вѣроятно, экспедицію Фарнабаса и Конова къ берегамъ Пелопонниса (393 г.), во время войны Персовъ съ Спартанцами. См. Хеп. Hell. IV, 8, 7. 8.

⁶⁾ Разумѣетъ, безъ сомнѣнія, кимоновъ миръ.

⁷⁾ Isocrat. Panegyr. § 119—121. — Ср. § 137.

⁸⁾ См. его рѣчи: «Панагирикъ» и «къ Филиппу», особ. Філіп. § 136.

меннымъ ораторомъ, и притомъ политическимъ противникомъ Исократу, Демосфеномъ. — Разнесся слухъ, что Артаксерксъ III намѣревается объявить войну всей Греціи (ок. 354 г.). Афиняне хотѣли было предупредить его; но Демосфенъ старается отклонить ихъ отъ этого намѣренія: «Хотя я считаю царя персидскаго общимъ врагомъ Грековъ», говоритъ онъ, «но не совѣтую вамъ однимъ предпринимать войну противъ него, потому что Греки между собою не ладятъ, и нѣкоторые *болѣе доверяютъ Царю, нежели инымъ изъ своихъ соотечественниковъ...* Еслибы дѣйствительно Царь имѣлъ намѣреніе объявить войну Греціи, то Греки нашли бы себѣ союзниковъ въ тѣхъ изъ его подданныхъ, которые имѣютъ причину быть недовольны имъ. Но если мы первые начнемъ войну, то я боюсь, что намъ прійдется сражаться съ тѣми самыми, для защиты коихъ мы бы вооружились, и которые между тѣмъ *соединились бы съ Царемъ. Ибо, скрывая свои намѣренія, онъ предложитъ нѣкоторымъ (изъ Грековъ) деньги и дружбу;—эти, желая вознаградить себя за свои прежнія частныя потери, пожертвуютъ общимъ благомъ Греціи...* ¹⁾». Впрочемъ, когда Греки въ согласіи, не должно бояться Персовъ: правда, у Персовъ болѣе средствъ вести постоянную войну, но въ отдѣльномъ сраженіи мы всегда останемся побѣдителями, потому что у насъ болѣе добрыхъ воиновъ (*ἀνδρῶν ἀγαθῶν*), нежели у нихъ... Только внутреннія междоусобія обезсиливаютъ Грецію и передаютъ ее въ руки царя персидскаго, заставляя нѣкоторыхъ изъ насъ искать его дружбы ²⁾».

Изъ словъ Демосфена ясно видно, въ чѣмъ собственно заключалось господство царя персидскаго, возбуждавшее негодованіе Исократу: не оружіемъ приобрѣлъ онъ его, — его арміи не могли быть страшны для соединенной Греціи ³⁾, — но золотомъ и хитрою политикою!

¹⁾ Dem. de classib. § 3 и сл.

²⁾ Ib. § 8. 9. 35 и сл.; — ср. de Rhod. liber. § 23. — Isocr. Paneg. § 138—149. 163. 174; Philip. § 124. 125.

³⁾ Если громадность персидскихъ армій и внушала нѣкоторымъ какой-то суевѣрный страхъ (см. Isocr. Philip. § 139), то безъ сомнѣнія потому, что Греки

Таинным образомъ, когда Филиппъ вступалъ на престолъ македонскій, Греки не чуждались болѣе Персовъ, — напротивъ, дружились съ ними и, думая употреблять «варваровъ» въ свою пользу, сами служили только слѣпымъ орудіемъ ихъ политики.

Явное намѣреніе Филиппа (какъ увидимъ ниже), по утвержденіи своего господства въ Греціи, предпринять завоеваніе Персіи возбудило весьма основательныя опасенія въ персидскомъ правительствѣ. Оно не могло забыть кунакской битвы (401 г.), гдѣ горсть грековъ разсѣяла сотни тысячъ персовъ¹⁾, и недавней, столь же неудачной, войны съ Агесилаемъ. Еще менѣе могло ожидать оно успѣха въ борьбѣ съ могущественнымъ царемъ македонскимъ, который притомъ располагалъ бы силами всей Греціи. Всякое внѣшнее нападеніе, даже и не столь сильнаго врага, какъ Филиппъ, страшно было для Персидской имперіи особенно потому, что неминуемо влекло за собою возстаніе всѣхъ недовольныхъ сатраповъ и тѣхъ изъ покоренныхъ народовъ, которые тяготились персидскимъ игомъ²⁾. На ихъ содѣйствіе, дѣйствительное или страдательное, рассчитывали, и не напрасно, всѣ предпринимавшіе завоеваніе Персіи, и Агесилай³⁾ и Филиппъ и Александръ⁴⁾.

Филиппъ, всегда осторожный и предусмотрительный, замышляя покореніе Персіи, заранѣе уже имѣлъ тамъ тайныхъ агентовъ⁵⁾ и давалъ убѣжище, при своемъ дворѣ, персидскимъ

давно не имѣли случая помѣриться съ ними въ полѣ. Самъ Исократъ съ презрѣніемъ отзывался о персидскомъ войскѣ (см. Paneg. 138—149. 168. 174; Phil. 128). Гораздо опаснѣе были для Грековъ наемники, служившіе въ царскомъ войскѣ, т. е. ихъ же соотечественники, которыхъ золото персидское привлекало толпами. Но Димосеенъ весьма основательно замѣчаетъ, что въ случаѣ войны Царя со всею Греціею, едва ли кто изъ Грековъ пошелъ бы къ нему служить и подаялъ, такимъ образомъ, оружіе противъ своего отечества, — другое дѣло, если Царь воевалъ только съ Афинянами, Спартанцами или Фивянами. Dem. de classib. 31. 32. — Ср. Isocr. Panegy. 168.

¹⁾ Plut. Artax. 7—9.

²⁾ Isocr. Phil. § 139.

³⁾ Xen. Hell. IV, 1, 41.

⁴⁾ Arrian. Alex. exp. I, 23; II, 4. 13. 15; III, 16.

⁵⁾ См. Dem. Philip. IV, § 32. — Ср. Diod. XVI, 52, и Oeuv. compl. de Demosth. trad. p. Stievenart. cr. 124, прим. 7.

матежникамъ¹⁾; но онъ не смѣлъ и думать о походѣ въ Персію, не утвердившись прежде въ Греціи, чтобы не оставить у себя въ тылу опаснаго врага и выѣсть обезпечить успѣхъ предпріятія, усиливъ себя боевыми греческими войсками.

Такимъ образомъ, самый простой политическій расчетъ со стороны Персовъ требовалъ постоянно занимать Филиппа въ Греціи, поддерживая его старыхъ враговъ или возбуждая противъ него новыхъ, и не давая ему возможности предпринять походъ въ Азію; средство употребленное для этого было то же какъ и всегда — золото²⁾.

Персидское правительство старалось дѣйствовать преимущественно на главныя греческія республики — Аѣины, Спарту, Оивы, подкупая извѣстѣйшихъ и наиболѣ любимыхъ народомъ ораторовъ, чтобы они возбуждали своихъ соотечественниковъ противъ Филиппа.

Между всѣми республиками Греціи самою сильною въ то время все еще были Аѣины, — на нихъ прежде всего обратило вниманіе персидское правительство, стараясь вооружать ихъ противъ царя македонскаго при помощи ораторовъ, между которыми выше всѣхъ стоялъ въ довѣріи народномъ Димосеенъ. — Извѣстно какимъ могущественнымъ вліяніемъ пользовались въ древней Греціи ораторы, и какъ легко было имъ увлечь своихъ согражданъ въ какое нибудь предпріятіе. «Считая Димосеена самымъ способнымъ занять Филиппа въ Греціи и тѣмъ воспрепятствовать ему предпринять походъ въ Персію, Артаксерксъ приказалъ приморскимъ сатрапамъ не щадить для него денегъ»³⁾.

¹⁾ Diod. XVI, 22—32.

²⁾ Cp. Dem. Phil. IV. 31; ad Phil. epist. § 6.

³⁾ Plut. Demosth. 20; cp. ib. 12. — Philostrat. vitae sophist. Aeschines. cr. 507. (Lips. 1709. ed. Olearius): «βασιλέως μὲν ἀσχολοῦντος δι' Ἀθηναίων Φίλιππον, τὸ μὴ ἐπὶ τὴν Αἰόαν ἐλάσαι.» — Diod. XVII. 4.

Можетъ показаться страннымъ, невѣроятнымъ, чтобы Димосеенъ, котораго мы привыкли представлять себѣ идеаломъ великаго нравственнаго характера, могъ быть подкупленъ, подобно другимъ! Къ сожалѣнію, свидѣтельства древнихъ объ этомъ предметѣ слишкомъ ясны и положительны, и надобно удивляться, что на нихъ не обращено было должнаго вниманія. Мы можемъ объяснить себѣ это только тѣмъ, что, видя въ Димосеенѣ поборника свободы Греціи, стра-

Димосеенъ вполне оправдалъ надежды персидскаго царя. Постоянно возбуждая Афинянъ противъ Филиппа, онъ въ то же время отклоняетъ ихъ отъ войны съ Персами¹⁾, убѣждая ихъ, напротивъ того, «заклѣчить съ ними союзъ противъ ихъ общаго врага (т. е. Филиппа)»²⁾; извѣщаетъ сатраповъ о всѣхъ козняхъ и замыслахъ Филиппа противъ Персїи³⁾ и указываетъ имъ на благопрїятную минуту объявить Македонїи войну⁴⁾.

ны имѣющей столько правъ на нашу симпатїю, уже по этому самому были предубѣждены въ его пользу, и, павнясь возвышенными чувствами его рѣчей, выраженными притомъ столь краснорѣчиво, мы охотно вѣрили, что подобныя чувства управляли всѣми его дѣйствїями (ср. Flathe Gesch. Maced. I, 166), и потому все что могло запятнать память «великаго оратора» мы отвергали, какъ клевету его враговъ. Словомъ, мы судили о Димосеенѣ по рѣчамъ Димосеена. Но долгъ безпристрастнаго историка — равно выслушивать и мнѣнія противныя, хотя бы они противорѣчили его задушевнымъ убѣжденїямъ.

Предѣлы нашего разсужденїя не позволяютъ намъ распространиться объ этомъ предметѣ, и потому ограничимся только указанїемъ на нѣкоторыя важнѣйшія и достовѣрнѣйшія свидѣтельства древнихъ.

Знаменитый Плутархъ, почитатель великихъ мужей Греціи и Рима, но повѣствователь безпристрастный ихъ дѣяній, такъ отзывается о Димосеенѣ, повторяя слова одного изъ его друзей, Димитрія Фалирейскаго, — свидѣтельство вѣрой въ непреложное въ этомъ случаѣ: «Не отличаясь мужествомъ въ бояхъ (намекъ на его поведеніе въ херонейской битвѣ), Димосеенъ не можетъ похвалиться вполнѣ и своимъ безкорыстіемъ: отвергая дары Филиппа, онъ не устоялъ передъ золотымъ дождемъ, лившемся на него изъ Верхней Азіи, — изъ Сусъ и Екватанъ, — болѣе способный, по видимому, прославлять доблести предковъ, нежели подражать имъ.» — Plut. Demosth. 14.

Тотъ же Плутархъ, сказавъ, что «Артасерксъ повелѣлъ приморскимъ сатрапамъ подкупить Димосеена, какъ человѣка наиболѣе способнаго занять Филиппа въ Греціи», приводитъ тому и доказательство, такъ сказать, осязательное: «въ послѣдствїи», говоритъ онъ далѣе, «Александръ В. напелъ въ г. Сардахъ переписку Димосеена съ царскими полководцами и въ ней счетъ полученныхъ имъ денегъ». Plut. Dem. 20. — См. также Plut. Dem. 12. 25. — Diod. XVII. 4. 108. — Philostr. vit. soph. p. 507. — Vitae X orat. Demosth. § 62. — Aesch. c. Ctesiph. особ. ст. 633.

Мы увидимъ ниже, что, независимо отъ вліянія персидскаго золота, другая еще, весьма важная, политическая причина вооружала Димосеена и его единомышленниковъ противъ Македонїи.

¹⁾ Dem. de class. § 3 и сл.

²⁾ Dem. Phil. III, 74; Phil. IV, 31—33; ad Philip. epistol. § 6. — Literae Philippi § 6. 7.

³⁾ Dem. Phil. IV, 32.

⁴⁾ Когда умеръ Филиппъ (336 г.), Димосеенъ писалъ въ Азію полководцамъ Дарїа, чтобы они объявили войну Александру, называя его *молокососомъ* (παιδα καὶ μαρυγίνην). Plut. Dem. 23.

Вооружая Афинянъ противъ Филиппа, при помощи ораторовъ, персидскій царь давалъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и средства вести войну, о чемъ просили его и сами Афиняне и, повидимому, довольно часто, такъ что Дарій Кодоманъ, выведенный наконецъ изъ терпѣнія (это было уже послѣ смерти Филиппа) отвѣчалъ имъ: «не дамъ вамъ больше денегъ, и не просите, потому что не получите!» Но когда Александръ В. высадился въ Азію, прислалъ имъ однакоже 300 талантовъ, которые впрочемъ уже не были приняты¹⁾.

Въ одномъ даже случаѣ царь персидскій²⁾ рѣшился открыто выступить противъ Филиппа, — именно когда тотъ, распространяя свои завоеванія въ приморской Фракіи, осадилъ союзный Афинянамъ г. Перинѣъ (въ 341 г.) и приблизился такимъ образомъ къ его собственнымъ владѣніямъ. Приморскіе сатрапы получили приказаніе немедленно подать помощь Перинѣу съѣстными припасами, деньгами и даже войскомъ и, во что бы то ни стало, воспрепятствовать Филиппу овладѣть имъ³⁾, — въ чемъ они и успѣли при содѣйствіи Афинянъ⁴⁾.

Послѣ херонэйской битвы (338 г.), утвердившей окончательно господство Филиппа въ Греціи и послѣдовавшей затѣмъ смерти этого монарха (336 г.), Афиняне, возбуждаемые Димосееномъ, хотя и не оставались въ бездѣйствіи, но не рѣшались сами взяться за оружіе, выжидая, какой оборотъ приметъ вновь возгоравшаяся въ Греціи война. Фиванцы и Спартанцы, подъ вліяніемъ персидской политики, въ свою очередь выступили теперь противъ преемника Филиппова Александра⁵⁾. Быстрое появленіе Александра въ Греціи съ многочисленною ар-

¹⁾ Aesch. c. Ctes. 632. 633. Cp. Dem. ad Philip. epist. § 6; Phil. IV, § 31. — Дарій отказалъ Афинянамъ въ деньгахъ быть можетъ еще и потому, что Филиппа тогда уже не было въ живыхъ, а его молодой наслѣдникъ казался ему не опаснымъ сначала.

²⁾ Артаксерксъ III Охъ.

³⁾ Diod. XVI. 78.

⁴⁾ Ib. 77. — Dem. ad Phil. epist. § 5.

⁵⁾ Diod. XVII, 3. 8. 9. — «Кто хочетъ соединиться съ нами и великими Царями (т. е. персидскимъ, см. стр. 80. н. с.), чтобы освободить Грецію отъ тирана (Александра В.), пусть идетъ къ намъ!» кричали съ городскихъ стѣнъ фиванцы александровой арміи, готовой идти на приступъ. См. Diod. XVII, 9.

мю и жестокое наказание Оливанковъ устранило его противни-
ковъ и заставило ихъ смириться ¹⁾.

Когда же, вслѣдъ за тѣмъ, Александръ высадился въ М.
Азію, съ явнымъ намѣреніемъ завоевать Персію, Дарій отпра-
вилъ своего полководца Мемнона съ флотомъ и большою сум-
мою денегъ въ Эгейское море, чтобы склонить Грековъ на
свою сторону и перенести войну изъ Азии въ Европу. Мем-
нонъ дѣйствовалъ очень успѣшно: въ короткое время онъ
привлекъ на свою сторону острова Лесвъ (Λέσβος), Хіо (Χίος),
большую часть Кикладовъ; многіе греки твердой земли, осо-
бенно Спартанцы, тоже приступили къ союзу съ Персами;
въ надеждѣ освободиться отъ ига македонскаго, — не вне-
запная смерть Мемнона разрушила его предпріятіе въ самомъ
началѣ ²⁾.

Въ послѣдствіи однакоже Спартанцы дѣйствовали противъ
Македонянъ какъ союзники наряду персидскаго. Ихъ царь Агидъ
(Αγίς-δος), собравъ остатки греческихъ наемниковъ (числомъ
8.000 ч.), бывшихъ у Дарія въ сраженіи при Иссъ, и вспомо-
моществуемый персидскимъ золотомъ и флотомъ, отправился
въ о. Криту, овладѣлъ здѣсь многими городами и принудилъ
ихъ принять сторону Персовъ ³⁾.

Когда распространилась молва объ арбельской битвѣ, мно-
гіе греки, въ томъ убѣжденіи, что свобода ихъ отечества не-
разрывно связана была съ существованіемъ Персидской мо-
нархіи, снова вооружились, чтобы раздѣлить силы Александра
и дать Персамъ оправиться послѣ пораженія. Они надѣялись,
что Дарій пришлетъ имъ денегъ, которыя дадутъ имъ сред-
ство набрать армію наемниковъ. Такимъ образомъ возстала
большая часть Пелопоннуса и въ главѣ его Спарта; многіе го-
рода Еллады тоже присоединились къ нимъ ⁴⁾.

¹⁾ Diod. XVII. 9. 14.

²⁾ Diod. XVII. 29. — Arrian. II, 1. — Еслибы Мемнонъ прошивъ долѣе, и
болѣе слушался его совѣтовъ, то, какъ знать, быть можетъ походъ Александра
въ Персію имѣлъ бы другой исходъ! — Ср. Arrian. II. 17. — Diod. XVII. 29.
31. — Plat. Alex. 18.

³⁾ Diod. XVII. 48. — Arrian. III, 6; II, 17.

⁴⁾ Diod. XVII. 62. — Ассирия не приняла участія въ этомъ возстаніи

Это возстаніе было усмирено правителемъ Македоніи Антипатромъ¹⁾. Вскорѣ послѣ того погибъ самъ Дарій, — съ нимъ пала и Персидская имперія.

Мы видѣли какъ, подѣ влияніемъ персидскаго золота, Аѳины, Фивы, Спарта попеременно вооружались противъ Македоніи и дѣйствительно *занимали* Филиппа въ теченіе всего его царствованія и не мало беспокоили его преемника. Если политика Персовъ не увѣнчалась въ этомъ случаѣ полнымъ успѣхомъ, если они не могли воспрепятствовать утвержденію въ Греціи македонскаго владычества и тѣмъ спасти отъ завоеванія свою собственную страну, — то только потому, что между самими Греками, какъ увидимъ ниже, цари македонскіе нашли себѣ сильную партію, весьма ревностно содѣйствовавшую ихъ видамъ на Грецію.

и вообще оставались спокойными во все время войны Александра В. съ Персами, — дорога ихъ пріязню, Александръ умѣлъ приобрести ее, искусно льстя ихъ самолюбію. См. Diod. ib.

¹⁾ Diod. XVII. 62. 63.

ГЛАВА III.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ МАКЕДОНСКОЙ ПАРТИИ И СУЩНОСТЬ МАКЕДОНСКАГО ГОСПОДСТВА ВЪ ГРЕЦИИ.

Въ то время какъ Персія и ея старинная соперница Греція доживали, можно сказать, свой вѣкъ, на сѣверѣ послѣдней возникало новое могущественное государство, которому судьба готовила почти безпримѣрное, хотя и кратковременное, величіе. Это была Македонія. Съ 360 года престолъ ея занималъ государь умный, дѣятельный, предприимчивый, который извлекъ Македонію изъ ничтожества и поставилъ ее на первое мѣсто между современными государствами.

Явившись бѣглецомъ въ свое отечество, безъ войска, безъ денегъ, когда воинственные Иллирійцы только что нанесли страшное пораженіе Македонянамъ и готовились къ новому вторженію, когда сѣверные предѣлы государства опустошаемы были другимъ сосѣднимъ народомъ Пэонянами, между тѣмъ какъ два претендента, поддерживаемые, одинъ Оракійцами, другой Аѳинянами, готовились овладѣть престоломъ, Филиппъ, менѣе нежели въ три года, уничтожаетъ своихъ соперниковъ, покоряетъ Пэонянъ, отбрасываетъ Иллирійцевъ

за озеро Лихнитидское¹⁾, овладѣваетъ греческими городами Амфиполемъ и Потидею²⁾ съ значительною частью Халкидскаго полуострова; возобновляетъ разработку чрезвычайно богатыхъ кринидскихъ золотыхъ рудниковъ³⁾, оставшихся до толѣ въ пренебреженіи, и производитъ работы съ такою дѣятельностью, что добываетъ ежегодно болѣе 1,000 тал., — огромная сумма для того времени и новый источникъ могущества! И въ то же время онъ создавалъ новую тактику изобрѣтеніемъ того особеннаго построения войска, съ соответствующими ему вооруженіемъ и образомъ дѣйствія, которое такъ много способствовало побѣдамъ его сына Александра и его собственнымъ и стало знаменито подъ именемъ «македонской фаланги»⁴⁾.

Повелѣвая могущественнымъ государствомъ, счастливый во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ, Филиппъ задумалъ великое и славное дѣло — завоеваніе Персидской имперіи. Но прежде онъ хотѣлъ подчинить себѣ Грецію, — и успѣлъ въ томъ, столько же при помощи своего ума и оружія, сколько и содѣйствіемъ многочисленной и преданной ему партіи, которая мало по малу возникла во всѣхъ почти греческихъ городахъ.

Кто составлялъ эту партію, какъ она возникла и что побуждало ее содѣйствовать утвержденію въ Греціи македонскаго владычества, — вотъ вопросы, рѣшеніемъ коихъ мы займемся прежде всего.

Знаменитый противникъ Филиппа Димосеенъ, вездѣ въ своихъ рѣчахъ, называетъ приверженцевъ его предателями, измѣнниками, подкупленными македонскимъ золотомъ; не находитъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы заклеить этихъ людей, которые, по его словамъ, изъ презрѣнной корысти, предавали свое отечество Филиппу.

¹⁾ Λουγνίτις (-ίδος) λίμνη — оз. Охридское, въ Албаніи.

²⁾ Весьма важныя греческія колоніи въ Фракіи, нѣкогда симмахі аоніскіе.

³⁾ Въ Нангѣйскомъ хребтѣ, отдѣлявшемъ Македонію отъ Фракіи, около г. Кринидъ (Κρηνίδες), который Филиппъ называлъ, по своему имени, Филиппи (Φίλιπποι) см. Diod. XVI. 8. Boeckh I гл. 3 въ началѣ. — Названіе г. Кринидъ вѣроятно произошло отъ «крии» (κρήνη) — родникъ (отсюда слово «криница» у жителей южной Россіи — любопытный слѣдъ пребыванія въ этихъ мѣстахъ грековъ).

⁴⁾ Diod. XVI. 1—4. 8. 95.

Новѣйшіе историки ¹⁾, безусловно вѣра Димосеену, посто-
яютъ за нимъ его слова, говоря о такъ называемой «македон-
ской партіи» между тогдашними Греками.

Но дѣйствительно ли это такъ? Дѣйствительно ли тѣ, ко-
торые держали сторону Филиппа, были только предатели, под-
купленные его золотомъ? — Послушаемъ самого Димосеена.
Вотъ что онъ говоритъ о македонскихъ приверженцахъ въ
одной изъ своихъ рѣчей ²⁾:

«Страшная язва, афиняне, распространилась въ Греціи....
Люди самые почетные (γυναιώτατοι), тѣ, которыхъ сограж-
даде сочли достойными стоять въ главѣ правленія — несчаст-
ные! добровольно отказываясь отъ свободы, сами ищутъ себѣ
рабства, давая ему лстивыя названія гостеприимства (ξενίαν) ³⁾,
дружбы съ Филиппомъ! А прочіе граждане, и между ними пер-
выя власти въ городѣ (τὰ χυρί' ἄττα ποτ' ἐστὶν ἐν ἑκάστῃ τῶν
πόλεων), вмѣсто того, чтобы тотчасъ же казнить предателей,
превозносятъ ихъ, завидуютъ имъ и соревнуютъ другъ передъ
другомъ въ подражаніи имъ».

Такъ *Тессалійцы* недавно еще потеряли свое первенство
(ἡγεμονίαν) и всеобщее уваженіе, которымъ они пользовались,
а теперь и самую свободу, (потому что нѣкоторыя крѣпости
ихъ заняты македонскими гарнизонами).

«Проникнувъ въ Пелопоннись, эта язва вооружила другъ
противъ друга жителей *Имиды* (³Ἠλιδος). Несчастные, изъ-
за господства въ своемъ отечествѣ и желанія угодить Филип-
пу (ἐν ἀλλήλων ἄρχωσι καὶ Φιλίππῳ χαρίζονται), въ безуміи за-

¹⁾ Ср. Brückner-König Philipp etc. (ст. 113). — Wachsmuth Hellen. Alter-
thumskunde (I, ст. 228. 522.). — Barthélemy-Voy. d'Anachar. ch. XXIII. — Becker-
Demosth. als Staatsmann und Redner (ст. 23. 31. 62.). — Vatry-Recher. sur la vie et
les ouvrages d'Eschine, въ XIV т. Mém. de l'Acad. des Inscr. (ст. 88).

²⁾ Dem. de fals. legat. § 259—269.

³⁾ *Ксениию* (ξενία) назывался у Грековъ особенный родъ дружбы, связывав-
шей двѣ семьи изъ рода въ родъ, и поддерживаемой гостеприимствомъ, взаим-
ными подарками и услугами и освященной религиозными обрядами подъ покрови-
тельствомъ Зевса Ксенія (Ζεὺς ξένιος). Passow. Handw. d. Griech. Spr. с. ξένος. — Ср.
Thuc. VIII, 6 — объ Алкивиадѣ, котораго фамилія наизвѣстна была подобны-
ми узлами дружбы съ фамиліею спартанскаго воора Екклія.

Эта ξενία соотвѣтствовала, въ нѣкоторомъ смыслѣ, нашему «братству»
(«братья по оружію» напримѣръ).

пятали себя кровью своих согражданъ и собственнѣхъ родственниковъ!»

«Но зараза не остановилась здѣсь; вторгнувшись въ Аркадію, она все поставила тамъ вверхъ дномъ (πάντ' ἄνω καὶ κάτω ταχέϊ πεποίηκε), и теперь Аркадіяне, которымъ, какъ первобытнымъ обитателямъ страны (αὐτόχθονες) ¹⁾, свобода должна бы быть дороже всего, прославляютъ Филиппа, ставятъ ему статуи, подносятъ вѣнки, наконецъ опредѣлили отворить предъ нимъ ворота своихъ городовъ, еслибы онъ пришелъ въ Пелопоннись».

«То же дѣлають и Аргіяне».

«Наконецъ эта язва, заразивъ окружныя государства, проникла и къ вамъ, Аѳиняне; остерегитесь же, пока еще есть время, и накажите первыхъ предателей; — смотрите, чтобы не познать вамъ справедливости моихъ словъ тогда, когда не будетъ уже средствъ остановить зло».

«Нуженъ ли вамъ разительный примѣръ, до чего доводятъ государство измѣна и предательство? — Посмотрите на несчастныхъ Олинейцевъ! Прежде, когда еще Олинеъ не былъ главою халкидскихъ городовъ и могъ выставить въ поле не болѣе 5.000 ч. войска, Лакедемоняне, всемогущіе тогда на сушѣ и на морѣ, напали на нихъ въ большихъ силахъ, но были отражены съ урономъ... Когда же Ласеенъ, Евфикратъ и другіе стали получать подарки изъ Македоніи, а народъ (οἱ πολλοί), въ какомъ-то несчастномъ ослѣпленіи, вмѣсто того чтобы накажать ихъ, удивлялся, завидовалъ имъ и считалъ ихъ вѣрнѣйшими слугами отечества, не слушая тѣхъ, которые обвиняли измѣнниковъ; тогда, хотя у нихъ было слишкомъ 10.000 человекъ способныхъ носить оружіе, хотя всѣ сосѣдніе города находились съ ними въ союзѣ, и вы тоже послали къ нимъ на помощь 14.000-ю армию и 50 трииръ, — ничто не могло спасти ихъ! Менѣе нежели въ годъ измѣна лишила ихъ всѣхъ халкидскихъ городовъ; Филиппъ не успѣвалъ принимать всѣхъ

¹⁾ «Автохеонами» называется онъ Аркадіяне, безъ сомнѣнія, въ томъ смыслѣ, что во время нашествія Ираклидовъ и Дорянъ на Пелопоннись (ок. 1100 г.) только они спаслись отъ завоевателей, защищенные своими горами.

предложеній предателей и затруднялся только въ выборѣ ихъ. Однажды (вещь неслыханная дотолѣ!) онъ захватилъ 500 всадниковъ со всѣмъ ихъ оружіемъ, выданныхъ ему ихъ собственными вождами! Но для измѣнниковъ нѣтъ ничего священнаго. . . . Вы, по крайней мѣрѣ, Аѳиняне, наученные примѣромъ, будьте благоразумиѣ и не оставляйте подобныхъ преступленій ненаказанными. Вы издали строжайшій декретъ противъ олімпійскихъ предателей, такъ вамъ ли щадить своихъ собственныхъ!»

Приведемъ еще нѣсколько мѣстъ изъ Димосѳена для пополненія предъидущаго.

Рѣчь «о вѣнкѣ» § 61: «Не говорю въ нѣкоторыхъ еллинскихъ республикахъ, но равно во всѣхъ, появилось теперь такое множество предателей, продажныхъ душъ, людей ненавистныхъ богамъ, какого никогда еще никто не запомнитъ. При помощи ихъ Филиппъ, обманомъ, подкупомъ и всякими средствами ¹⁾ привлекаая гражданъ на свою сторону, произвелъ между Греками, которые и безъ того не ладили, еще болѣе раздоръ.»

Тамъ же § 294. 295: «Не людямъ ли подобнымъ ему (Эсхину) должно приписать причину случившихся событій? Когда могущество Филиппа было еще ничтожно, они, изъ гнусныхъ своекорыстныхъ видовъ жертвовали благомъ отечества, подкупая и обманывая своихъ согражданъ, пока не сдѣлали ихъ рабами Филиппа» . . Далѣе слѣдуютъ имена приверженцевъ царя македонскаго въ Фессаліи, Аркадіи, Арголидѣ, Илідѣ, Мессиніи, Сикіонѣ, Коринѣ, Мегаридѣ, Фивахъ, Еввіи. «Но мнѣ не достало бы времени», заключаетъ Димосѳенъ, «перечислить имена всѣхъ предателей!»

Тамъ же § 297: «Всѣ государственные мужи (τῶν πολιτευόμενων) въ Греціи подкуплены были (διαφθαρέντων) сначала Филиппомъ, а потомъ Александромъ.»

Тамъ же § 45: «Города страдаютъ потому, что тѣ, которымъ поручено управленіе ихъ, продаютъ своихъ согражданъ.»

¹⁾ «Τοὺς μὲν ἑξαπατῶν, τοὺς δὲ δίδους, τοὺς δὲ πάντα τρόπον διαφθείρων.»

Изъ словъ Димосоена можно вывести слѣдующее:

1) Приверженцы Македоніи существовали вездѣ, во всѣхъ городахъ Греціи. 2) Они состояли, во-первыхъ, изъ лицъ самыхъ почетныхъ и могущественныхъ, первыхъ властей въ городѣ—собственно, такъ называемыхъ, «друзей Филиппа» (ξένοι), бывшихъ съ нимъ въ прямыхъ сношеніяхъ; и, во-вторыхъ, изъ класса людей, болѣе многочисленнаго, стоявшихъ на второмъ планѣ, коихъ первые, «обманомъ или подкупомъ», привлекали на сторону Филиппа, сами служа имъ предметомъ зависти и подражанія. 3) «Друзья Филиппа» получали отъ него деньги частью для себя, частью для увеличенія числа его приверженцевъ. — 4) Народъ не только не видѣлъ въ нихъ измѣнниковъ, но еще довѣрялъ имъ болѣе нежели другимъ; и наконецъ 5) Филиппъ привлекалъ на свою сторону гражданъ не только подкупомъ, но также «обманомъ и всякими средствами»; нѣкоторые же греки вооружились другъ противъ друга столько же изъ желанія угодить Филиппу, сколько и «изъ-за господства въ своемъ отечествѣ».

Первое что бросается здѣсь въ глаза это то, что македонскую партію составляли преимущественно лица самые значительныя и почетныя, т. е. люди наименѣе способные быть подкупленными. Во всякомъ случаѣ вѣроятно ли, чтобы *все* они были подкуплены Филиппомъ? Включимъ ли мы въ число ихъ и *Фокіона*, главу македонской партіи въ Аѣинахъ? И изъ словъ Димосоена видно, что не всегда они получали деньги для себя, но также и для *увеличенія своей партіи*, — значитъ сами имѣли въ виду иную цѣль, иное вознагражденіе. Во-вторыхъ, какъ бы ни были велики доходы Филиппа, но едва ли бы ихъ достало, при значительныхъ издержкахъ на его безпрерывныя войны, чтобы подкупить *подобныхъ лицъ во всѣхъ городахъ Греціи!* Самъ Димосоевъ говоритъ, что царь македонскій привлекалъ гражданъ на свою сторону не только деньгами, но также «обманомъ и всякими средствами». Далѣе, еслибы предательство и продажность этихъ людей были такъ явны, очевидны, какъ утверждаетъ ораторъ, неужели народъ оставилъ бы ихъ въ главѣ правленія и сохранилъ къ нимъ довѣріе? Въ обвините-

ляхъ этихъ такъ называемыхъ предателей недостатка не было, но всѣ подобныя обвиненія обрушались только на голову самихъ же обвинителей, которые были преслѣдуемы какъ злоумышленные клеветники¹⁾. Слѣдовательно, одно изъ двухъ: или эти обвиненія были неосновательны, или значительная часть гражданъ была за-одно съ «друзьями Филиппа», — тѣ, которые завидовали и старались подражать имъ. Кто это были? — Конечно, не все же подкупленные Филиппомъ, — нельзя подкупить половину народонаселенія. Димосеенъ упоминаетъ объ «обманѣ» и «всякихъ средствахъ» — не была ли это *политическая партія*, въ главѣ коей стояли такъ называемые «друзья Филиппа»?

Наконецъ мы видѣли, что въ Иллидѣ двѣ враждебныя партіи вступили между собою въ кровопролитную борьбу не изъ одного желанія угодить Филиппу, но также чтобы «утвердить собственное господство въ своемъ отечествѣ», уничтоживъ противную партію. Здѣсь уже весьма ясно намечается на какую-то *политическую партію*.

И такъ, если разобратъ внимательно свидѣтельство *самого Димосеена*, то и тутъ едва ли еще можно утверждать, чтобы золото было *единственнымъ* и *всеобщимъ* двигателемъ дѣйствій такъ называемой «македонской партіи». Безъ сомнѣнія были люди подобные Димаду и Филократу²⁾, которые получали подарки изъ Македоніи. Діодоръ, частью заимствуя изъ рѣчей Димосеена, и иногда даже повторяя его собственные выраженія³⁾, частью, повидимому, и изъ другихъ источниковъ, тоже говорить о подкупѣ и предательствѣ. Предатели, измѣнявшіе отечеству за деньги, были въ Греціи всегда (а судя по состоянію нравовъ⁴⁾ — могло ихъ быть въ то время даже болѣе чѣмъ прежде), но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы *вся македонская партія* состояла изъ подобныхъ людей? — Димосеенъ это

¹⁾ Dem. Phil. III, § 59—61.

²⁾ Plat. Phoc. 30: — Dem. A leg. § 119.

³⁾ Ср. Dem. coron. § 61 и Diod. XVI, 54 (Dem.: φορὰν προδοτῶν... τοσαύτην и Diod.: τοσαύτη φορὰ προδοτῶν).

⁴⁾ См. первую главу.

утверждаетъ, — но не должно забывать, что онъ былъ заклятый врагъ Филиппа и его приверженцевъ: сдѣлать своихъ противниковъ ненавистными въ глазахъ народа, выставивъ побудительною причиною всѣхъ ихъ поступковъ преступную корысть — было совершенно въ его видахъ; прибавимъ къ тому, что Димосеенъ былъ — *ораторъ*. Намъ кажется поэтому, что только съ крайнею осторожностью можно пользоваться его краснорѣчивыми, но очевидно пристрастными выходками противъ его политическихъ враговъ¹⁾.

Но что же влекло грековъ къ Филиппу? Какъ объяснить это всеобщее стремленіе къ нему извѣстнаго класса гражданъ — «самыхъ почетныхъ» въ каждомъ городѣ, по словамъ Димосеена? — Намъ кажется, что объясненіе этого, повидимому необъяснимаго, факта будетъ и просто и естественно, если мы, не увлекаясь очевидно пристрастнымъ языкомъ оратора, ни остроумными ипотезами, ограничимся тѣми данными, какія представляетъ намъ исторія Греціи.

Въ политическомъ быту древнихъ греческихъ республикъ.

¹⁾ Уже нѣкоторые писатели выразили сомнѣніе въ непреложности димосеенова свидѣтельства. Авторъ «Исторіи Македоніи» Луд. Флате, вообще ревностный почитатель Димосеена, замѣчаетъ однакоже, что онъ уже слишкомъ часто говоритъ объ измѣнѣ, ничего не приписывая уму и воинскимъ талантамъ Филиппа. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о знатныхъ ессалійскихъ семействахъ, призванныхъ къ себѣ Филиппа на помощь противъ ферейскихъ тиранновъ, г. Флате прибавляетъ, что «подобныхъ-то людей, быть можетъ, Димосеенъ называетъ предателями. Flathe-Gesch. Maced. I, стр. 166—169. 113. 134. 135).

Вестерманъ (de litib. quas Demosth. oravit ipse, стр. 30.) полагаетъ, что если Эсихій и многіе другіе были измѣнники, то эту измѣну скорѣе должно приписать имъ легкомыслію и смѣлѣ обстоятельствъ, нежели испорченной нравственности.

Авторъ извѣстнаго сочиненія «О преувеличеніяхъ въ исторіи Филиппа сына Аминты», *Вейске* (de hyperbole erratum in hist. Philippi etc. ст. 31 и сл.), замѣтитъ, что какъ древніе такъ и новѣйшіе писатели слишкомъ довѣрчиво принимаютъ ораторскія выходки Димосеена противъ «македонской партіи», раздѣляютъ приверженцевъ Филиппа на нѣсколько разрядовъ: «Одни изъ нихъ, впрочемъ очень немногіе», говоритъ онъ, «дѣйствительно были предатели, подкупленные македонскимъ царемъ; большая же часть увлечены были или личною привязанностью къ Филиппу, или ложно-понятымъ положеніемъ дѣлъ, или же дѣйствовали только въ видахъ своей партіи, ища въ Филиппѣ себѣ помощника; иные, наконецъ, и притомъ знаменитые граждане, оклеветаны были своими врагами».

не только въ пятомъ, но и въ четвертомъ столѣтіи до Р. Х. нельзя не замѣтить двухъ противоположныхъ и враждебныхъ началъ, хотя они часто и скрываются подъ различными названіями. Мы говоримъ о борьбѣ достаточнаго и болѣе или менѣе образованнаго класса гражданъ съ «толпою» (ὄχλος, δῆμος) или съ нисшимъ сословіемъ народнымъ, т. е. «меньшинства» или «немногихъ» (οἱ ὀλίγοι), какъ ихъ называютъ греки, съ «большинствомъ» (οἱ πολλοί или οἱ πλείονες). Борьба эта, бывшая одною изъ главныхъ причинъ паденія греческой независимости, въ пятомъ столѣтіи выразилась преимущественно въ войнѣ Спартанцевъ съ Аѳинянами, извѣстной подъ именемъ «пелопоннесской». Эта война была борьбою не столько между Аѳинянами и Спартакцами, сколько между вышеупомянутыми двумя противоположными началами ¹⁾. Аѳины и Спарта были только предводителями (игемонами) и опорами двухъ партій, которыя существовали въ Греціи повсюду. Каждое изъ этихъ двухъ государствъ старалось поддерживать своихъ приверженцевъ. «Спартакцы», говоритъ Діодоръ ²⁾, «помогали олигархамъ, Аѳиняне же димократамъ». Если мы видимъ, что города сухопутные вступали часто въ союзъ съ Спартою, а приморскіе съ Аѳинами, то это только потому, что Спарта была сильнѣе на сушѣ и слѣдовательно легче могла подать помощь своимъ единомышленникамъ на твердой землѣ, нежели на морѣ, гдѣ безъ раздѣла господствовали Аѳиняне, при помощи своего огромнаго и превосходно устроеннаго флота, который поддерживалъ ихъ приверженцевъ и вмѣстѣ игемонію повсюду, куда только могъ приставать.

¹⁾ Ср. Diod. XIII. 48: «Знатные керкиряне, ища олигархіи, держали сторону Спарты,—народъ же (ὁ δημοτικός ὄχλος) желалъ быть въ союзѣ съ Аѳинянами; потому что эти двѣ республики, споря за игемонію, держались противоположной политики: въ союзныхъ имъ городахъ Лакедэмоняне ставили въ главѣ правленія знатныхъ гражданъ, а Аѳиняне учреждали димократіи.»

²⁾ Діодоръ XV, 48: τοῖς μὲν τὰς ὀλιγαρχίας κατασκευάζουσιν ἐβοήθουν οἱ Λακεδαιμόνιοι, τοῖς δὲ τῆς δημοκρατίας ἀντεχόμενοις συνεμάχουν οἱ Ἀθηναῖοι. СРАВ. XIII, 48.

Эта постоянная противоположность и борьба двух начал была причиною больших внутренних раздоровъ и весьма частыхъ переворотовъ ¹⁾. Такъ наримѣръ въ Віотіи народъ, при помощи Аѳинянъ, хотѣлъ произвести переворотъ въ своемъ отечествѣ и завладѣть правленіемъ ²⁾. Такъ, съ другой стороны, митилинскіе олигархи просятъ, въ началѣ пелопоннесской войны, помощи у Спартанцевъ, — народъ же остается вѣрнѣ Аѳинянамъ ³⁾. Она была вредною еще и въ томъ отношеніи, что малые города были игралищемъ большихъ и очень часто принуждены были присоединяться то къ той, то къ другой сторонѣ. «Городъ Родъ (Ῥόδος) былъ союзникомъ то Аѳинянъ, то Спартанцевъ», замѣчаетъ Ксенофонтъ, «смотря потому, народъ или богатые граждане господствовали въ немъ ⁴⁾. О такомъ раздѣленіи Греціи говорятъ Аристотель и Исократъ ⁵⁾. Впрочемъ почти излишне приводить эти авторитеты для подкрѣпленія мысли, которая подтверждается фактами, изложенными въ исторіяхъ Фукидида и Діодора. Такъ когда спартанскій навархъ Алкида посланъ былъ къ берегамъ М. Азіи (428 г.), то іонійскіе олигархи-изгнанники, прибывшіе къ нему на флотъ, говорили ему, что «если онъ подастъ помощь іонійскимъ городамъ, то всѣ они отложатся отъ Аѳинъ ⁶⁾. Когда другой спартанскій полководецъ Врасида (Βρασίδας) явился съ войскомъ во Фракію (424 г.), съ цѣлью лишить Аѳины тамошнихъ ихъ союзниковъ, — города Халкидскаго полуострова, одинъ за другимъ, отворяли ему ворота безъ боя. Онъ привлекъ ихъ на свою сторону «обѣщаніемъ свободы», говоритъ Фукидидъ, «и права управляться собственными законами» ⁷⁾, — уловка, которую

¹⁾ Diod. XV, 45: Κατὰ δὲ τὴν Ἑλλάδα ταραττομένων τῶν πόλεων διὰ τὴν ἀσυνήθη πολιτείαν, καὶ πολλῶν ἐπανισταμένων διὰ τὴν κοινὴν ἀναρχίαν, и проч.

²⁾ Thuc. IV. 76. Это было въ 424 г.

³⁾ Thuc. III, 2 и сл. и 27.

⁴⁾ Xen. Hell. IV, 8. 20; ср. ib. VI, 3. 14; VII, 1. 44.

⁵⁾ Arist. Polit. VIII, 6. 9: «Аѳиняне повсюду уничтожаютъ олигархіи, Лакедемоняне демократіи; ср. ib. VI. 9. 11.—Isocrat. Panegy. § 16: «Еллины находятся одни подъ нашимъ началомъ, другіе подъ началомъ Спартанцевъ; такъ раздѣлили большую часть городовъ формы правленія (полιτείας)». Ср. ib. de permitt. § 318.

⁶⁾ Thuc. III, 31.

⁷⁾ Thuc. IV, 84—87. 120. 123.

Аеиняне и Спартанцы обыкновенно употребляли другъ противъ друга ¹⁾. Казалось бы *всѣ* Халкидцы единодушно должны были принять такія лестные предложенія и радоваться случаю избавиться отъ «ненавистнаго ига» аеинскаго. Ничего не бывало: приходятъ аеиняне—и ихъ приверженцы помогаютъ имъ завладѣть отпавшими городами, т. е. добровольно возвращаются подъ ихъ власть.²⁾ Городъ Тео (Τέως), въ самое короткое время, дважды перемѣнилъ и игемона³⁾ и образъ правленія. Этотъ городъ былъ союзникомъ Аеинъ; но подходитъ флотъ Лакедэмонянъ—и онъ безъ боя передается на ихъ сторону; немного спустя пристають къ нему аеинскіе корабли—и новый союзникъ Спарты, столь же мирно, опять поступаетъ подъ власть своего прежняго игемона ⁴⁾. Такихъ примѣровъ много можно было бы привести ⁵⁾.

Пелопоннесская война кончилась, какъ извѣстно, совершеннымъ пораженіемъ Аеинянъ: ихъ флотъ былъ уничтоженъ при Эгпотамѣ (Αἴγος ποταμοί), союзники отпали, игемонія рушилась и даже самый городъ долженъ былъ принять условія побѣдителей. Спартанцы господствовали на сушѣ и на морѣ и старались, по словамъ Діодора ⁶⁾, учредить повсюду правленіе олигархическое. По ихъ приказанію, Лисандръ объѣхалъ съ своимъ флотомъ приморскіе города, уничтожилъ вездѣ правленіе введенное Аеинянами и передалъ власть въ руки значительнѣйшихъ гражданъ ⁷⁾. Но владычество Спартанцевъ продолжалось весьма недолго: въ борьбѣ съ Ѳиванцами (371—362 г.) оно пало—и пало на всегда. Тогда возобновились прежніе раздоры, сопровождаемые всѣми ужасами анархіи и взаимныхъ гоненій. Борьба открылась въ большомъ числѣ горо-

¹⁾ Ср. Diod. XIV, 84; XV. 28. Xen. Hell. IV, 8. 1.

²⁾ Thuc. IV. 130; V, 2.

³⁾ Спарта и Аеины въ отношеніе къ своимъ союзникамъ (συνμαχοί) назывались «игемонами» (ἡγεμόν), а самое отношеніе «игемонією», которая собственно заключалась въ правѣ предводительствовать союзными войсками въ случаѣ войны, предпринятой съ общаго согласія.

⁴⁾ Thuc. VIII, 16. 20. — Это было въ 413 г.

⁵⁾ См. Thuc. VIII, 9. 14. 26. 31. 44.

⁶⁾ Diod. XIV, 3.

⁷⁾ Diod. XIV, 3; XV, 10.

довъ: почетнѣйшіе граждане, въ свою очередь, подверглись жесточайшимъ преслѣдованіямъ, — имѣнія ихъ конфисковались, сами они изгонялись или предаваемы были казни¹⁾. Новѣйшіе историки обыкновенно полагаютъ, что борьба между означенными политическими началами существовала въ древней Греціи только въ теченіе пятого столѣтія до Р. Х., и что она совершенно прекратилась вмѣстѣ съ окончаніемъ войны пелопоннискской. Мы не можемъ согласиться съ ихъ мнѣніемъ. Напротивъ, цѣлый рядъ фактовъ, сообщаемыхъ древними историками, свидѣтельствуютъ, что она продолжалась и въ IV столѣтіи съ прежнею силою. Постараемся представить эти факты въ хронологическомъ порядкѣ²⁾, чтобы можно было прослѣдить движенія упомянутыхъ партій, почти изъ года въ годъ, съ начала IV столѣтія до самаго времени Филиппа.

Въ 402 г. произошла междоусобная распря въ г. Оропѣ³⁾.

Въ 399 г. народъ возсталъ въ г. Иракліи трахинійской⁴⁾ и въ окрестностяхъ горы Иты (Οἶτη), но его намѣреніе было подавлено Спартанцами⁵⁾.

Аристотель, въ своемъ сочиненіи «Политикѣ»⁶⁾, говоритъ о возстаніи «почетныхъ гражданъ» (γνώριμοι) противъ народа въ г. Родѣ, что случилось, по мнѣнію г. Кортюма, въ 396 г.⁷⁾

Въ первый годъ царствованія Агесилая (397 г.) составилъ въ самой Спартѣ заговоръ между илотами, неодамодами, ипоміонами и періиками, имѣвшій цѣлью умертвить главныхъ спартіатовъ⁸⁾ и учредить димократію; но это предпріятіе ру-

¹⁾ Diod. XV, 5. 40. 58.

²⁾ Мы слѣдовали хронологіи Клинтона (Clinton — Fasti Hellenici).

³⁾ Diod. XIV, 17. — Оропъ городъ на югѣ Вiotin, бывшій въ союзѣ съ Аѳинями со времени пелопоннискской войны. См. Kortüm. z. Gesch. Hell. Staatsverf. ст. 53.

⁴⁾ Въ южной Θεσσαλίи.

⁵⁾ Diod. XIV, 38.

⁶⁾ Pol. VIII, 2—3. ed. Barthélemy St.-Hilaire.

⁷⁾ Kortüm — z. Gesch. Hell. Staatsf. 113.

⁸⁾ Илоты (ἐῖλωτες) — рабы; неодамоды (νεοδαμώδεις) — рабы получившіе свободу; періики (περίοικοι) — свободные жители Лаконіи, Лакедэмоняне, собственно «окрестные жители» — въ противоположность спартіатамъ, жителямъ самой Спарты и потомкамъ доріанъ-побѣдителей, въ рукахъ коихъ было все правленіе; ипоміоны (ὑπομείονες) — періики получившіе право гражданства.

жилося само собою, когда главный зачинщикъ его, нѣкто Кинадонъ, попался въ руки ефора¹⁾.

Въ 395 г., послѣ кидской побѣды, Кононъ отправился съ флотомъ къ приморскимъ городамъ М. Азіи, бывшимъ въ союзѣ съ Спартою, чтобы привлечь ихъ на свою сторону. Одни города подчинились Аѳинянамъ, другіе остались независимыми, — но вездѣ изгнаны были спартанскіе армо²⁾сты, уничтожено олигархическое правленіе и восстановлено демократическое³⁾.

Въ 394 г., въ Коринѣ, оптиматы (οἱ βέλτιστοι) подверглись жесточайшимъ преслѣдованіямъ: 120 изъ нихъ были умерщвлены, 500 другихъ изгнаны. Въ это дѣло вмѣшались съ одной стороны Аѳиняне, Эвванцы и Аргійцы, — съ другой Спартанцы; и въ слѣдствіе того на Коринескомъ перешейкѣ произошла семилѣтняя война, извѣстная подъ именемъ «коринеской»⁴⁾.

Въ 392 г. Эрасивулъ, при содѣйствіи народа, уничтожилъ олигархію въ г. Византіи и на островѣ Лесвѣ⁵⁾.

Въ г. Родѣ, бывшемъ сначала въ союзѣ съ Спартою, а потомъ, не за долго до кидскаго сраженія, перешедшемъ на сторону Аѳинянъ, въ 391 г. единомышленники Спартанцевъ возстали противъ народа и выгнали приверженцевъ аѳинскихъ. Тѣ хотѣли было возвратиться силою, но были отражены⁶⁾.

Когда анталкидинъ договоръ (387 г.) провозгласилъ независимость всѣхъ греческихъ городовъ-государствъ, — въ нѣкоторыхъ изъ нихъ народная партія, подавленная дотолѣ Спартанцами, теперь, освободившись отъ ихъ господства, опять получила перевѣсъ и стала преслѣдовать оптиматовъ (οἱ βέλτιστοι), изъ коихъ многіе были даже изгнаны; Спартанцы приняли ихъ подъ свою защиту и силою возвращали изгнанниковъ въ

¹⁾ Xen. Hell. III, 3. § 4 и сл. Подобная же попытка возобновлена была позже, во время эвванской войны (369 г.). Plut. Agesil. 22.

²⁾ Diod. XIV. 84. — Xen. Hell. IV. 8, 1.

³⁾ Diod. XIV, 86. — Xenoph. Hell. IV, 4, § 1 и сл.

⁴⁾ Xen. Hell. IV. 8, 27 и сл.

⁵⁾ Diod. XIV. 79. 97. Xen. Hell. IV. 8. 20.

отечественные города. Такъ они поступили съ г. Мантиніею въ 385 г. и съ г. Фліунтомъ 383 г.¹⁾

Послѣ анталкидина мира, оиванскіе олигархи обратились къ Спартанцамъ, помогли Фивиду занять Кадмію и упрочивъ, при помощи спартанскаго гарнизона, свое господство, принудили бѣжать или даже казнили смертью главнѣйшихъ изъ своихъ противниковъ (Пелопида, Андроклида, Исменію). Вскорѣ дѣла перемѣнились: Кадмія была освобождена (379 г.), спартанскіе приверженцы умерщвлены и прежній порядокъ опять восстановленъ²⁾. Но слѣдствіемъ этого событія была продолжительная и упорная война извѣстная подъ именемъ «оиванской».

Эта борьба двухъ враждебныхъ частей гражданъ повторилась въ 374 году въ Елладѣ и на нѣкоторыхъ островахъ, напр. на о. Закинѣ и Керкирѣ³⁾. Четыре года спустя (370 г.), въ г. Аргѣ она разразилась страшнымъ побоищемъ, извѣстнымъ подъ именемъ «скитализма»⁴⁾, по слѣдующему поводу. Димагоги аргійскіе, говоритъ Діодоръ, возбуждали народъ противъ всѣхъ, кто только отличался богатствомъ и знатностью, обвиняя ихъ въ намѣреніи уничтожить существовавшее правленіе. Выведенные изъ терпѣнія несправедливыми преслѣдованіями, олигархи рѣшились, на самомъ дѣлѣ, свергнуть его димократовъ; но замыселъ ихъ былъ открытъ, и тогда всѣ болѣе или менѣе участвовавшіе въ немъ преданы были смерти, а имѣнія ихъ конфискованы. Ожесточеніе мало по малу усилилось до такой степени, что стали казнить по простому доносу, безъ всякаго изслѣдованія; такимъ образомъ погибло болѣе 1200 самыхъ богатыхъ (μεγαλοπλοῦτων) и значительныхъ гражданъ (τῶν δυνατῶν ἀνδρῶν)⁵⁾.

¹⁾ Diod. XV. 5. 12. 19. — Xen. Hell. V, 2, 1 и сл.; 3. § 10 и сл.

²⁾ Plut. Pelop. 5. Diod. XV. 5. 40. 58. То же повторилось и въ прочихъ ионійскихъ городахъ. см. Xen. Hell. V. 4, § 12. 46. 53.

³⁾ Diod. XV, 40. 46. 47. — Xen. Hell. VI. 2, § 2 и сл.; 3, § 7. 8. 14; 4 § 18.

⁴⁾ Отъ слова «σκιτάλη» — дубинка, палка съ толстымъ концемъ, бывшая орудіемъ казни въ этомъ случаѣ.

⁵⁾ Diod. XV. 57. 58. — Isocr. Phil. § 52; de perm. § 318. Ярость народная, въ этомъ случаѣ, превзошла всякую мѣру. Алая кровь, толпа требовала доносовъ; димагоги, уstraшенные множествомъ убійствъ и боясь за самихъ себя, пе-

Столь же упорная борьба происходила между 369 и 365 годами въ Синонѣ¹⁾, Ахэи²⁾, г. Фліунтѣ³⁾, Аркадіи⁴⁾, Илідѣ⁵⁾.

Въ 364 г., въ г. Иракліи понтійской, почетные граждане (οἱ ὑπόρχοι), изгнанные димагогами, возвратились съ оружіемъ въ рукахъ и, одержавъ верхъ надъ своими противниками, возстановили прежнее свое значеніе⁶⁾.

Въ томъ же году, изгнанники еиванскіе предприняли было возстановить прежнее аристократическое правленіе (πολιτεῖαν ἀριστοκρατικὴν), но безуспѣшно⁷⁾. Наконецъ, два года спустя, послѣ мантинійской битвы (362 г.), подобная же попытка сдѣлана была аргійскими олигархами (οἱ ὑπόρχοι)⁸⁾.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія приведемъ еще свидѣтельства Исократа и Аристотеля, двухъ писателей Филиппова времени.

Въ рѣчи «объ обмѣнѣ имѣній» (περὶ ἀντιδόσεως), написанной въ 353 году⁹⁾, Исократъ, обращаясь къ аеинянамъ, говорить такъ: «Вы любите димагоговъ, считая ихъ опорой вашего правленія, а забываете, сколько зла они причинили! Безпрестанно обвиняя знатныхъ гражданъ (τοὺς ἐνδοξοτάτους τῶν πολιτῶν καὶ μάλιστα δυναμένους) въ лагонисмѣ¹⁰⁾ и олигархическихъ намѣренійхъ и преслѣдуя ихъ, — по неволѣ заставляли ихъ дѣлаться такими, какъ ихъ обвиняли. Угнетая союзниковъ и отнимая имѣнія у «лучшихъ гражданъ» (τοὺς βελτίστους), развѣ эти люди не довели ихъ до того, что, возставъ противъ насъ, они стали искать дружбы Спартанцевъ? Возникшая отсюда

рестали ихъ дѣлать; тогда народъ, думая, что они его оставляютъ, обратился на нихъ своею яростью и избилъ ихъ всѣхъ до послѣдняго. (Diod. XV. 58).

¹⁾ Diod. XV. 70. — Xen. Hell. VII, 1, § 44—46; 3 § 1 и сл.

²⁾ Diod. XV, 73. — Xen. Hell. VII, 1, § 41 и сл.

³⁾ Diod. XV, 73. — Xen. Hell. VII, 2, § 3 и сл.

⁴⁾ Diod. XV, 77.

⁵⁾ Diod. XV. 77. — Xen. Hell. VII, 4. 13.

⁶⁾ Arist. Pol. VIII, 4. 2.

⁷⁾ Diod. XV, 79.

⁸⁾ Arist. Pol. VIII. 3. 3.

⁹⁾ См. Westermann-Gesch. d. Griech. Bereds. 290.

¹⁰⁾ Т. е. въ дружбѣ съ Лакэдэмонянами.

война¹⁾ опустошила ряды наших согражданъ, дважды измѣнила у насъ правленіе»²⁾ и пр. Исократъ упоминаетъ здѣсь, правда, о событіяхъ прошедшихъ, но онъ говоритъ о дѣйствіяхъ и ихъ слѣдствіяхъ вообще всѣхъ димагоговъ, и даже преимущественно о современныхъ, желая предостеречь согражданъ отъ слишкомъ большаго довѣрія къ ораторамъ, и показывая фактами, взятыми изъ прежняго времени, какъ губительно было это довѣріе для ихъ отцевъ,—и что слѣдовательно и теперь отъ той же причины могло произойти то же слѣдствіе т. е. отъ несправедливо претерпѣваемыхъ утѣсненій—возстаніе достаточныхъ гражданъ. Исократъ въ этомъ дѣлѣ былъ тѣмъ лучшій судья, что и самъ имѣлъ значительное состояніе.

Еще положительнѣе свидѣтельство другого современника филиппова, знаменитаго Аристотеля. «И димократіи и олигархіи», говоритъ онъ, «равно погрѣшаютъ (*ἀμαρτάνουσι*). Въ димократіяхъ димагоги, ратуя (*μαχόμενοι*) противъ богатыхъ, вѣчно раздѣляютъ гражданъ на двѣ части (*δύο γὰρ ποιοῦσιν αἰεὶ τὴν πόλιν*)». Далѣе, замѣтивъ, что въ олигархіяхъ, въ свою очередь, терпитъ утѣсненія народъ, онъ прибавляетъ: «олигархи особенно не должны бы были произносить клятвъ подобныхъ этой: «Такъ да буду я врагомъ дима и замышлять буду противъ него всевозможное зло (*καὶ τῷ δήμῳ κακόνους ἔσομαι, καὶ βουλευσῶ ὅτι ἔχω κακόν*)!» какъ это дѣлается теперь въ нѣкоторыхъ олигархическихъ республикахъ»³⁾.

Мы довели, такимъ образомъ, исторію борьбы между олигархами и димократами до самаго вступленія Филиппа на престолъ. Мы основали нашъ рассказъ не на какихъ либо предположеніяхъ, но на точныхъ и положительныхъ свидѣтельствахъ древнихъ историковъ. Смѣемъ думать, что выведенный нами результатъ можетъ быть названъ несомнѣннымъ.

Предшествовавшія розысканія убѣждаютъ, что до самаго

¹⁾ Пелопоннесская.

²⁾ Исокр. п. *ἀντιδός*. § 317. 318. — Въ 411 г. учреждено было олигархическое правленіе Четырехъ-сотъ, а въ 404 г. подобное же правленіе Тридцати.

³⁾ Arist. Polit. VIII. 7. 19.

Филиппа македонскаго, въ большей части городовъ древней Греціи, почетнѣйшіе и зажиточнѣйшіе граждане подвергались самымъ несправедливымъ преслѣдованіямъ, теряли свои имущества и часто принуждены были оставлять свой отечественный городъ и жить въ удаленіи. Утомленные этими гоненіями, но въ то же время вѣрные своему политическому принципу, они теперь искали помощи и союзника уже внѣ Греціи, ибо Спартанцы, ослабленные постоянною войною и потерю Мессиніи, не могли болѣе ихъ поддерживать. Они обратились тогда къ Македоніи и къ ея могущественному государю Филиппу. Вотъ начало македонскаго вліянія въ Греціи и происхожденіе такъ называемой «македонской партіи». Греческіе вельможи (олигархи) соединились съ Филиппомъ, вступили въ тѣсный союзъ съ нимъ и способствовали его видамъ на Грецію; онъ, въ свою очередь, оказывалъ имъ самую существенную помощь въ борьбѣ съ ихъ противниками.

Эту политику прекрасно излагаетъ Димосеенъ въ своей 4-й Филиппикѣ¹⁾. Приведемъ слова его; но прежде всего считаемъ долгомъ замѣтить, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ ораторомъ, и притомъ народнымъ, который желалъ только увлечь своихъ слушателей и употребляетъ потому выраженія, поражающія своею рѣзкостію. Онъ называетъ своихъ политическихъ противниковъ нѣмѣниками, предателями, утѣснителями, тираннами, — между тѣмъ какъ это были самые почетнѣйшіе граждане, столь же честные какъ и онъ, но только не соглашавшіеся съ нимъ относительно внутренняго правленія. Итакъ послужимъ оратора.

«На двѣ части раздѣлились граждане греческихъ республикъ, — одни не желаютъ ни сами господствовать насильно (βιά), ни быть рабами другаго (δουλεύειν), но хотятъ пользоваться правленіемъ основанномъ на равенствѣ. Другіе, напротивъ того, желаютъ властвовать надъ своими согражданами и повиноваться тому (т. е. Филиппу), при помощи котораго они

¹⁾ Написана въ 341.

надѣются достигнуть этого господства ¹⁾. Люди стремящіеся къ тиранніи и господству ²⁾ преобладаютъ повсюду — и я не знаю ни одного города, кромѣ нашего, гдѣ бы димократическое правленіе было еще прочно ³⁾. Эти люди особенно сильны тѣмъ, что у нихъ есть отъ кого (т. е. отъ Филиппа) получать и деньги для умноженія своихъ единомышленниковъ и войско, во всякое время, для подавленія своихъ противниковъ ⁴⁾.

Въ другомъ мѣстѣ, а именно въ рѣчи о посольствѣ ⁵⁾, произнесенной въ 343 году, Димосеенъ, указывая на Эскина, говоритъ такъ: «онъ принадлежитъ теперь къ числу друзей Филиппа, которые хотятъ сбросить съ себя бремя народнаго господства (ἀπαλλαγῆναι τοῦ δήμου), — которымъ настоящій образъ правленія кажется безумнымъ и полнымъ смутъ».

Приведенныя два мѣста Димосеена заключаютъ въ себѣ самыя ясныя указанія на истинное значеніе македонской партіи, на ея намѣренія, политику и характеръ отношеній ея къ Филиппу. Не забудемъ еще, что здѣсь говоритъ *Димосеенъ*, современникъ и заклятый врагъ «филипповыхъ друзей», которыхъ онъ обыкновенно называетъ «подкупленными предателями», а здѣсь какъ бы неволью, представляетъ дѣло въ его настоящемъ свѣтѣ. — Мы видимъ изъ словъ оратора, что друзья Филиппа хотѣли *властвовать* надъ своими согражданами, т. е. завладѣть правленіемъ, преобразовавъ его въ олигархическомъ смыслѣ; видимъ притомъ, что ихъ дѣйствія, въ этомъ отношеніи, были весьма успѣшны — «они преобладаютъ повсюду», говоритъ онъ, «и я не знаю ни одного города (кромѣ Афинъ), гдѣ бы димократическое правленіе было еще прочно»; далѣе, подобно какъ прежде помогало олигархамъ спартанское войско, — теперь подобную же услугу оказывало имъ *войско македонское*.

¹⁾ αὐτὸν δ' εἰς τὸ ἄρχειν μὲν τῶν πολιτῶν ἐπιθυμεῖν, ἐτέρῳ δ' ὑπακούειν, δὲ τοῦ ποτ' ἂν οἴωνται τοῦτο δυνήσεσθαι ποιῆσαι.

²⁾ οἱ τυραννίδων καὶ δυναστειῶν ἐπιθυμοῦντες κερρατήκασι πανταχοῦ.

³⁾ καὶ πόλις δημοκρατουμένη βεβαίως οὐκ οἶδ' εἰ τίς ἐστι τῶν πασῶν λαμπρὴ πλὴν ἡ ἡμετέρα.

⁴⁾ Philip. IV. § 4 и сл.

⁵⁾ De falsa legat. § 314.

и наконецъ приверженцы Македоніи получали еще отъ Филиппа помощь иного рода и не менѣе дѣйствительную, а именно — *деньги*, которыя представляли имъ вѣрнѣйшее средство къ достиженію ихъ цѣли: «эти люди», говоритъ ораторъ, «особенно сильны тѣмъ, что у нихъ есть отъ кого получать и деньги для умноженія своихъ единомышленниковъ и войско, во всякое время, для подавленія своихъ противниковъ».

Сближеніе греческихъ олигарховъ съ Македоніею ¹⁾ сопровождалось тѣми результатами, которыхъ можно было ожидать и которыхъ желали обѣ стороны. Филиппъ вполне подчинилъ Грецію своему вліянію, а его приверженцы успѣли достигнуть, въ своихъ отечественныхъ городахъ, господства и преобразовать существовавшія правленія согласно съ своими политическими убѣжденіями. Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ двухъ вопросовъ, и прежде послѣдняго изъ нихъ.

Перемѣна образа правленія въ греческихъ республикахъ не могла совершиться вдругъ, частью по самой природѣ подобнаго переворота, частью и отъ обстоятельствъ случайныхъ, такъ что, начавшись при Филиппѣ, эта реформа правленій осуществлена была только при Антипатрѣ. Итакъ постараемся прослѣдить, на сколько это возможно, постепенные успѣхи олигарховъ въ задуманномъ ими предпріятіи; посмотримъ, какъ они, при помощи Македонянъ, болѣе и болѣе приближались

¹⁾ Между олигархами и Филиппомъ состоялся союзъ съ двойною цѣлью: съ одной стороны — чтобы преобразовать форму правленій въ греческихъ республикахъ, съ другой — предпринять (какъ увидимъ) завоеваніе Персін, — общіе интересы весьма естественно должны были соединить греческихъ димократовъ и Персовъ. См. Demosth. Phil. III, 74; Phil. IV. 31—33; Diod. XVII. 9. — Plut. Demosth. 23. — Мы видѣли, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ находился Димосеевъ къ персидскому правительству. По видимому, онъ возлагалъ большія надежды на союзъ съ Персами. «Персидскій царь», говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ (ad Phil. epist. 6.), «столь богатъ и силенъ, что, подобно какъ прежде, когда мы воевали съ Лакедемонянами, чью сторону онъ принималъ, та и побѣждала, — такъ и теперь, соединившись съ нами, онъ безъ труда сокрушитъ могущество Филиппа». — Есть даже положительное извѣстіе о формальномъ союзѣ, заключенномъ въ 341 г. между Аеннянами и Персами противъ Филиппа II, по поводу осады послѣднимъ Перинеа. См. Literae Phil. § 6. Demosth. ad Phil. epist. § 5. Diod. XVI. 75. 77.

къ своей цѣли, до самаго того момента, когда наконецъ достигли ея вполнѣ.

Когда и какъ начались сношенія греческихъ олигарховъ съ Филиппомъ II, положительно сказать нельзя. Видно только изъ словъ Димосеена, что въ эпоху его рѣчей «о посольствѣ» (343 г.) и «4-й Филиппики» (341 г.) «друзья» Македоніи не только вездѣ существовали, но даже господствовали, и что хотя форма правленій сохранялась еще прежняя, но уже была сильно потрясена ими ¹⁾. Еще въ 352 г. носились слухи, что Филиппъ хочетъ разрушить ее совершенно: «Наши разносчики новостей», говоритъ Димосеенъ, «разсказываютъ всякому встрѣчному, что Филиппъ, дѣйствуя за-одно съ Лакедемонянами, въ прахъ хочетъ уничтожить форму нашихъ правленій (τὰς πολιτείας διασπᾶν) ²⁾. И дѣйствительно, послѣ херонѣйской побѣды (338 г.), которая предала въ его руки всю Елладу, Филиппъ приступилъ къ этой реформѣ. Онъ началъ съ Оивъ. Возвративъ всѣхъ политическихъ изгнанниковъ, бывшихъ въ удаленіи со времени Епаминонда, онъ передалъ тремъ-стамъ изъ нихъ судебную и правительственную власть ³⁾. То же самое произошло въ Акарнаніи и епирскомъ городѣ Амвракіи, какъ можно заключить изъ разсказа Діодора ⁴⁾, и весьма вѣроятно, что означенная реформа была бы постепенно произведена и въ другихъ греческихъ республикахъ, еслибы Филиппъ прожилъ долѣе; но онъ погибъ два года спустя послѣ херонѣйской побѣды. Слова Димосеена ⁵⁾ не оставляютъ, въ этомъ отношеніи, никакого сомнѣнія. «Еслибы Филиппъ», говоритъ онъ, «одержавъ побѣду (херонѣйскую), тотчасъ удалился, оставивъ въ покоѣ какъ своихъ симмаховъ, такъ и прочихъ еллиновъ, то и тогда кто бы сталъ обвинять тѣхъ, которые противодѣйствовали его замысламъ? Но если онъ равно у всѣхъ, гдѣ могъ, отнялъ значеніе, игемонію, свободу, даже самую фор-

¹⁾ См. прим. 3, стр. 73.

²⁾ Dem. Philip. I, § 48.

³⁾ Justin. IX. 5.

⁴⁾ Diod. XVII, 3.

⁵⁾ См. Dem. de corona § 63.

му правленія (μᾶλλον δὲ καὶ τὰς κομῆτας παρῆλτο), — развѣ мы (Аеиняне) не приняли великодушнаго намѣренія, внимъ моимъ словамъ?» Впрочемъ и эти два года онъ занятъ былъ различными предпріятіями, не оставлявшими ему времени позаботиться о выгодахъ своихъ приверженцевъ. Такъ, завладѣвъ Фивами и утвердившись въ Елладѣ, онъ предпринималъ походъ въ Пелопоннись, чтобы и его подчинить своему вліянію ¹⁾. Это дѣло заняло его до конца 338 года. Весною слѣдующаго года происходилъ коринескій сеймъ; провозглашенный здѣсь игемономъ или полномочнымъ предводителемъ всѣхъ греческихъ силъ въ предпринимаемой войнѣ противъ Персовъ, Филиппъ немедленно сталъ готовиться къ походу; опредѣливъ сколько каждый городъ долженъ былъ выставить войска въ союзную армію, онъ возвратился въ Македонію (осенью того же года), куда призывали его дѣла Иллиріи. Усмиривъ Иллирійцевъ и окончивъ всѣ приготовленія къ походу, весною 336 года онъ началъ уже было переправлять войска въ М. Азію, когда внезапно погибъ отъ руки убійцы ²⁾.

Впрочемъ, довольный тѣмъ, что Греція предоставляла ему въ полное распоряженіе многочисленную армію для завоеванія Персіи — главной цѣли его стремленій, какъ увидимъ, быть можетъ Филиппъ и не спѣшилъ преобразовывать правленіе въ пользу своихъ единомышленниковъ, тѣмъ болѣе, что это дѣло могло надолго задержать его въ Греціи, даже самое предпріятіе его противъ Персіи сдѣлать невѣрнымъ, быть можетъ, неудобноисполнимымъ: для упроченія новаго правленія необходимо было въ нѣкоторыхъ, если не во всѣхъ, городахъ поставить македонскіе гарнизоны ³⁾, что значительно ослабило бы его собственную армію, на которую онъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе надѣялся въ предполагаемомъ походѣ. Въ игемоніи надъ Греціею, повторимъ, Филиппъ искалъ только средства для завоеванія Персіи, — получивъ отъ Грековъ сильную вспомогатель-

¹⁾ См. Polyb. IX, 28. 33.

²⁾ Diod. XVI, 89—94. — Böhnecke Att. Red. II, 738—740.

³⁾ См. Diod. XVII, 3. 18. 55.

ную армию добровольно, ему ничего не оставалось болѣе и желать, — цѣль его, съ этой стороны, была вполне достигнута.

Тѣ же побужденія руководили и сыномъ его Александромъ. Весь преданный мысли о славномъ походѣ на Востокъ¹⁾, онъ оставался въ Европѣ не долѣе того сколько необходимо было, чтобы усмирить возстаніе враговъ внутреннихъ и вѣншихъ, ободренныхъ вѣстью о смерти Филиппа и крайнею молодостью его преемника²⁾. Признанный, подобно отцу, игеомомъ Греціи, послѣ страшной казни надъ Ойвами, и давъ только войску необходимый отдыхъ, Александръ немедленно переправился въ М. Азію³⁾.

Во время похода, нуждаясь въ содѣйствіи Грековъ⁴⁾ и опасаясь ихъ возстанія, онъ всячески старался поддерживать въ нихъ доброе расположеніе къ себѣ⁵⁾. Когда же эта надоб-

1) См. Diod. XVII, 9.

2) Александру было тогда всего 20 лѣтъ. Arrian. I, 1.

3) Diod. XVII, 3—16. — Plut. Alexand. 14.

4) При самой высадкѣ въ Азію, въ его армию наводился отрядъ греческихъ союзниковъ (συνμαχοι), состоявшій изъ 7,000 чел. пѣхоты и 2,100 чел. конницы, не считая 5,000 наемниковъ (μισθοφόροι), безъ сомнѣнія изъ грековъ же; собственно македонянъ было только 13,500 чел. пѣхоты и конницы (см. Diod. XVII, 17). Кромѣ того, въ теченіе похода, Греція доставляла Александру весьма значительныя вспомогательныя войска: такъ послѣ арбельскаго сраженія прибыли къ нему изъ Пелопоннуса 6,000 чел. (Diod. XVII, 65.); а во время пребыванія его въ Индіи болѣе 36,000 человекъ, частью союзниковъ, частью наемниковъ (Diod. XVII, 93.).

5) Александръ не упускалъ случая оказать Грекамъ услугу или польстить ихъ самолюбію. Такъ, высадившись въ М. Азію, онъ отправился къ мѣсту древней Трои и почтилъ могилы павшихъ героевъ греческихъ жертвоприношеніями и священными играми (Plut. Alexand. 15). Послѣ граникской битвы онъ отослалъ въ Аѣны, для храма Минервы, часть трофеевъ этой побѣды съ надписью: «отбиты у варваровъ азіатскихъ Александромъ и Греками, за исключеніемъ Лакедемонянъ» (Arrian. I, 16). Особенно старался онъ расположить къ себѣ Аѣнлянъ, которые скорѣе всего могли возстать противъ него и увлечь прочіихъ (см. Dem. Philip. IV. § 13). Такъ, послѣ взятія Фивъ, онъ простилъ непріязненныхъ ему аѣнскихъ ораторовъ, которыхъ сначала хотѣлъ было наказать, «и сдѣлалъ все о чемъ только просили его Аѣнляне» (Diod. XVII, 13). Когда, послѣ сраженія при Иссъ, представлены были ему греческіе послы, находившіеся у Дарія и захваченные въ плѣнъ вѣстѣ съ прочими, то онъ обошелся съ ними весьма милостиво, а аѣнскому послу сказалъ между прочимъ: «прощаю тебѣ изъ любви къ Аѣнлянамъ». Той же политикѣ, въ отношеніи Аѣнъ, придерживался и отецъ его Филиппъ. (См. Justin. IX, 4. — Diod. XVI, 87.) Александръ хотѣлъ, чтобы Греки видѣли въ его походѣ въ Персію какъ бы свое собственное предпріятіе, въ ко-

ность, произошла, когда Персидская монархия была завоевана, и видя, въ то же время, что Греція ждала только случая сбросить съ себя македонское иго, что некоторые города (въ Пеллопоннѣсѣ) даже открыто дѣйствовали противъ него¹⁾, Александръ рѣшился упрочить свою власть въ этой странѣ, которая отнынѣ должна была составлять только провинцію его обширной монархіи, болѣе дѣйствительными мѣрами. Съ этою цѣлью онъ возвратилъ всѣхъ изгнанниковъ греческихъ (т. е. оптиматовъ), «чтобы имѣть въ каждомъ городѣ преданныхъ себѣ людей, которые могли бы подавить всякое возстаніе». Такихъ изгнанниковъ оказалось болѣе 20,000 человекъ, и наѣстникъ Македоніи Антипатръ получилъ даже приказаніе, въ случаѣ нужды, силою вводить ихъ въ тѣ города, которые отказались бы принять ихъ добровольно²⁾. Вмѣстѣ съ тѣмъ, безъ сомнѣнія, и въ правленіяхъ произведена была реформа³⁾. Но прежде нежели господство оптиматовъ было упрочено вездѣ и исполнѣ, какъ послѣдовавшая вскорѣ за тѣмъ смерть Александра снова пробудила въ ихъ противникахъ надежду сбросить съ себя иго Македоніи и ея приверженцевъ — и въ Греціи возгорѣлась извѣстная «ламійская война» (323 — 322)⁴⁾.

торомъ онъ былъ только предводителемъ (игемономъ), и слѣдовательно искренне содѣйствовали бы ему; съ этою цѣлью онъ, подобно отцу, объявилъ, что предпринимаетъ походъ для отищенія Персамъ за разрушенные ими нѣкогда города и сожженные храмы греческіе и что онъ высоко цѣнитъ честь, оказанную ему Греками избраніемъ его своимъ игемономъ въ этой войнѣ. (Diod. XVI, 89. 94; XVII, 16. — Arrian. III, 18).

¹⁾ Arrian. III, 6. — Diod. XVII, 29. 48. 62.

²⁾ Diod. XVIII, 8.

³⁾ Димосеенъ въ рѣчи «ὁ περὶ τῶν πρὸς Ἀλέξανδρον συντηκῶν» (произнесенной въ 323 г.) жалуется, что Александръ, въ противность договору, вездѣ, гдѣ можетъ, уничтожаетъ демократіи, возстановляетъ тиранновъ и помогаетъ изгнанникамъ вооруженною рукою возвращаться домой и, въ свою очередь, изгоняетъ своихъ противниковъ, конфискуя ихъ имѣнія и пр. Такимъ образомъ уничтожены были демократическія правленія въ Мессинѣ, Сикіонѣ, Пеллинѣ (въ Ахей) «и во многихъ другихъ городахъ». (§§ 4. 10. 14—16).

⁴⁾ Діодоръ (XVIII. 8) именно выставляетъ вышеприведенное распоряженіе Александра какъ причину ламійской войны. Онъ прибавляетъ дагѣ, въ главѣ 10: «Въ Аеивахъ люди достаточные (οἱ χρηματικῶι) желали остаться въ мирѣ съ Македоніею, но димагоги (οἱ δηροκόποι) всѣми силами подстрекали толпу (τὸ πλῆθος) къ войнѣ и успѣли наконецъ въ томъ, что составленъ былъ договоръ такого со-

По раздѣленіи имперіи Александра между его полководцами, Антипатръ, которому досталась Македонія, слѣдовалъ, въ отношеніе Греціи, той же политики, какъ Филиппъ II и Александръ В., но болѣе рѣшительно и открыто, что и понятно: не увлекаемый славою отдаленныхъ завоеваній, онъ все свое честолюбіе ограничилъ утвержденіемъ своего господства въ Греціи на прочномъ основаніи. Съ этою цѣлью Антипатръ открыто соединился съ олигархами и, выйдя побѣдителемъ изъ лакедонской войны¹⁾, повсюду уничтожилъ димократіи и передалъ правленіе въ руки олигарховъ, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. въ Аѣинахъ, онъ поставилъ даже македонскіе гарнизоны. Кромѣ того множество приверженцевъ уничтоженнаго правленія, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, удалено было изъ Греціи²⁾. Реформа эта, произведенная безъ явной борьбы, мгновенно и повсемѣстно, ясно показываетъ, что все уже было подготовлено къ ней исподоволь.

Разсказывая о преобразованіяхъ сдѣланныхъ Антипатромъ въ Аѣинахъ, Діодоръ сообщаетъ фактъ весьма любопытный и, сколько намъ извѣстно, никѣмъ еще не указанный: по его словамъ, Антипатръ возстановилъ въ Аѣинахъ *соломовское правленіе*. Приведемъ собственныя слова историка (XVIII, 18): «Побѣдитель (Антипатръ) пошадилъ городъ (Аѣины) и не тронулъ частной собственности, но уничтожилъ народное правленіе (τὴν δημοκρασίαν), замѣнивъ его другимъ, основанномъ на *цензѣ*³⁾; именно постановилъ, что только тѣ, коихъ цензъ превышаетъ 2,000 драхмъ (420 р. с.), могутъ занимать государственныя должности и подавать голоса (въ вули и еkkлiсiи); прочихъ же, какъ людей безпокойныхъ (ὡς ταραχώδεις ὄντας καὶ πολέμους),

державія: «народъ прійметъ мѣры для возстановленія общей свободы Грековъ (τῆς κοινῆς τῶν Ἑλλήνων ἐλευθερίας) и изгнанія изъ городовъ иностранныхъ гарнизоновъ». — Тамъ же, говоря о приверженцахъ войны, Діодоръ называетъ ихъ οἱ δημοτικοί. Ср. ibid. гл. 11.

¹⁾ Рѣшительная побѣда при г. Кранонъ въ Фессаліи, въ 322 г.

²⁾ Diod. XVIII. 18. 83.

³⁾ Τίμησις или τίμημα, у Римлянъ census — капиталъ подверженный налогу, который, какъ извѣстно, въ законодательствѣ Солона служилъ основаніемъ раздѣленію гражданъ на классы и соотвѣтственнаго тому распределенію правъ и обязанностей.

лишилъ участія въ правленіи и желающимъ изъ нихъ отвелъ земли во Фракіи для поселенія. Такимъ образомъ болѣе 12,000 гражданъ покинули отечество; остальные затѣмъ, подошедшіе подъ цензъ, числомъ около 9,000, сдѣлавшіеся единственными владѣльцами и города и полей (χωρά), стали управлять республикою *согласно законамъ Солона*¹⁾... Для обезпеченія новаго порядка вещей, кр. Мунихія занята была македонскимъ гарнизономъ... Ту же умѣренность выказалъ Антипатръ и въ отношеніе прочихъ еллинскихъ республикъ; преобразовавъ у нихъ правленіе и давъ ему лучшую форму (τὰ πολιτεύματα συναγαγὼν καλῶς καὶ καταστήσας)²⁾, онъ со всѣхъ сторонъ получалъ похвалы и вѣнки». — Правленія установленныя Антипатромъ были чисто олигархическія³⁾.

Борьба двухъ враждебныхъ началъ этимъ не прекратилась: она встрѣчается еще не разъ въ теченіе IV вѣка, но дальнейшая исторія ея выходитъ изъ предѣловъ нашего сочиненія.

Постараемся теперь объяснить, въ чѣмъ состояло македонское господство въ Греціи и выразилось ли оно въ какой либо особенной, дотошъ неизвѣстной Грекамъ формѣ?

Въ древней Греціи существовало особаго рода отношеніе, тѣснѣйшимъ образомъ связанное съ ихъ политическою жизнью и только имъ свойственное, — это такъ называемая *игемонія* (ἡγεμονία). — Вокругъ какой нибудь сильной республики образовывался союзъ «συνμαχία» (симмахія), причемъ союзники «σύνμαχοι» (симмахи), по праву, не теряли своей независимости, но только въ случаѣ войны, предпринятой съ общаго согласія, союзнымъ войскомъ предводительствовалъ, въ лицѣ своихъ полководцевъ, первенствующій городъ, который и назывался *игемономъ* (ἡγεμών); — въ этомъ собственно заключалась игемонія, какъ показываетъ и самое слово,⁴⁾ хотя перѣдко она

¹⁾ Ср. Plut. Phoc. 27. 28.

²⁾ Ср. Isocr. Areop. § 58—60.

³⁾ См. Diod. XVIII. 55: «τὰς δ' ἐν αὐταῖς (sc. πόλεις) ὀλιγαρχίας κατεστημέναις ὑπ' Ἀντιπάτρου».

⁴⁾ ἡγεμονία — предводительство, ἡγεμών — предводитель, — отъ глагола ἡγέομαι — предводительствовать.

Игемонъ назначалъ также, сколько каждый симмахъ долженъ былъ выста-

ушотреблялась во зло и обращалась даже, на дѣлѣ, въ настоящее владычество. Такъ Спарта пріобрѣла игемонію надъ пелопоннѣйскими городами, Аѣины надъ приморскими. Это отношеніе, столь свойственное политическому быту древнихъ Грековъ, въ IV вѣкѣ получило еще обширнѣйшее примѣненіе: кромѣ Спартанцевъ и Аѣинянъ, Фиванцы при Епаминондѣ и Ясонѣ Ферѣйскій, правитель (ταγὼς) Фессалии ¹⁾, въ свою очередь искали игемоніи, и притомъ надъ *всею* Греціею. Въ то же время образовались отдѣльные «игемоническіе союзы» въ Фессалии, Бѣотіи ²⁾, Аркадіи ³⁾, Илидѣ ⁴⁾ и на Халкидскомъ полуостровѣ ⁵⁾; нѣкоторые изъ этихъ областныхъ союзовъ разрушены были Спартанцами въ самомъ началѣ, другіе упѣли.

Игемонія было учрежденіе столь общее, столь сродное духу древнихъ Грековъ, что невольно раждается мысль: не такого ли рода отношеніемъ, т. е. отношеніемъ симмаховъ къ своему игемону, было то «повиновеніе» царю македонскому, о которомъ говоритъ Димосеентъ? — Многочисленные и самыя положительныя свидѣтельства древнихъ не оставляютъ, въ этомъ отношеніи, никакого сомнѣнія.

Первое мѣсто мы опять дадимъ здѣсь Димосеенту, къ которому такъ часто обращались за свѣдѣніями для нашего предмета. Въ своей 4-й Филиппикѣ (§ 46—48), произнесенной въ 341 г., вотъ что говоритъ онъ о власти Филиппа надъ Греками: «Малодушно покинули вы, о люди аѣинскіе, вашими предками завѣщанный вамъ славный постъ стоять въ главѣ Грековъ (προῖστασθαι τῶν Ἑλλήνων) и вооруженною рукою (δύναμιν συνεστρηυῖαν ἔχοντες) защищать всѣхъ угнетенныхъ. Недостойные совѣтники увѣрили васъ, что содержать армію для этой цѣли есть только лишняя и бесполезная трата денегъ, что жить въ безмятежной праздности и бездѣйствіи — изумительное счастье

вить вспомогательнаго войска и взвести денегъ на военныя издержки. См. Негм. Lehrs. I, § 34.

¹⁾ Diod. XV, 38. 60. 78. 79.

²⁾ См. выше стр. 33—35.

³⁾ Diod. XV, 59.

⁴⁾ Ib. XIV, 17. 34.

⁵⁾ Xenoph. Hell. V, 2. § 12 и сл.

для государства! И вотъ на мѣстѣ (τάξις), которое слѣдовало бы вамъ занимать, сталъ другой, — счастливецъ! Постъ знаменитый (πράγμα ἐντιμον καὶ μέγα καὶ λαμπρόν), нѣкогда предметъ постоянного спора между знатнѣйшими республиками, нынѣ же, по безсилію Лакедемонянъ, недосугу Фиванцевъ ¹⁾ и вашей безопасности, оставшійся незанятымъ — занялъ этотъ человекъ (Филиппъ)! Посмотрите, какъ сталъ онъ теперь и могучъ, и страшенъ для всѣхъ и какое множество союзниковъ (συνμάχων) у него!»

Предметъ спора между знатнѣйшими республиками, между Спартою, Аѣинами и Фивами, мѣсто доставлявшее множество «союзниковъ» (симмаховъ) — что же это, если не игемонія? — Какъ современникъ, говорящій о предметѣ всѣмъ извѣстномъ, Димосѣенъ не имѣлъ нужды называть его по имени. Быть можетъ онъ не назвалъ Филиппа прямо игемономъ и потому, что послѣдній не былъ еще тогда признанъ такимъ всѣми и, такъ сказать, официально, что случилось спустя четыре года (337 г.), — въ послѣдствіи же (330 г.), говоря о власти Филиппа надъ Греками, называетъ ее игемонією: τὴν ἡγεμονίαν περιεῖλετο (de соgопа § 65). Еще опредѣлительнѣе говоритъ Діодоръ ²⁾, свидѣтельство котораго принадлежитъ къ числу самыхъ драгоцѣнныхъ и всего болѣе объясняющихъ этотъ вопросъ. Аѣиняне, по его словамъ, съ радостью узнали о смерти Филиппа, «и, побуждаемые Димосѣеномъ, не хотѣли теперь уступать Македонянамъ игемонію надъ Грецією (τῆς ἡγεμονίας τῶν Ἑλλήνων οὐκ ἐξεχώρουں τοῖς Μακεδόσι). . . . Равнымъ образомъ и Фиванцы положили: выгнать гарнизонъ (македонскій) изъ Кадмѣи и не уступать Александру игемоніи надъ Еллинами (μὴ συγχωρεῖν τὴν τῶν Ἑλλήνων ἡγεμονίαν).»

Очевидно, что «знаменитый постъ, уступленный Аѣинянами, по безопасности», какъ упрекаетъ ихъ въ томъ Димосѣенъ, «Филиппу», былъ — *игемонія*, которую они теперь, по внуше-

¹⁾ Фиванцы не за долго лишь предъ тѣмъ окончили (при помощи Филиппа) продолжительную и трудную для нихъ фокидскую войну.

²⁾ Diod. XVII. 3.

нію этого оратора, рѣшились наконецъ оспаривать у Филиппа преемника Александра.

Изъ тѣхъ же, приведенныхъ выше, словъ Димосеена можно еще вывести другое, такъ сказать отрицательное, доказательство въ пользу нашей мысли объ игемоніи. Какъ современникъ и государственный мужъ, Димосеенъ, безъ сомнѣнія, ясно понималъ къ какому господству стремился Филиппъ, — и еслибы послѣдній дѣйствительно хотѣлъ обратить Грецію въ провинцію македонскаго царства, то могъ ли умолчать о томъ его противникъ, всячески старавшійся вооружать противъ него Грековъ? Если же самъ Димосеенъ не приписываетъ подобнаго характера македонскому господству, ни здѣсь, ни въ какомъ либо другомъ мѣстѣ своихъ рѣчей, — не ясное ли это доказательство, что оно и не имѣло его, что дѣло шло о простой игемоніи, какъ положительно говорить и нашъ ораторъ.

Равнымъ образомъ и Діодоръ нигдѣ не называетъ Филиппа царемъ (βασιλεύς) Греціи, хотя, въ то же время, употребляетъ это выраженіе, говоря о его правленіи въ Македоніи. Такъ что эти два рода власти: царскую и игемоническую онъ ясно различаетъ: «Филиппъ 24 года царствовалъ (ἐβασίλευσεν) надъ Македонянами . . . и своими доблестями (διὰ δὲ τὴν ἰδίαν ἀρετὴν) приобрѣлъ игемонію (τὴν ἡγεμονίαν) надъ всею Греціею» ¹⁾. Говоря о власти Филиппа и Александра въ Греціи, Діодоръ вездѣ употребляетъ выраженія: игемонія ²⁾, игемонъ ³⁾ или στρατηγὸς αὐτοκράτωρ т. е. полномочный полководецъ, что то же, что игемонъ ⁴⁾. Въ послѣдствіи Димитрій Полиоркитъ тоже провоз-

¹⁾ Diod. XVI, 1.

²⁾ Diod. XVI, 1. 84. 91; XVII, 3. 4. 7.

³⁾ Diod. XVI, 64: ἡγεμὼν ἀποδείχθη (Филиппъ) τῆς Ἑλλάδος πάσης. Ср. ibid. XVI. 91.

⁴⁾ Diod. XVI, 60: «ἐπεδύμει (Филиппъ) γὰρ τῆς Ἑλλάδος ἀποδείχθῃναι στρατηγὸς αὐτοκράτωρ». Сравни подобныя же выраженія, гдѣ только вѣсто στρατηγὸς αὐτοκράτωρ стоитъ ἡγεμὼν, — XVI, 89: ἐφιλοτιμεῖτο γενέσθαι πάσης τῆς Ἑλλάδος ἡγεμὼν; ib. 64: ἡγεμὼν ἀποδείχθη τῆς Ἑλλάδος πάσης; также см. Plut. Alex. 14: «εἰς δὲ τὸν Ἰσθμὸν τῶν Ἑλλήνων συλλεγέντων καὶ ψηφισαμένων ἐπὶ Πέρσας μετ' Ἀλέξανδρου στρατεύειν ἡγεμὼν ἀνηγορεύθη». Ср. Diod. XVII. 16. Arrian. I. 1.

глашенъ былъ игемономъ Греціи, и Плутархъ прибавляетъ: «подобно какъ прежде Филиппъ и Александръ» ¹⁾.

Чего домогались эти два монарха всего лучше можно видѣть изъ того, чего они достигли. Спустя годъ послѣ херонейской побѣды, Филиппъ созвалъ сеймъ въ Коринѣ, и здѣсь, послѣ принятія его «предложенія» ²⁾ объявить войну Персамъ, онъ провозглашенъ былъ «полномочнымъ полководцемъ Греціи» (στρατηγὸν αὐτοκράτορα τῆς Ἑλλάδος) ³⁾.

Юстинъ выражается еще яснѣе: «*pater regem se Graeciae, sed ducem appellari jussit*» (не царемъ Греціи, но полководцемъ приказалъ себя называть) ⁴⁾. Равнымъ образомъ и Александръ провозглашенъ былъ «полномочнымъ стратигомъ Греціи» (στρατηγὸς αὐτοκράτωρ τῆς Ἑλλάδος) ⁵⁾. Что съ этимъ званіемъ не соединялась какая либо неограниченная власть, наслѣдованная имъ отъ отца, то это ясно видно изъ того, какъ онъ его получилъ. Со смертью Филиппа Греки не хотѣли болѣе признавать македонской игемоніи, но Александръ «склонилъ ихъ къ тому», говоритъ Діодоръ, «частью ласкою, убѣжденіемъ и пышными обѣщаніями, частью угрозами и силою» ⁶⁾. Такъ что сначала признали его игемономъ Фессалійцы, потомъ Амфиктіоново судилище, и затѣмъ уже созвалъ онъ сеймъ въ Коринѣ, гдѣ «ласковою рѣчью убѣдилъ собраніе принять такое рѣшеніе: пол-

¹⁾ Plut. Demetr. 23.

²⁾ Предложеніе, — не приказаніе: «προετρέψατο εἰς πόλεμον».

³⁾ Diod. XVI. 89.

⁴⁾ Justin. IX. 4.

⁵⁾ Diod. XVII. 4. — Діодоръ, называя, въ этой главѣ, Александра безразлично то игемономъ, то полномочнымъ стратигомъ, ясно показываетъ, что онъ придаетъ этимъ двумъ выраженіемъ одинаковое значеніе.

Здѣсь же находимъ мы новое доказательство въ подтвержденіе нашей мысли о македонской игемоніи. Амвракіоты, при извѣстіи о смерти Филиппа, выгнали македонскій гарнизонъ и восстановили прежнее правленіе (Diod. XVII. 3). Александръ, чтобы склонить ихъ признать его игемономъ, особымъ посольствомъ старается завѣрить ихъ, что онъ охотно готовъ утвердить за ними недавно пріобрѣтенную ими «автономію» (αὐτονομίαν) т. е. право управляться собственными законами. — Не то ли же сулили и Аѳиняне тѣмъ, которымъ они предлагали вступить съ ними въ союзъ (συνμαχίαν)? ср. Diod. XV. 28.

⁶⁾ Diod. XVII, 3.

номочнымъ стратигомъ Греціи быть Александру и имъ (Елли-
намъ) воевать вмѣстѣ съ нимъ противъ Персовъ» ¹⁾.

Самая форма избранія Филиппа и Александра въ полномо-
чные стратиги Греціи служитъ новымъ подтвержденіемъ
нашей мысли о характерѣ власти этихъ двухъ монарховъ надъ
Греками. Игемонія, сказали мы, было право предводительство-
вать союзнымъ войскомъ въ войнѣ предпринятой съ общаго
согласія. — Не то ли же мы видимъ и здѣсь? На обоихъ корине-
скихъ сеймахъ Греки сообща опредѣляютъ объявить войну
Персамъ и избираютъ въ предводители (ἡγεμόν или στρατηγὸς
αὐτοκράτωρ) союзныхъ силъ всей Греціи сначала Филиппа, а
потомъ Александра, — избираютъ притомъ добровольно, какъ
положительно говорить Діодоръ ²⁾. И дѣйствительно, Спартан-
цы и Аркадяне, не хотѣвшіе признать македонской игемоніи,
и не признали ея, безъ всякой помѣхи со стороны Филиппа
или Александра ³⁾. Спартанцы даже были въ союзѣ съ Да-
ріемъ Кодоманомъ, во время войны его съ Александромъ, и дѣ-
лательно помогали своему союзнику.

И такъ Филиппъ и его преемникъ приобрѣли надъ Греками
простую игемонію, — скажемъ болѣе, только *этой* власти они
и искали въ Греціи. Діодоръ нѣсколько разъ повторяетъ, что
«Филиппъ *желалъ* (ἐπεθύμει) ⁴⁾, чтобы Греки признали его пол-
номочнымъ стратигомъ», — «искалъ *чести* (ἐφιλοτιμήτο) ⁵⁾ сдѣ-
латься игемѳномъ всей Греціи», — Александръ «*убѣдилъ* (ἐπεισε) ⁶⁾
Грековъ признать его полномочнымъ стратигомъ». Другихъ вы-
раженій онъ не употребляетъ, говоря объ этомъ предметѣ. Ко-
гда Греки, въ 337 году, признали наконецъ Филиппа своимъ
игемѳномъ, то онъ всячески старался выразить имъ свою при-

¹⁾ διαλεχθεὶς ὁ βασιλεὺς καὶ λόγοις ἐπεικέει χρησάμενος ἐπεισε τοὺς Ἕλληνας
ψηφίσασθαι στρατηγὸν αὐτοκράτορα τῆς Ἑλλάδος εἶναι τὸν Ἀλέξανδρον καὶ συστρα-
τεύειν ἐπὶ τοὺς Πέρσας. Diod. XVII. 4.

²⁾ Diod. XVI, 1: «Διὰ τὴν ἰδίαν ἀρετὴν τῆς μὲν Ἑλλάδος ἀπάσης παρέλαβε
τὴν ἡγεμονίαν, ἔχουσίως τῶν πόλεων ὑποτακτομένων».

³⁾ Diod. XVII, 3. — Arrian. I. 1. — Justin. IX. 5.

⁴⁾ Diod. XVI, 60.

⁵⁾ Ibid. 89.

⁶⁾ Ibid. XVII, 4.

знательность, почитать Діодора ¹⁾, и роскошными пирами, на которые приглашено было множество грековъ, и разнаго рода увеселеніями «достойно отблагодарить ихъ за оказанную ему честь избраніемъ его въ ижемоны» (ταῖς δέδορμέναις αὐτῷ τῆς ἑλῆς ἡγεμονίας τιμὰς).»

Что Филиппъ и Александръ искали въ Греціи одной ижемоны, то это тѣмъ понятнѣе, что господство въ Греціи не было конечною цѣлью для Филиппа и еще менѣе для Александра: они искали въ немъ только орудія для осуществленія инаго плана, болѣе удовлетворявшаго ихъ безпредѣльному славолюбію, плана задуманнаго отцемъ и выполненнаго его великимъ сыномъ, — мы разумѣемъ завоеваніе Персіи. Для подобнаго предпріятія силы одной Македоніи имъ казались недостаточными ²⁾; — вотъ почему сначала Филиппъ, а потомъ Александръ искали и получили ижемонию надъ Греціею, т. е. *право располагать ея военными силами*, весьма значительными и, въ соединеніи съ македонскими, вполне обезпечивавшими успѣхъ предпріятія. Эта любимая, душевная мысль обоимъ македонскимъ царямъ весьма ясно высказывается на коринѣскихъ сеймахъ: и Филиппъ и Александръ искали здѣсь не вообще ижемоны надъ Греціею, но именно въ войнѣ предпринимаемой, *по ихъ же предложенію*, противъ Персовъ. Имѣть Грековъ съ собою, въ этомъ случаѣ, было необходимо уже и для того, чтобы не имѣть ихъ противъ себя, что сдѣлало бы предпріятіе невозможнымъ и даже опаснымъ для самой Македоніи. Примѣръ Агесилая, бывшій еще въ свѣжей памяти у всѣхъ, служилъ тому лучшимъ доказательствомъ ³⁾. Что случилось тогда, легко могло повториться и теперь. Между тѣмъ какъ царь македонскій углублялся бы внутрь Азіи, отдаляясь болѣе и болѣе отъ своего государства, персидское золото вооружило бы противъ него Грековъ, и тогда, угрожаемый въ собственныхъ владѣ-

¹⁾ Diod. XVI, 91.

²⁾ Ср. Isocr. Phil. § 86 и сл.

³⁾ Ср. Isocrat. Philip. § 86 и сл.: «имѣть Грековъ на своей сторонѣ необходимо для успѣха предпріятія противъ Персовъ. Агесилая пренебрегъ этимъ, и потому не имѣлъ успѣха», и пр.

ніяхъ, онъ принужденъ былъ бы, подобно Агесилаю, отказаться отъ своего предпріятія; или даже, отрѣзанный отъ Македоніи греко-персидскимъ флотомъ и лишенный всякой помощи, онъ могъ погубить себя и свою маленькую армію, блуждая съ нею въ безграничныхъ пространствахъ Азіи, особенно еслибы Персы, послѣдовавъ совѣту умнаго грека Мемнона, стали опустошать предъ нимъ страну.

И такъ содѣйствіе Грековъ было необходимо для завоеванія Персіи, но содѣйствіе добровольное, не вынужденное, словомъ то, которое приобрѣталось игомонією. Что касается собственно до Филиппа, то мысль о подобномъ господствѣ должна была родиться у него весьма естественно, какъ у человѣка коротко знакомаго съ бытомъ Грековъ. Извѣстно, что Филиппъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Оивахъ, въ домѣ Епаминонда, своего друга и учителя въ военномъ искусствѣ, и притомъ въ эпоху для себя весьма поучительную, когда Епаминондъ стремился доставить отечественному городу игомонію надъ всею Грецією¹⁾. Такимъ образомъ будущій игомонъ Греціи имѣлъ прекрасный случай изучить тогда какъ сущность этого рода господства, такъ равно и средства къ достиженію его. Быть можетъ даже Филиппъ, проведя годы воспріимчивой юности между Греками, усвоилъ себѣ и ихъ понятія, самъ, такъ сказать, проникнулся греческимъ духомъ, — въ такомъ случаѣ онъ не могъ и сознать инаго господства надъ ними, кромѣ игомоніи; по крайней мѣрѣ во всѣхъ своихъ поступкахъ, въ послѣдствіи, онъ выказывалъ себя настоящимъ грекомъ; того требовалъ впрочемъ и политическій расчетъ. Мысль имѣть своимъ игомонемъ «варвара» могла показаться дикою для Грековъ²⁾. Необходимо было увѣрить ихъ, что онъ (Филиппъ) и самъ грекъ, и притомъ отъ чистѣйшей крови Иракла³⁾, а Македоняне отрасль Еллиновъ⁴⁾; что все греческое ему не

¹⁾ Diod. XVI, 2; XV, 78.

²⁾ Cp. Dem. de corona § 183.

³⁾ Diod. XVII, 4. Isocr. Phil. § 76. 77. 106.

⁴⁾ Cp. Arrian. I, 16: «отняты у варваровъ Александромъ и Греками, за исключеніемъ Лакедемонянъ», — надпись на трофеяхъ гравиской побѣды, сдѣланная

чуждо: что онъ, какъ подобаетъ истому греку, высоко цѣнить славу олимпійскаго побѣдителя ¹⁾; что еллинская религія имѣетъ въ немъ усерднаго сына и защитника ²⁾; что слава и благоденствіе Греціи, ихъ общаго отечества, есть цѣль всѣхъ его стремленій ³⁾. Словомъ, чтобы быть игемономъ Греціи, Филиппу нужно было прежде всего приобрести въ ней право гражданства, — въ чемъ онъ и успѣлъ наконецъ, принявъ, по просьбѣ Оиванцевъ, Дельфійскій храмъ подъ свою защиту и наказавъ его грабителей Фокайцевъ. Подвигъ этотъ доставилъ ему величайшую популярность между Греками: Филиппа называли «метителемъ святотатства, защитникомъ религіи, богоподобнымъ» ⁴⁾; а созванный имъ Амфиктіонійскій сеймъ опредѣлилъ принять Филиппа и его потомство въ число своихъ членовъ, на мѣсто исключенныхъ изъ него Фокайцевъ, и предоставить ему, наравнѣ съ Віотійцами и Фессалійцами, председательство на пивійскихъ играхъ ⁵⁾, т. е. далъ ему и его Македонянамъ право гражданства въ Греціи, наряду съ знатнѣйшими ея племенами. Кто подумалъ бы теперь назвать «варваромъ» члена Амфиктіоніи, председателя пивійскихъ игръ?

Хорошо зная внутреннее состояніе Греціи, Филиппъ понималъ, что онъ можетъ сдѣлаться игемономъ не иначе, какъ при содѣйствіи одной изъ двухъ партій раздѣлявшихъ ее: весьма естественно соединился онъ съ тою, которая имѣла нужду въ союзникѣ для преодоленія своихъ противниковъ, съ олигархами, — и не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Олигархи, надѣясь при помощи македонскаго царя преобразовать правленіе въ свою пользу, колы скоро тотъ сдѣлается игемономъ Греціи, служили ему въ этомъ дѣлѣ весьма искусно и усердно: вслѣдствіе отклоняя согражданъ отъ войны съ Филиппомъ, они тѣмъ дали ему возможность безпрепятственно

по приказанію Александра. — Ср. Diod. XVI. 95: основалъ монархію (Филиппъ) сильнѣйшую между всѣми греческими государствами.

¹⁾ Plut. Alex. 3.

²⁾ Ср. Diod. XVI, 64. — Demosth. corona § 157.

³⁾ См. Isocr. Phil. § 73.

⁴⁾ Justin. VIII, 2. — Diod. XVI, 59. 60.

⁵⁾ Diod. XVI, 60.

распространить свои владѣнія и сдѣлаться достаточно сильнымъ для будущаго игемона Греціи¹⁾; въ то же время, убѣждая своихъ соотечественниковъ обращаться къ помощи Филиппа въ своихъ домашнихъ распряхъ, нерѣдко ими же искусно возбужденныхъ²⁾, они давали ему случай вооруженною рукою вмѣшиваться въ дѣла Греціи, что было уже началомъ игемоніи³⁾.

Медленно и осторожно шелъ Филиппъ къ своей цѣли, съ каждымъ годомъ умножая число своихъ симмаховъ и подчиняя болѣе и болѣе Грецію своему влиянію⁴⁾, когда произошло событіе, которое, казалось, должно было разрушить всѣ его планы, но которое, напротивъ, только ускорило ихъ осуществленіе. Въ 339 г. возгорѣлась въ Елладѣ извѣстная амфисская война. Амфиктіоны⁵⁾ просятъ Филиппа защитить какъ Аполлоновъ храмъ (въ Дельфахъ), такъ и ихъ самихъ противъ «нечестивыхъ» Амфисцевъ⁶⁾, извѣщая вмѣстѣ съ тѣмъ, что члены Амфиктіоніи выбрали его, для этой цѣли, своимъ «полномочнымъ стратигомъ» (*στρατηγὸν αὐτοκράτορα*)⁷⁾. Это была уже *игемонія* во всей формѣ⁸⁾; но надобно было еще упрочить ее,

¹⁾ Dem. Philip. IV, § 46—48. 55; de corona § 293. 161.

²⁾ См. Dem. de corona §§ 143—153 объ амфисской войнѣ.

³⁾ Ср. Dem. Philip. IV, § 46.

⁴⁾ Dem. Philip. IV, § 48; de corona § 157. — Diod. XVI, 64. 84.

⁵⁾ Т. е. члены Амфиктіонійскаго сейма, числомъ 24, по два депутата отъ каждаго изъ племенъ составлявшихъ Амфиктіонійскій союзъ. Вотъ имена ихъ: Фессалійцы, Доране, Ионяне, Перрэвевы, Магниты, Локры, Итѣйцы, феіотійскіе Ахейцы, Мелійцы, Фокейцы и Долопы. Всѣ они жили первоначально по близости Фермопиль; каждое имѣло два голоса на Амфиктіонійскомъ сеймѣ или судилищѣ, какъ обыкновенно его называютъ. Сеймъ собирался дважды въ годъ, весной и осенью, въ Дельфахъ или Фермопилахъ (въ м. Анонлѣ); главная обязанность его заключалась въ надзорѣ за всѣмъ что относилось къ дельфійскому святилищу: охраненіе его собственности, распоряженіе религиозными обрядами и правдами (пнѣйскія игры) и пр. См. Hermann Lehrs. I, § 12—14.

⁶⁾ Жители локрійскаго города Амфиссы издавна завладѣли полями Кирры, составлявшими собственность храма: Амфиктіоны, подстрекаемые аеинскимъ ораторомъ Эсхиномъ, хотѣли было отнять ихъ обратно, но были отражены вооруженною рукою, причемъ многіе изъ нихъ были ранены, а другіе попались въ плѣнъ. Этотъ случай и былъ причиною войны. См. Dem. de corona § 149. 150.

⁷⁾ Нѣтъ надобности прибавлять, что все это устроено было приверженцами Филиппа. См. Dem. de corona § 151.

⁸⁾ Ср. Dem. corona § 151.

распространить на всю Грецію и направить къ желаемой цѣли: прежде всего необходимо было, чтобы афониціонійскія племена подтвердили на дѣлѣ декретъ своихъ депутатовъ, ставъ подъ знамена избраннаго ими игемона. Въ содѣйствіи Фессалійцевъ и мелкихъ племенъ, какъ Перррвевъ, Магниты и др. Филиппъ былъ увѣренъ, но онъ долженъ былъ встрѣтить сопротивленіе со стороны Фивъ и Аѣннъ, которыя сами имѣли притязаніе на игемонію¹⁾, и потому желалъ его уничтожить. Съ этою цѣлью Филиппъ, вступивъ въ Елладу съ сильнымъ войскомъ, занялъ Елатію, важный въ стратегическомъ отношеніи фокидскій городъ, откуда онъ могъ равно угрожать какъ Фивамъ такъ и Аѣннамъ. На Фиванцевъ этотъ поступокъ не произвелъ особеннаго впечатлѣнія. Потому ли что, находясь издавна въ союзѣ съ Филиппомъ, они не ждали отъ него непріязненныхъ дѣйствій противъ себя, или не было между ними чловѣка способнаго проникнуть истинныя намѣренія македонскаго царя, — Фиванцы оставались сначала спокойны²⁾.

Совѣтъ иное происходило въ Аѣннахъ: постоянно противодѣйствуя Филиппу, они, въ свою очередь, могли ожидать теперь возмездія съ его стороны, притомъ въ такую минуту, когда сами вовсе не были готовы къ войнѣ³⁾, и потому первое извѣстіе о вступленіи его въ Елладу съ многочисленною арміею и занятіи имъ Елатіи привела весь городъ въ неописанное смятеніе. Это было вечеромъ. Пританы ужинали, когда внезапно является предъ ними гонецъ съ грозною вѣстью. Не окончивъ трапезы, тотчасъ встаютъ они изъ-за стола: одни спѣшатъ на площадь (ἀγορά), сгоняютъ торговцевъ и зажигаютъ ихъ прилавки и навѣсы; другіе сзываютъ стратиговъ и приказываютъ трубачамъ трубить тревогу во всю ночь; въ смятеніи всѣ ожидаютъ утра. Съ разсвѣтомъ пританы собираютъ «пятисотенный совѣтъ» (βουλή), — народъ же, не дожидаясь обычнаго призыва, спѣшитъ въ еkkлeсiю и занимаетъ

¹⁾ См. Dem. cor. § 156. 200—202. Aeschin. f. leg. § 305.

²⁾ Ср. Dem. cor. § 167. 172. — Plut. Demosth. 17.

³⁾ Diod. XVI, 84. Аѣнны боялись особенно, чтобы Фиванцы, ихъ старые враги, не стали бы теперь дѣйствовать за-одно съ Филиппомъ противъ нихъ.

мѣста, прежде нежели вуй окончилъ засѣданіе. Немного спустя входятъ члены «совѣта»; пританы объявляютъ полученное извѣстіе, а приведенный ими вѣстникъ повторяетъ свой рассказъ. Тогда глашатай (κῆρυξ), по обычаю, громко воскликнулъ: «Кто желаетъ говорить народу?» Но, пораженные страхомъ, всѣ безмолвствовали. Тщетно глашатай нѣсколько разъ повторялъ свой возгласъ — никто не поднимался съ мѣста. Взоры всѣхъ обратились тогда на Димосеена. Неутомимый противникъ Филиппа, проникавшій всѣ его замыслы, выступилъ впередъ и сталъ говорить такъ: «Тѣ изъ васъ, Аѳиняне, которые находятся теперь въ сильнѣйшемъ страхѣ, воображая, что Оиванцы — усердные слуги Филиппа, по моему, не знаютъ настоящаго положенія дѣлъ. Еслибы ихъ опасенія были справедливы, то не въ Елатіи, а у предѣловъ Аттики стоялъ бы онъ теперь. Я твердо убѣжденъ, что прежде всего онъ хочетъ прибрать Оивы въ свои руки. Дѣло вотъ въ чемъ. Тѣ изъ Оиванцевъ, которыхъ онъ обманомъ или подкупомъ успѣлъ привлечь на свою сторону, готовы ему служить; но другіе, противодѣйствовавшіе его намѣреніямъ съ самаго начала, и донынѣ остались ему враждебны, несмотря на всѣ его козни. Расположившись станомъ вблизи Оивъ, онъ хочетъ внушить смѣлость и увѣренность своимъ приверженцамъ и, поразивъ ужасомъ своихъ враговъ, страхомъ или силою исторгнуть у нихъ то¹⁾, въ чемъ они ему теперь отказываютъ. Если мы теперь, забывъ старыя обиды, нанесенныя намъ Оиванцами, великодушно подадимъ имъ руку помощи, то успѣемъ еще снасти свою независимость. Пусть всѣ способные носить оружіе выступятъ къ г. Елевсину, чтобы показать всей Греціи, что мы готовы сражаться за ея свободу! Увѣренность въ нашемъ содѣйствіи ободритъ нашихъ оиванскихъ друзей и утвердитъ ихъ въ рѣшимости противиться Филиппу»²⁾.

Слова Димосеена приняты были съ громкимъ одобреніемъ: тутъ же рѣшено было отправить немедленно его самого, съ нѣсколькими товарищами, въ Оивы для заключенія союза меж-

¹⁾ т. е. ижемонію. см. Dem. cor. § 155—157.

²⁾ Dem. corona § 169—178. Diod. XVI, 84. 8b. Plut. Demosth. 18.

ду обѣими республиками. Съ подобною же цѣлью разосланы были посольства во всѣ концы Греціи ¹⁾.

Филиппъ, вспомоцествуемый своими приверженцами, употребилъ всѣ средства убѣжденія ²⁾ и угрозы, чтобы отвратить опасный для него союзъ, — но тщетно: неотразимое слово Димосеена, выказавшаго, въ этомъ случаѣ, изумительную дѣятельность и энергію, преодолѣло всѣ препятствія, — союзъ былъ заключенъ ³⁾! Прочія депутаціи аѣнскія равнымъ образомъ нѣбли успѣхъ: въ короткое время Еввія, Ахѣя, Коринѣъ, Мегара, Левкадія и Корцира приступили къ общему союзу. Вся Греція, казалось, готова была возстать! ⁴⁾ Положеніе Филиппа сдѣлалось критическимъ. Одно неудачное сраженіе могло его лишить плодовъ долговременной политики, разрушить всѣ его планы; — да и не въ характерѣ этого монарха было рисковать вѣрнымъ для невѣрнаго: онъ предложилъ миръ — миръ былъ отвергнутъ! ⁵⁾ Оружіе должно было теперь рѣшить, быть ли Филиппу игемономъ Греціи или нѣтъ. — Послѣ двухъ небольшихъ стычекъ ⁶⁾, противники, успѣвшіе между тѣмъ собрать весьма значительныя силы, сошлись наконецъ близъ г. Херонѣи (въ Августѣ 338 г.). Загорѣлась битва упорная и кровопролитная: сражались съ равнымъ мужествомъ; множество воиновъ падало съ обѣихъ сторонъ; — побѣда колебалась.... Наконецъ молодой Александръ ⁷⁾, горя желаніемъ отличиться въ глазахъ отца, поручившаго ему начальство надъ половиною арміи, съ неудержимою отвагою устремился впередъ, смялъ «священный отрядъ» (ἱερὸς λόχος) Фиванцевъ и, ниспровергая все на пути, первый прорвалъ непріятельскій строй; — Филиппъ, сдѣлавъ усиліе съ своей стороны, довершилъ побѣду ⁸⁾.

¹⁾ Dem. cor. § 179. 184. Diod. XVI, 85.

²⁾ Между прочимъ Филиппъ отправилъ въ Фины, для противодѣйствія узаконительному краснорѣчію Димосеена, славнаго въ то время византійскаго оратора Писона. Diod. XVI, 85.

³⁾ Dem. cor. § 136. 214—218, Diod. XVI, 85. Plut. Demosth. 17. 18.

⁴⁾ Dem. cor. § 237. Plut. Demosth. 17. Justin. IX, 3.

⁵⁾ Plut. Dem. 18. Dem. cor. § 222.

⁶⁾ О нихъ упоминается только у Димосеена, см. союга § 216.

⁷⁾ Ему было тогда всего 19 лѣтъ.

⁸⁾ Diod. XVI, 86. Plut. Alex. 9; Demosth. 19.

Радость Филиппа, въ первое время, была безмѣрна. Пируя съ друзьями въ честь побѣды и отуманенный виномъ, онъ забылъ даже, на минуту, собственное достоинство и сталъ издѣваться надъ плѣнниками. «Царь», замѣтилъ ему одинъ изъ нихъ ¹⁾, «прилично ли тебѣ, которому судьба предоставила роль Агамемнона, являть дѣла Тирсита!» Слова эти поразили Филиппа, — онъ тотчасъ опомнился: похвалилъ смѣлый отвѣтъ, удалилъ съ пиршества все что только напоминало побѣжденнымъ ихъ униженіе и, обласкавъ плѣнниковъ, всѣхъ ихъ отпустилъ потомъ безъ выкупа ²⁾. Вѣрный своей политикѣ, онъ и теперь не хотѣлъ прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, и предложилъ миръ и дружбу своему главному врагу — Афинамъ ³⁾. Этимъ поступкомъ, имѣвшимъ видъ великодушія, онъ надѣялся расположить въ свою пользу прочія республики и склонить ихъ, такимъ образомъ, вручить ему игемонію *добро-вольно* (ἐθέλοντῇ), какъ «благодѣтелю Греціи» (ὡς εὐεργέτῃν ὄντι τῇς Ἑλλάδος) ⁴⁾ — тогда только она и могла быть прочна.

Херонейская побѣда передала въ руки Филиппа всю Елладу ⁵⁾; Фессалія подчинилась ему еще прежде ⁶⁾; большая часть Пелопоннеса также слѣдовала его политикѣ, — многія республики здѣсь были уже съ нимъ и въ симмахіи и ихъ вспомогательные отряды участвовали, по видимому, въ херонейской битвѣ ⁷⁾. Но Спартяны, по прежнему, никому не хотѣли уступать игемоніи, считая ее своимъ древнимъ и законнымъ достояніемъ ⁸⁾. Надобно было сломить ихъ гордость, скрѣпить союзъ съ симмахами и вообще упрочить свое вліяніе въ Пелопоннесѣ. Съ этою цѣлью Филиппъ предпринялъ туда походъ еще въ томъ же

¹⁾ Это былъ извѣстный аѳинскій ораторъ Демадъ.

²⁾ Diod. XVI, 87. Justin. IX, 4.

³⁾ См. Diod. и Justin. ibid. Но Фивы Филиппъ занялъ своимъ гарнизономъ и вручилъ правленіе своимъ приверженцамъ (Justin. IX, 5.).

⁴⁾ Polyb. IX, 28. § 4; 33. § 7.

⁵⁾ Ср. Diod. XVI, 89. — Justin. IX, 3: «hic dies universae Graeciae et gloriam dominationis et vetustissimam libertatem finivit».

⁶⁾ Polyb. IX, 28. § 3. — Dem. de f. legat. § 260; de cor. § 64.

⁷⁾ Dem. f. leg. 259—260; de cor. § 64. 157. — Diod. XVI, 85.

⁸⁾ Polyb. XI, 28. § 5.

338 году. Хотя онъ и не могъ побѣдить упорства Спартанцевъ, никакъ не хотѣвшихъ признать его игемономъ ¹⁾, но, опустошивъ ихъ поля и завладѣвъ нѣсколькими городами, онъ такъ унижилъ и ослабилъ ихъ, что, на нѣкоторое время по крайней мѣрѣ, лишилъ ихъ возможности вредить ему; чтобы обезпечить себя еще болѣе съ этой стороны, Филиппъ отнятые имъ у Спартанцевъ города отдалъ ихъ врагамъ, а своимъ симмахамъ, Артійцамъ, Тегеатамъ, Мегалополитанамъ и Мессинійцамъ. Устроивъ въ Пелопоннисѣ всѣ дѣла по своему желанію, Филиппъ возвратился въ Елладу въ концѣ того же года ²⁾.

Филиппъ приблизился наконецъ къ давно желаемой цѣли: на дѣлѣ онъ былъ уже игемонъ Греціи, — недоставало только формальнаго признанія его такимъ. Оставалось еще также склонить Еллиновъ къ походу на Персовъ. — Въ обоихъ случаяхъ Филиппъ ни на шагъ не отступилъ отъ однажды принятаго имъ намѣренія достигнуть того и другаго не иначе, какъ съ свободнаго согласія самихъ Грековъ, т. е. путемъ самымъ естественнымъ и, такъ сказать, законнымъ, а вмѣстѣ и наилучшимъ для обезпеченія успѣха его главной цѣли — завоеванія Персіи. Предпріятіе это не только не могло встрѣтить противорѣчій со стороны Грековъ, но скорѣе должно было возбуждать къ себѣ всеобщее сочувствіе. Несмотря на дѣйствіе времени и обстоятельствъ, старая ненависть къ «варварамъ», попиравшимъ нѣкогда еллинскую почву, раззорившимъ ея храмы и родныя пепелища, не угасла еще въ сердцахъ истинныхъ сыновъ Греціи; — мысль отплатить Персамъ тѣмъ же, предпринять общій славный походъ въ ихъ собственную страну, всегда плѣняла ихъ воображеніе, и только внутренніе раздоры, вѣчно раздѣлявшіе Еллиновъ, мѣшали привести ее въ исполненіе ³⁾. Филиппъ хорошо зналъ Грековъ и весьма искусно умѣлъ

¹⁾ «Не повиноваться, а повелѣвать научили насъ предки!» съ гордостью отвѣчали они потомъ на предложеніе Александра принять участіе въ персидскомъ походѣ, подъ его предводительствомъ (Arrian. I, 1.).

²⁾ Polyb. IX, 28. 33. Boeckhe-Att. Redn. II, 738—740.

³⁾ См. рѣчи Исократъ: Paneg. §§ 3. 4. 15. 155; Panathen. § 162; Philip. §§ 8. 9. 124. 125. 130. — Со времени пелопоннесской войны знаменитый афинскій

затронуть ихъ чувствительную струну. Возвратясь изъ Пелопонниса, онъ «сначала распустилъ слухъ, что хочетъ снарядить экспедицію противъ Персовъ, для отмщенія варварами за поруганіе ими нѣкогда греческихъ храмовъ» ¹⁾. Въсть эта произвела сильный энтузіасмъ между Греками ²⁾ и «привлекла къ Филиппу всѣ сердца» ³⁾. Увѣрившись въ сочувствіи Еллиновъ къ своему предпріятію, онъ предложилъ тогда каждой республикѣ прислать своихъ депутатовъ «для совѣщанія съ нимъ объ общественныхъ дѣлахъ». Мѣстомъ сейма назначенъ былъ Коринѣъ. Когда собрались всѣ представители Греціи (весною 337 г.), Филиппъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой говорилъ о необходимости войны съ Персами, напомнилъ старыя обиды, понесенныя отъ нихъ, представилъ славу и легкость этого предпріятія, — и всѣхъ увлекъ своими словами. «Исполненное великихъ надеждъ», собраніе тутъ же постановило — объявить войну Персамъ. Оставалось избрать общаго предводителя союзныхъ силъ, общаго игемона — весьма естественно званіе это предложено было тому, кто имѣлъ на него всего болѣе правъ ⁴⁾, кто былъ уже имъ на дѣлѣ — македонскому царю ⁵⁾.

ораторъ Исократъ и другіе (см. Isocr. Paneg. §§ 3. 4.) не переставали убѣждать своихъ соотечественниковъ прекратить распри и соединиться для общаго похода на Персовъ (см. вышеприведенныя рѣчи Исократа). — Были даже дѣлаемы и попытки къ осуществленію этого предпріятія. Таковъ былъ извѣстный походъ Агесилая въ Азію, неудавшійся по причинамъ изложеннымъ выше. Позже (ок. 370 г.) Ясонъ, тираннъ ферейскій и повелитель (тагъ) всей Тессаліи, тоже имѣлъ мысль, соединивъ всю Грецію подъ своею игемоніею, предпринять покореніе Персіи (Diod. XV. 60. Isocr. Philip. § 119). Когда стало усиливаться могущество Филиппа, Исократъ обратился къ нему, убѣждая его помирить Грековъ и, въ главѣ ихъ, предпринять походъ на «варваровъ». См. его рѣчь «къ Филиппу», особенно §§ 8. 9. 13—16. 30. 31 и его два письма къ нему же.

¹⁾ Diod. XVI, 89.

²⁾ Греція дала Филиппу, для этого предпріятія, армию до того невиданную — 200.000 ч. пѣхоты и 15.000 конницы! см. Justin. IX, 5.

³⁾ Diod. XVI, 89. Ср. Isocr. Philip. § 68.

⁴⁾ Ср. Isocr. Philip. §§ 13—16.

⁵⁾ Diod. XVI, 89. Polyb. IX, 33. § 7. У Диодора: «τῶν Ἑλλήνων ἱγούμενων αὐτὸν (Филиппа) στρατὴρὸν αὐτοκράτορα τῆς Ἑλλάδος» (т. е. Еллины избрали Филиппа полномочнымъ стратигомъ Греціи). У Полибія еще яснѣе: «καὶ κατὰ γῆν αὐτὸν ἡγεμόνα καὶ κατὰ θάλατταν εἰλοντο πάντες». (т. е. Греки избрали Филиппа своимъ игемономъ на сушѣ и на морѣ). ср. Justin. XI, 4.

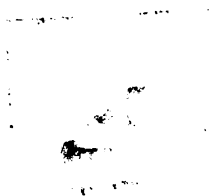
Филиппъ немедленно сталъ готовиться къ походу. Опредѣливъ количество ратниковъ, какое долженъ былъ выставить каждый городъ въ союзную армію, онъ, на короткое время, отлучился въ Македонію для усмиренія Иллирійцевъ. Возвратясь въ Грецію (въ 336 г.) и окончивъ всѣ приготовленія къ персидскому походу, онъ, по обычаю, спросилъ Пиею объ успѣхѣхъ предпріятія. Получивъ отвѣтъ показавшійся ему благопріятнымъ, Филиппъ почтилъ боговъ великолѣпными жертвоприношеніями и не сомнѣвался болѣе въ счастливомъ исходѣ войны. Празднуя, въ то время, бракъ своей дочери Клеопатры съ епирскимъ царемъ Александромъ, онъ созвалъ на свадьбу своихъ еллинскихъ «друзей» (φίλων καὶ ξένων), со всѣхъ концевъ Греціи, и увеселяя ихъ музыкальными состязаніями, роскошными пирами, всячески старался выразить имъ свою признательность за оказанное ему содѣйствіе въ приобрѣтеніи игемоніи ¹⁾. Посреди этихъ празднествъ Филиппъ внезапно погибъ отъ руки убійцы ²⁾, еще въ лѣтахъ цвѣтущаго мужества (ему было тогда 47 лѣтъ) ³⁾, въ самомъ началѣ великаго и славнаго предпріятія, бывшаго его любимую мечтою.—Предпріятіе это выполнено было съ полнымъ успѣхомъ его наслѣдникомъ Александромъ, преимущественно войсками Греціи, которая подтвердила за сыномъ игемонію, приобрѣтенную отцемъ.

1) Diod. XVI. 91.

2) Повидимому, мать Александра, Олимпія была виновницею этого убійства. см. Justin. IX, 7. ср. Diod. XVI, 93. 94.

3) Justin. IX, 8.

3

1900

